

Религиозная организация
— духовная образовательная организация высшего образования
**«МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»**

На правах рукописи

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословия**

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В КИТАЕ В XVIII – НАЧ. XX ВВ.

Специальность: миссиология

Автор

иерей Андрей Романович Курлыкин

Научный руководитель

доц. прот. Александр Задорнов

Сергиев Посад

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ	13
1.1. Дореволюционная отечественная историография.....	13
1.2 Советская историография.....	20
1.3. Современная отечественная историография.....	22
ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ	53
2.1. Политическое и социальное состояние Китая в XVIII – нач. XX вв.	53
2.2. Христианство в Китае и его отношения с традиционной культурой	60
2.3. История Русской духовной миссии в Китае в XVIII – первой пол. XIX вв.	74
2.4. История Русской духовной миссии во второй пол. XIX – нач. XX вв.	82
ГЛАВА 3. СТРУКТУРА РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ.....	96
3.1. Правовое положение и основные организационные принципы	96
Русской духовной Миссии в Китае	96
3.2. Кадровый состав Русской духовной миссии в Китае.....	104
3.3. Материальное положение Русской духовной Миссии в Китае.....	115
ГЛАВА 4. НАУЧНАЯ БАЗА МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КИТАЕ	128
4.1. Лингвистические исследования сотрудников Русской духовной миссии в Китае	128
4.2. Изучение истории, культуры и современного состояния Китая сотрудниками Духовной Миссии	141
4.3. Оценка советскими и современными синологами научной деятельности РДМ в Китае	160
ГЛАВА 5. БОГОСЛУЖЕНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТОДЫ МИССИИ В КИТАЕ	168
5.1. Православное богослужение и храмостроительство в Китае.....	168
5.2. Почитание православных китайских мучеников.....	176
5.3. Благотворительность Русской духовной миссии в Китае.....	181
ГЛАВА 6. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ	187
6.1. Создание православной литературы для православных жителей Китая .	187
6.2. Издательская деятельность Русской духовной Миссии в Китае	198
6.3. Институт образовательных учреждений Русской духовной миссии в Китае	205
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	221

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертация представляет собой научное исследование, посвященное изучению методологических основ миссионерской деятельности сотрудников Российской духовной миссии в Китае (далее для удобства будут использованы сокращения: РДМК, Духовная Миссия или просто Миссия) в XVIII – начале XX вв. РДМК функционировала в Китае на протяжении двух с половиной столетий, причем ее сотрудники не только просвещали местное население через знакомство с православным вероучением, но и являлись единственным достоверным источником сведений о Китае в России.

Многогранная и плодотворная научная деятельность русских миссионеров, основавших новую научную дисциплину – синологию, которая успешно развивалась и превосходила по качеству изыскания зарубежных ориенталистов, отодвинула на второй план изучение миссионерского опыта РДМК. Представляется, что такая расстановка акцентов в оценке деятельности Миссии несправедлива, поскольку научная деятельность ее членов была ориентирована на практическое применение в миссионерской работе, как-то: перевод Священного Писания на китайский язык, подготовка катехизаторов и миссионеров из числа местного населения и т.д. Поэтому данная работа ориентирована на исследование исторического аспекта православной миссионерской деятельности в Китае, выявление ее миссионерской методологии, выявление ее успешных качеств и определение неудач.

Актуальность исследования. РДМК сыграла огромную роль в деле распространения Православия в Китае. В течение всего времени существования Миссии ее сотрудники вели проповедь на территории Китайской империи, осуществляли работу по переводу богослужебных книг, занимались переводческой деятельностью. Методы, применяемые русскими миссионерами в рамках выполнения задач, порученных РДМК со стороны правительства и Св. Синода, заметно влияли на общее развитие миссионерской и просветительской деятельности христиан в Китае, а также

формировали положительное отношение к российской государственности и ее дипломатическим представителям со стороны китайского правительства. В силу вышеуказанных обстоятельств Пекинская Духовная Миссия может быть названа уникальной, т.к. в своей деятельности она успешно сочетала практическое применение методов духовной миссии и методов, присущих дипломатическим учреждениям, а также научным коллективам. Именно сотрудниками Миссии были заложены основы отечественного востоковедения.

С недавнего времени были открыты новые фонды Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел (АВПРИ МИД) и Российского Государственного Исторического Архива (РГИА), в которых содержится важная информация о становлении и деятельности РДМК. Также стали доступны некоторые международные соглашения и дипломатическая переписка, отражающая взгляды международных наблюдателей. Интересны документы российского посольства в Китае. Изучение китайской и российской прессы конца XIX – начала XX в. пролило свет на многие спорные вопросы, касающиеся методов миссии и развития Православия в Китае.

Несмотря на усилившийся в последние годы интерес к истории Русской Духовной Миссии, отечественная историческая наука еще не предпринимала попыток отдельного систематического исследования всего их комплекса. В частности, отечественной исторической наукой в первое десятилетие XXI в. не осуществлялось целенаправленное исследование методологии миссионерской деятельности.

Введение в научный оборот новых знаний дает возможность осмыслить опыт миссионерской деятельности в Китае за предыдущие столетия, что представляется чрезвычайно важным на современном этапе, когда контакты с этой страной возобновляются. Некогда увядшая проповедь православия в Китае рано или поздно должна будет возобновиться. Тогда весь накопленный научными исследованиями миссионерский потенциал должен будет

реализован для того, чтобы новым благовестникам не пришлось повторять прошлых ошибок.

В связи с этим очевидно, что научная проблема методов духовной Миссии, использованных русскими миссионерами в Китае в XVIII – начале XX вв., нуждается в глубоком исследовании с опорой на широкий круг источников, среди которых особенную научную ценность приобретают архивные документы.

Целью данной работы является исследование методов и организации миссионерской деятельности РДМК в XVIII – нач. XX вв.

Поставленная в работе цель подразумевает решение следующих **задач**:

- проследить историю РДМК с учетом ее миссионерской активности;
- изучить структуру РДМК и выявить условия организации, как благоприятствовавшие миссии, так и мешавшие ей;
- проанализировать научные разработки сотрудников РДМК на предмет их применения в деле проповеди, соотнести чистую научную деятельность и практическую миссионерскую работу;
- определить роль социальных и просветительских учреждений в деле миссии в Китае;
- исследовать складывание собственных китайских православных традиций, в том числе связанных с появлением китайских мучеников, и показать их место в миссионерской проповеди.

Объектом исследования является православная миссия в среде народов, не знающих Православия и не связанных с ним культурно, социально или политически.

Предметом диссертационной работы организация и подходы к православной миссионерской деятельности в Китае в XVIII – нач. XX вв.

Хронологическими рамками данной работы являются 1715–1917 гг., что позволяет показать реализацию и развитие тех методов миссионерской проповеди, которые применяли члены Пекинской Духовной Миссии.

В качестве временного периода исследования нами выбран промежуток от 1715 до 1917 гг. Верхняя временная граница обусловлена прибытием в Пекин 1-й Российской Православной Духовной Миссии, нижняя – изменением статуса Пекинской Духовной Миссии вследствие революционных событий в России, которые привели к изоляции Миссии, и ее последующему вступлению в юридическое подчинение Заграничному Синоду русских православных церквей.

Географические рамки исследования включают в себя территорию Китая. На данной территории в указанный период проживало порядка 105–432 млн. чел. населения.

Источники исследования. Для решения сформулированных задач был привлечен комплекс исторических трудов, которые можно тематически разделить на несколько групп:

- межгосударственные отношения: российско-китайские договоры, соглашения, позволяющие выявить степень институализации РДМК;
- законодательные и нормативные акты, подтверждавшие, комментировавшие или отменявшие деятельность РДМК;
- официальные дела, которые включают в себя переписку членов Миссии, властей центров и регионов, физических лиц, протоколы собраний и совещаний, жалобы и просьбы. Дела данной тематической группы позволяют узнать мотивы, способствовавшие принятию решений, касающихся РДМК.
- статистические и справочные материалы (отчеты, обзоры, описания, энциклопедии, словари);
- мемуары известных государственных и церковных деятелей, дипломатов, очевидцев;
- материалы периодической печати (газеты, журналы). Эти источники имеют огромное значение, с их помощью может быть проведен анализ общественного мнения о деятельности РДМК.

Крупнейшим депозитарием документов, отражающим проблемы истории РДМК, является Российский Государственный Исторический Архив

(РГИА). В фонде «Канцелярия Синода» (Ф.796) имеются данные о деятельности Миссии в Пекине, фонд «Контроль при Синоде» (Ф.801) содержит разнообразные документы по проблемам осуществления Миссии. В фонде «Канцелярия Обер-Прокурора Синода» (Ф.797), помимо отчетов о переговорах с китайскими властями и переписки с российскими властями, имеются документы на китайском языке, в которых отражены происшествия, связанные с русским православным населением в Китае.

Некоторые документы по истории РДМК хранятся в фонде «Китайский стол» (Ф.143) Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ МИД РФ).

Немаловажное значение для исследования поставленной проблемы имеют фонды Архива Петербургского отделения Института Востоковедения Российской академии наук (ИВР РАН). Фонд «Пекинская миссия» содержит сведения о численности китайского православного населения на территории Пекина. В фонде «Кротков Н. Н.» находятся данные об экономической деятельности Миссии на всей территории Китая.

Сборники договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока отражают становление и правовой статус РДМК.

Позднее документы публиковались в качестве приложений в специальных сборниках (Э. Д. Гримм). Ряд документов встречается и в китайских сборниках: Цзиньдай чжун вай тяоюэ сюаньси (Избранные договоры Китая с другими государствами Нового времени с комментариями), Лиши данань сюань бянь (Избранные архивы по истории Миссии), Циндай чжунэ гуаньси данань шиляо сюань бянь (Избранные архивные материалы по истории китайско-российских отношений в эпоху Цин), Цинцзи вайцзяо шиляо, Гуансюй чао (Материалы по истории внешних отношений в конце правления династии Цин, эпоха Гуансюй).

Работы дипломатических и иных официальных лиц заслуживают особого внимания.

Ценным источником для данного исследования являются отчеты начальников Миссии, а также приложения к ним. В них содержится информация о численности православного населения в Китае, проживавшего на разных его территориях, а также сведения о формах деятельности Миссии.

Ряд источников описывает события, связанные с восстанием ихэтуаней (1898-1900).

Прежде всего, необходимо упомянуть воспоминания очевидца В. В. Корсакова (врача при Дипломатическом Представительстве в Пекине): «Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май – август 1900 г.»¹; «В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае»² и др.

Интересна работа Д. М. Позднеева (директора Русско-Китайского банка) «56 дней Пекинского сидения. В связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца»³.

Заслуживают внимания труды И. Я. Коростовца (дипломатического представителя Российской империи в Китае) «Китайцы и их цивилизация»⁴, «Россия на Дальнем Востоке»⁵.

Авторы упомянутых трудов постарались с научной точки зрения подойти к оценке тех событий, которые они описывали в своих исследованиях.

Многие документы и материалы, посвященные исследуемой проблеме, публиковались в журналах и газетах, прежде всего издававшихся в Хабаровске «Приамурских ведомостях», а также в российских журналах «Вестник Азии», «Русский архив», «Русское богатство», и китайском журнале «Дунфан цзачжи» (Восточное обозрение).

В этих журналах можно найти информацию о деятельности руководителей Миссии (архимандрита Иакинфа (Бичурина), архимандрита

¹ Корсаков В.В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде Пекина, май – август 1900 г. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1901. 394 с.

² Корсаков В.В. В старом Пекине: очерки из жизни в Китае. СПб.: Труд, 1904. 368 с.

³ Позднеев Д.М. 56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни: рассказ очевидца. СПб.: тип. В.Ф. Киришбаума, 1901. 199 с.

⁴ Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898. 628 с.

⁵ Коростовец И. Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин: Восточное просвещение, 1922. 204 с.

Гурия (Карпова), архимандрита Палладия (Кафарова), архимандрита Флавиана (Городецкого), архимандрита Амфилохия (Лутовинова), архимандрита Иннокентия (Фигуровского)), о проблемах перевода катехизиса на китайский язык, отношениях между русским и китайским правительством, восстановлении Миссии после боксерского восстания.

Особого внимания заслуживает журнал «Китайский благовестник», который является источником сведений о жизни РДМК. Он начал издаваться с 1904 г. под названием «Известия Братства Православной Церкви в Китае», а в 1907 году был переименован в «Китайский благовестник». Содержание журнала разнообразно: текущие события, указы Синода, официальные документы, отчеты о деятельности Миссии, научно-исследовательские статьи и т.д. Данная информация весьма интересна и позволяет рассмотреть деятельность РДМК более подробно.

Вышеуказанной базы источников достаточно для того, чтобы полностью осветить тему на новом уровне и проанализировать деятельность Миссии в рамках поставленной цели.

Научная новизна исследования. Несмотря на постепенное формирование фундаментального корпуса научных материалов по истории РДМК, ни отечественные, ни зарубежные исследователи, не предпринимали попыток систематического исследования методов Миссии, которые применяли миссионеры в своей деятельности.

Рабочая гипотеза исследования предполагает, что РДМК в XVIII – начале XX вв. не только эффективно выполняла дипломатические поручения со стороны государства и осуществляла разностороннюю научную деятельность в сфере истории, этнографии и лингвистики, но и в целом успешно справлялась со своей главной духовной задачей – миссионерством. Малочисленность православной общины в Пекине к началу XX века обуславливалась не пассивностью миссионеров, а с «охранительной» стратегией государственной власти. Ценность миссионерского опыта, накопленного в ходе 17 Миссий, нашла отражение в масштабной научной и

издательской деятельности их сотрудников. Именно миссионерская практика являлась итоговой целью научных изысканий наиболее авторитетных синологов 2-й половины XIX века: В.П. Васильева, архимандрита Палладия (Кафарова), архимандрита Гурия (Карпова).

Следовательно, значительный рост числа обращенных в Православие среди местного населения во время работы 18-й миссии, свидетельствует не столько о некомпетентности предыдущих миссионеров, сколько о верной смене стратегии деятельности Миссии, что выразилось в отказе от «охранительных» тенденций, искусственно сдерживавших прозелитизм, и учреждении Пекинской епархии.

Положения, выносимые на защиту:

- совмещение на продолжении длительного времени дипломатических обязанностей с миссионерской работой обусловило особый характер деятельности РДМК, повлиявший на организацию миссии и ее взаимоотношение с властями Китая;

- привлечение к работе в РДМК для представителей русского духовенства и научного сообщества происходило главным образом благодаря перспективе дальнейшего карьерного роста, что не способствовало долговременной концентрации опыта миссионерской работы;

- основой популяризации Православия в Китае миссионерами был избран принцип инкультурации, позволявший доносить основы христианства до населения через образы местной культуры;

- характер развития миссионерской деятельности показал наличие трех этапов развития проповеди, соответствующие степени духовного взросления тех, на кого направлена проповедь. Начальный этап, характеризующийся лишь первым знакомством китайцев с верой. Второй, отличительной чертой которого, является укрепление в вере через образовательную и просветительскую деятельность. Третий этап, характерный наличием собственных святых и приобретения важного места в деле проповеди самих китайцев.

Методологическая база исследования. В процессе работы над данной диссертацией на разных этапах применялся целый ряд методологических приемов. В главе, посвященной исследованию истории Миссии, применяются исторический, системный и описательно-аналитический методы. Использование приемов указанных методов позволяет проследить развитие просветительской деятельности Духовной Миссии в указанный период, осуществить их классификацию и выделить особенности каждой группы по ряду признаков. В дальнейших главах применяются описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный, статистический методы.

Научная новизна исследования представлена комплексной характеристикой развития просветительских методов РДМК в XVIII – нач. XX вв. на базе дореволюционных, советских и постсоветских источников.

Практическая ценность работы. Материалы диссертационной работы и выводы по результатам исследования могут быть использованы в образовательном процессе при изучении миссионерского присутствия РПЦ в Китае.

Структура работы. Диссертационная работа включает в себя введение, шесть глав, заключение, список использованных источников и литературы.

В 1-й главе излагается историография изучения РДМК, которая позволит иметь общее представление о степени разработанности темы данной диссертации.

Во 2-й главе дается краткий обзор политической и социальной истории Китая, истории христианства в Китае и его состоянии в контексте межконфессиональных отношений, а также излагается краткий обзор истории Русской духовной Миссии в хронологических рамках исследования.

3-я глава посвящена структуре Духовной Миссии в историческом аспекте: ее правовой статус, кадровый состав, различные модели управления Миссией, источники и объемы финансирования. Все это даст ясное

представление о том, как внешнее состояние Миссии влияло на распространение Православия в Китае

4-я глава раскрывает научную деятельность членов Духовной Миссии: их труды по изучению и применению китайского языка (учебные пособия, словари и переводы), культурологические и исторические исследования Китая.

5-я и 6-я главы посвящены основным направлениям миссионерской деятельности Духовной Миссии в практическом аспекте: 5-я глава раскрывает богослужение, храмостроительство и благотворительность, 6-я глава посвящена издательству православной литературы и образованию на разных уровнях (школьном, семинарском и катехизаторском).

В тексте работы все цитаты из источников приведены в соответствии с правилами современной русской орфографии.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ

В отечественной историографии существует ряд серьезных работ, посвященных возникновению и деятельности РДМК, в том числе написанных ее членами. Ниже будет изложено их описание и произведен общий анализ.

В наше время принято выделять три периода отечественной историографии РДМК: дореволюционный (когда историографами были члены Духовной Миссии), советский (время, когда под влиянием советской идеологии отношение к РДМК было неоднозначным) и современный (на котором происходит дальнейшее изучение и осмысление истории РДМК в различных ее аспектах).

1.1. Дореволюционная отечественная историография

С конца XIX столетия появляются работы членов Духовной Миссии, посвященные РДМК: иеромонаха Николая (Адоратского), А. К. Можаровского, С. А. Архангелова, И. Я. Коростовца, протоиерея Евгения Смирнова и др.

Труды дореволюционных авторов можно считать наиболее ценным и наиболее богатым материалом для изучения обозначенного предмета, так как в них было введено в научный оборот немало ценных документов (к сожалению, значительная часть из них была уничтожена во время восстания ихэтуаней в 1900 г.), освещающих деятельность Миссии; производились первые попытки систематизации полученных сведений. Ряд публикаций был посвящен деятельности выдающихся членов РДМК, которые внесли большой вклад в распространение Православия на Востоке, в синологию и в укрепление российско-китайских отношений.

При этом необходимо отметить, что в данный период было не так много критического осмысления РДМК, авторы преимущественно занимались поэтапным описанием истории и деятельности Духовной Миссии.

Одним из первых дореволюционных исследований РДМК является книга иеромонаха Николая (Адоратского) «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования»⁶. Иеромонах Николай (Адоратский) являлся членом 16-й и 17-й Духовных Миссий. Изначально его труд был напечатан в журнале «Православный собеседник» в 1887 г., в дальнейшем исследование было выпущено в 2-х частях. 1-я часть описывала деятельность Миссии с 1685 по 1745 г., а вторая – с 1745 по 1808 г.

Труд иеромонаха Николая (Адоратского) является первой попыткой всестороннего обзора и периодизации деятельности РДМК. Его исследования были основаны на богатой и во многом уникальной базе источников: им были найдены неизвестные ранее рукописные труды миссионеров⁷, использованы устные воспоминания членов Духовной Миссии, а также ее документы и материалы архива, которые навсегда утрачены во время восстания ихэтуаней в 1900 г.

В силу использования уникальной базы источников иеромонахом Николаем (Адоратским) последующие поколения исследователей при характеристике миссионеров и их трудов неоднократно ссылались на его исследования. При этом необходимо с осторожностью подходить к сведениям автора, так как в них встречаются неточности.

К этому же времени можно отнести труд А. К. Можаровского «К истории нашей духовной миссии в Китае», вышедший в 1886 г.⁸. В своем исследовании автор приводит рукописные документы по истории Духовной Миссии с 1819 по 1831 гг. Особенно интересен официальный документ МИДа о смене Миссии и назначении нового начальника Миссии иеромонаха Вениамина (Морачевича).

⁶ Николай (Адоратский), иером. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. // Православный собеседник. Казань. 1887. С. 13–59.

⁷ Например, работа архим. Палладия (Кафарова) «Китайская литература магометан». // Палладий (Кафаров), арх. Китайская литература магометан // Труды Восточного отдела Русского археологического общества. Т. 17. СПб., 1887. 334 с.

⁸ Можаровский А. К. К истории нашей духовной миссии в Китае. // Русский архив. 1886. №7. С. 405–437.

Также необходимо уделить внимание еще одному труду А. К. Можаровского «Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой Российско-Императорской миссии в Пекине»⁹. Очерк жизнеописания архимандрита Петра (Каменского), возглавлявшего 10-ю Миссию, был издан в авторитетном историческом журнале «Русская старина» в 1896 г. Труд этот любопытен тем, что А. К. Можаровский привлек богатый мемуарный и эпистолярный материал, оставленный самим архимандритом Петром.

Важность жизнеописания архимандрита Петра (Каменского) состоит в том, что оно позволяет изменить стереотипное представление о начальнике 10-й Миссии, сложившееся в рамках советской историографии и беллетристики. Конфликт архимандрита Петра с архимандритом Иакинфом (Бичуриным), отличавшимся открытым пренебрежением к правилам монашеской жизни и богослужебному быту, трактовался советскими историками как проявление карьеризма и клеветы на крупнейшего русского сиолога, поэтому вокруг личности начальника 10-й Миссии сформировался ореол невежды и доносчика. Однако очерк А. Можаровского позволяет говорить о том, что архимандрит Петр (Каменский) был добросовестным пастырем, заботившимся о благосостоянии не только обители и монахов, но и совершенно незнакомых ему лиц.

К ранним исследованиям можно отнести труд С. А. Архангелова «Наши заграничные миссии. Очерк о русских духовных миссиях»¹⁰. Исследование содержит краткие упоминания о русских духовных Миссиях в Китае, Корее, Северной Америке и т.д. Из него мы можем почерпнуть сведения о методах, которые использовали миссионеры в разных странах.

При поддержке Императорского Русского Археологического Общества в 1905 г. был издан сборник «Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине»¹¹ под редакцией Н. И. Веселовского, который содержит

⁹ Можаровский А. К. Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой российско-императорской миссии в Пекине. // Русская старина, № 2. 1896. С. 318–342.

¹⁰ Архангелов С.А. Наши заграничные миссии. Очерк о русских духовных миссиях. СПб., 1899. 208 с.

¹¹ Веселовский Н.И. Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине. СПб., 1905. 97 с.

различные сведения о начальниках Духовной Миссии и их деятельности. Здесь мы можем отметить архимандритов Антония (Платковского), Илариона (Трусова), Гервасия (Ленцовского), Амвросия (Юматова), Николая (Цвета), Иоакима (Шишковского), Софрония (Грибовского). Все они приложили множество усилий для распространения Православия в Китае. Труд Н. И. Веселовского также является единственной публикацией, дающей представление об исследовании иеромонаха Феодосия (Сморжевского), который являлся первым историографом Китайской Православной Миссии. Его сочинения были утеряны, но есть сведения, что некоторые члены духовных Миссий использовали его работы при изучении истории РДМК.

Одним из главных трудов, посвященных Духовной Миссии, является «Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. 200-летнего юбилея ее существования»¹². Эта книга представляет собой совместный труд членов 18-й Духовной миссии под руководством начальника Миссии епископа Иннокентия (Фигуровского). В этом труде подробно и в хронологическом порядке излагается история всех предшествующих Миссий, а также событий до 1916 г. Главная особенность работы состоит в том, что в ней содержатся сведения не только о членах Миссий, но и описывается их конкретная деятельность. В данном труде также излагаются взаимоотношения с цинскими властями и важные события в Китае, которые повлияли на деятельность Духовной Миссии.

Особого внимания заслуживает книга отечественного дипломата И. Я. Коростовца «Китайцы и их цивилизация», изданная в 1896 г.¹³, которая представляет собой фундаментальный страноведческий труд, ориентированный на знакомство русского читателя с Китаем.

Исследование включает в себя обширные сведения о дипломатических отношениях Китая с европейскими государствами, в том числе с Россией, а

¹² Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916. 222 с.

¹³ *Коростовец И. Я.* Китайцы и их цивилизация. СПб., 1896 г. 642 с.

также подробное описание государственного устройства Китая, экономики во время правления династии Цин, уклада жизни и особенностей китайских семей. Ряд глав книги посвящен религиозным течениям, господствующим в Китае.

На описание Русской Духовной Миссии в Пекине И. Я. Коростовец полностью отводит XVIII главу. Автор указывает в качестве причин организации духовной Миссии не только наличие православного населения в Китае – потомков казаков, уведенных в плен после взятия китайскими войсками в 1685 г. острога Албазин, но и стремление Петра I противодействовать растущему влиянию католицизма в Китае.

Описывая православное миссионерство XVIII века, И. Я. Коростовец отзывается о нем крайне негативно. Прежде всего, дипломат видит неудачу распространения Православия в Китае в пассивности русских миссионеров, которые отправлялись в Пекин преимущественно из карьерных и материальных соображений. Заметим, что и политика государства и Св. Синода в отношении православных миссионеров в Китае также подвергается острой критике со стороны автора.

И. Я. Коростовец также уделяет внимание отношениям Русской Духовной Миссии с католическими миссионерами. По мысли автора, это взаимодействие оказывало значительное влияние на историю русской Миссии. Он отмечает, что католики изначально создавали препятствия для основания РДМК, однако сообщает и о фактах сотрудничества между двумя Миссиями, поскольку иезуиты служили источником информации о секретных документах цинского двора.

Необходимо отметить, что И. Я. Коростовец при оценке эффективности миссионерской работы использует не столько качественный, сколько количественный критерий по отношению к обращенному в Православие населению. Поэтому 8-я Миссия под руководством архимандрита Софрония (Грибовского), несмотря на устройство школы для албазинцев, оценивается автором как провальная.

Отдельного описания удостоивается 9-я Миссия во главе с архимандритом Иакинфом (Бичуриным), известным русским синологом. И. Я. Коростовец справедливо замечает, что, несмотря на беспрецедентные успехи архимандрита Иакинфа на научном поприще, сама по себе Миссия явила пример духовного оскудения. Наиболее положительный отзыв автора заслужили 13-я Миссия под руководством архимандрита Палладия (Кафарова), а также 14-я, начальником которой был архиепископ Гурий (Карпов). Описывая 14-ю Миссию, И. Я. Коростовец акцентирует внимание на восстании тайпинов и значении РДМК в дипломатических переговорах между китайцами, англо-французскими объединенными силами и русским генералом Н. П. Игнатьевым – чрезвычайным и полномочным представителем императора Александра II. Любопытно, что иеромонах Исая (Поликин), осуществлявший непосредственную катехизическую работу, оценивается автором книги более высоко, нежели его руководители – сначала архимандрит Гурий, а затем архимандрит Палладий. Деятельность 16-й и 17-й миссий получает достаточно сдержанную оценку от автора, поскольку, по его мнению, проповедь среди местного населения велась недостаточно активно.

Глава, посвященная РДМК, завершается описанием албазинцев, их быта, а также устройства русской школы при Духовной Миссии. И. Я. Коростовец, оценивая школу, утверждает, что она дает слабые знания русского и китайского языков, самым главным ее недостатком является совместное обучение язычников и христиан, поскольку это приводит к мировоззренческому эклектизму, религиозному равнодушию и суевериям учащихся.

Книга И. Я. Коростовца является редким примером светского библиографического источника о РДМК в дореволюционную эпоху. Она содержит ряд справедливых суждений о деятельности Миссии, хотя зачастую излишний критицизм автора отражает его завышенные ожидания от миссионерской деятельности духовенства.

К дореволюционной историографии также можно отнести труд протоиерея Евгения Смирнова, настоятеля посольской церкви в Лондоне, «Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии»¹⁴.

Написание книги было обусловлено пастырской деятельностью протоиерея Евгения: он регулярно сталкивался с необходимостью разъяснения специфики миссионерского служения Русской Православной Церкви для интересующихся этим вопросом представителей католицизма и англиканства.

Книга включает в себя краткий обзор наиболее важных миссионерских деяний в истории Русской Православной Церкви. Наиболее подробно описана Миссия Н. И. Ильминского среди татар и иных народов Поволжья, а также деятельность архиепископа Николая (Касаткина) в Японии, впоследствии прославленного в лике равноапостольных.

Деятельность РДМК описывается протоиереем Евгением крайне лаконично, без масштабного применения статистических данных (в отличие от глав, посвященных Н. И. Ильминскому). Он признает, что православная Миссия в Китае развивается крайне медленно, и объясняет это неблагоприятными политическими и социальными условиями. В частности, автор упоминает запрет, изданный императором в 1721 г., на въезд в Китай епископа Иннокентия (Кульчицкого), и сыгравший негативную роль для 1-й и следующих Миссий. В то же время протоиерей Евгений оптимистично смотрит на развитие православной Миссии в Китае: упоминая об ущербе, нанесенном Пекинской Духовной Миссии восстанием ихэтуаней, автор книги полагает, что учреждение Пекинской епархии и назначение правящим архиереем Иннокентия (Фигуровского), будут способствовать дальнейшему быстрому развитию Православия.

¹⁴ Смирнов Е., *прот.* Очерк исторического развития и современного состояния Русской православной миссии. СПб., 1904 г. 432 с.

1.2 Советская историография

В советский период история РДМК была, как правило, вне сферы внимания отечественных исследователей и имела неоднозначную оценку. Если она и упоминалась, то только в свете критики дореволюционного империалистического строя России или исследования отдельных вопросов истории русского китаеведения.

В 20-30-е гг., благодаря публикациям М. Барановского «Пекинская духовная миссия: Из деятельности царской России в Китае»¹⁵ и некоего Г. Л. «Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30–50-е гг. XIX в.»¹⁶, появилась популярная концепция видения дореволюционной православной Миссии в Китае как средства политического и экономического шпионажа в имперской политике России. Несмотря на такой подход к истории православной миссии, эти статьи имеют определенную ценность, так как они содержат важные документы – донесения начальников Миссии в Министерство иностранных дел.

Во второй половине XX века, в свете существенных перемен в политической жизни страны (разоблачение культа личности И. В. Сталина, напряженные советско-китайские отношения и т.д.), менялось и отношение к исторической науке. Стали появляться комплексные научные работы и статьи, в которых подчеркивались научные заслуги работников РДМК.

Труды, посвященные научным изысканиям членов РДМК, были написаны В. М. Алексеевым¹⁷, В. В. Бартольд¹⁸, П. Е. Скачковым, А. Н.

¹⁵ Барановский М. Пекинская духовная миссия: Из деятельности царской России в Китае // Атеист. 1930. 49. С. 10–35.

¹⁶ Г.Л. Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30–50-е гг. XIX в. // Красный архив. 1932. Т. 4 (53). С. 162–166.

¹⁷ Алексеев В.М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982. 535 с.

¹⁸ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 236–239.

Хохловым¹⁹, С. Л. Тихвинским²⁰ и др. Предпочтение при изучении наследия Духовной Миссии отдавалось русской триаде синологов: Н. Я. Бичурину (т.е. архимандриту Иакинфу), В. П. Васильеву и П. И. Кафарову (т.е. архимандриту Палладию), а также выходили отдельные статьи и по другим дореволюционных синологам²¹.

Среди упомянутых советских авторов П. Е. Скачков, пожалуй, являлся самым крупным историком китаеведения. В 1930 г. он опубликовал книгу «Библиография Китая», в которой автор систематизировал и дал критическую оценку всех публикаций о Китае с 1730 по 1930 гг. В дальнейшем П. Е. Скачков продолжил исследования синологической библиографии, его книга была существенно дополнена новым материалом и переиздана в 1960 г.²².

В 1977 г. П. Е. Скачков опубликовал книгу «Очерки истории русского китаеведения»²³, которая являлась своего рода итогом всех его исследований по синологии. В ней излагается история политических и экономических взаимоотношений Российской империи и Китая в свете марксистско-ленинской идеологии, а также раскрывается история русского китаеведения, в том числе деятельность РДМК (образовательная, научная и дипломатическая) до начала XX столетия. Также автор в главе «От миссии к университетам» анализирует преемственность отношений членов РДМК и советских востоковедов, чтобы тем самым показать зарождение и развитие советской ориенталистики. Книга снабжена солидным списком используемого в книге архивного материала, а также списком рукописного наследия членов РДМК.

¹⁹ Хохлов А.Н. П.И. Каменский и его труды по истории Китая // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. М., 1970. С. 139–140; *Он же*. Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978. 1. С. 55–72; *Он же*. Об источниковедческой базе работ Н.Я. Бичурина о цинском Китае // Народы Азии и Африки. 1978. 1. С. 129–137;

²⁰ Тихвинский С.Л. Выдающийся русский китаевед Н.Я. Бичурин: К 200-летию со дня рождения // Тихвинский С.Л. Китай и Всемирная история. М., 1988. С. 163–182

²¹ См., например: Радовский М.И. Русский китаевед И.К. Россохин // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. М., 1961. С. 88–99; Боград В.Э., Рифтин Б.Л. Русский китаевед Дэмин, его «Поездка в Китай» и перевод из «Сна в Красном тереме» // Народы Азии и Африки. 1983. 6. С. 78–87; Мясников В.С. Русский маньчжуровед Г.М. Розов // Проблемы Дальнего Востока. 1979. 1. С. 181–187; и т.д.

²² Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960. 691 с.

²³ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. 505 с.

«Очерки» П. Е. Скачкова являются единственной работой в советской исторической науке, где была предпринята попытка системного изложения и анализа истории русского китаеведения, включая биографию и труды основных дореволюционных синологов. Они основываются на большом архивном материале, который дополнен биографическими сведениями о синологах и списком их рукописных трудов.

Своего рода итогом советского периода научно-культурного изучения Миссии можно считать книгу «Истории отечественного востоковедения до середины XIX века»²⁴, вышедшую в 1990 г. Это коллективный труд, в котором излагается состояние российской ориенталистики в период ее расцвета, творческие биографии членов РДМК. Не без влияния советской идеологии, деятельность российских ориенталистов преподносится как обслуживание нужд, прежде всего, российской политики и торговли.

1.3. Современная отечественная историография

В 90-е годы XX столетия начинается новый этап изучения РДМК. Исследователи, освободившиеся от идеологического гнета, приступили к изучению самых различных тем, которые воспринимались ранее как нежелательные. Наметилось сотрудничество светских и церковных исследователей в рамках научных конференций и создания коллективных сборников статей.

В 1993 г. вышла книга «Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае»²⁵, которая содержит различные статьи востоковедов, посвященные деятельности наиболее известных членов Миссии, их научным трудам, а также роли РДМК при становлении и развитии русско-китайских отношений.

²⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX века. / Редкол.: А. П. Базиянц и др. М., 1990. 439 с.

²⁵ Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб, 1993. 160 с.

Статья Н. Ю. Новгородской «Роль и место Российской Духовной Миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII-XVIII в.)»²⁶ рассматривает роль Миссии в истории экономических и политических отношений России и Китая, складывавшихся в ходе XVII – XVIII столетий. Наибольший интерес в работе представляет рассмотрение дипломатического и резидентского аспекта деятельности Миссии. Сотрудники Миссии старались проинформировать правительство Российской империи о внутреннем положении дел в Китае, поскольку Цинская империя отличалась политической закрытостью, а также непредсказуемостью дипломатических и военных действий в отношении своих соседей. Н. Ю. Новгородская выделяет деятельность русского китаеведа И. К. Россохина, который тайно приобретал китайские книги и географические карты, после чего делал переводы на русский язык и по дипломатическим каналам отправлял полученные данные в Россию.

Впоследствии об утечке данных стало известно императору Китая, который издал указ о запрете торгового сношения с русскими купцами в Пекине. Тем не менее, это не помешало А. М. Владыкину последовать примеру Россохина и получить секретную информацию.

Отметим, что Китай в политических отношениях с Россией, активно опирался на католических миссионеров, представляющих орден иезуитов. По мнению Н. Ю. Новгородской, среди иезуитских проповедников особенно выделялся А. Гобиль, впоследствии посмертно зачисленный в почетные члены Российской академии наук. Несмотря на интриги, проводимые иезуитами против России, члены Духовной Миссии и дипломаты активно пытались установить с ними контакты для сотрудничества, что нередко удавалось осуществить.

С 1760-х годов РДМК остается единственным информатором о внутреннем положении дел в Китае, поэтому, как указывает Н. Ю.

²⁶ Там же. С. 6–14.

Новгородская, в штате Миссии появляется должность пристава. Именно пристав должен был взять на себя роль резидента, руководящего учениками Миссии в вопросах приобретения ценных дипломатических сведений.

В статье Г. И. Саркисовой «Из истории 5-й Духовной Миссии в Пекине»²⁷ рассматривается деятельность 5-й Миссии, которая по периоду работы в Пекине входит в число наиболее продолжительных. Вследствие того, что служение данной Миссии протекало в XVIII веке, автор статьи в качестве наиболее авторитетных свидетельств выделяет сведения, предоставленные архимандритом Софронием (Грибовским), а также магистерскую работу иеромонаха Николая (Адоратского).

В статье приводится краткая характеристика каждого из членов 5-й Миссии, из которой следует, что начальник Миссии архимандрит Амвросий (Юматов), не имел ярко выраженных отрицательных черт, однако остальные сотрудники, к сожалению, не соответствовали моральному облику православного миссионера. В статье также затрагивается проблема отсутствия учеников из предыдущих Миссий, которые могли бы обучить новоприбывших китайскому языку. В свою очередь, новые ученики не были пропущены в Пекин по причине пограничных разногласий между Россией и Китаем. Г. И. Саркисова отмечает, что именно дипломатическая напряженность, а не наличие экстраординарных миссионерских достижений, способствовала длительной работе 5-й Миссии. Более того, все духовенство, служившее в 5-й Миссии, умерло в Пекине, не дождавшись замены из России.

Г. И. Саркисова приводит интересные донесения курьера В. Ф. Братищева, а также подробный отчет Степана Зимина. Судя по данным документам, архимандрит Амвросий и его помощники во избежание непонимания со стороны местного населения, носили китайские и маньчжурские платья (эта особенность в дальнейшем войдет в обиход русских Миссий), в общении с китайцами сохраняли доброжелательность, и тем самым

²⁷ Там же. С. 14–24.

располагали к себе местных жителей, часть из которых выражала желание принять Православие.

Г. И. Саркисова отмечает, что решение архимандрита Амвросия крестить всех желающих не было согласовано со Св. Синодом, что в дальнейшем вызвало обеспокоенность священноначалия возможным недовольством со стороны Пекина. Более того, 6-я Миссия получит предписания к осторожному обращению китайцев в Православие, и принцип недопустимости активного православного прозелитизма на территории Китая сохранится вплоть до 18-й Миссии.

Статья А. А. Волоховой «Российская Духовная Миссия в Китае в XVIII в.: оценка американского историка» является отзывом на монографию американского историка Э. Видмера «The Russian Ecclesiastical mission in Peking during the eighteenth century», изданной в 1976 г.²⁸

А. А. Волохова отмечает, что труд американского исследователя стал первым профильным исследованием, посвященным истории православного миссионерства в Китае. По мнению А. А. Волоховой, Э. Видмеру удалось подчеркнуть уникальность РДМК как организации, просуществовавшей больше аналогичных зарубежных представительств в Китае. Однако монография не лишена односторонних суждений. Прежде всего, американский историк, рассматривая причины неудач работы РДМК в XVIII веке, игнорирует внешние обстоятельства, затруднявшие миссионерскую деятельность. Э. Видмер не упоминает о регулярных политических кризисах в российско-китайских отношениях, отказывается признать наличие многочисленных бюрократических препятствий со стороны Лифаньюань для проезда русских миссионеров в Пекин, а также оставляет без внимания действия конкурентов в лице католических миссий иезуитского и доминиканского орденов.

²⁸ Там же. С. 24–29.

В статье Кычанова Е.И. «Владимир Васильевич Горский (1819—1847)»²⁹ представлен очерк жизни и научной деятельности талантливого синолога 1-й половины XIX в. В. В. Горского, участника 12-й Миссии.

Несмотря на то, что В. В. Горский ушел из жизни в возрасте 28 лет, он успел оставить 11 печатных и рукописных работ, посвященных исследованию Маньчжурии, воцарению династии Цин, а также тибетскому буддизму. В контексте биографии и научной деятельности молодого синоведа Е. И. Кычанов обращает внимание на то, что в состав 12-й Миссии вошли наиболее перспективные отечественные ориенталисты своего времени: архимандрит Палладий (Кафаров), И. И. Захаров и В. П. Васильев. Автор статьи справедливо замечает, что подбор квалифицированного персонала был следствием политической напряженности на российско-китайской границе в период второй трети XIX века.

В. В. Горский по настоянию начальника Миссии, архимандрита Поликарпа (Тугаринова), занялся изучением монгольского и тибетского языка. Это решение, по мысли Е. И. Кычанова, обусловило успех научных изысканий молодого синоведа. Дело в том, что предыдущие исследователи в своих изысканиях по истории маньчжуров и династии Цин, полагались исключительно на китайские источники, В. В. Горский же обратился к маньчжурским и монгольским источникам, что позволило ему дать значительно более объективный анализ историко-политических реалий периода пресечения династии Мин и воцарения Цин.

Исследования В. В. Горского в тибетологии стали фундаментальными трудами для формирования этого направления в отечественной ориенталистике. Е. И. Кычанов обращает внимание на то, что его рукописная работа «Изложение Сиддант», послужила важным библиографическим источником для исследования «Обозрение буддийской литературы по

²⁹ Там же. С. 29–36.

школам» другого участника 12-й Миссии – В. П. Васильева, признанного авторитета отечественного востоковедения.

Говоря об отношении современников к трудам В.В. Горского, Е. И. Кычанов указывает на то, что архимандрит Палладий (Кафаров) и В. П. Васильев были дружны со своим коллегой, что сыграло значительную роль в дальнейшей популяризации научного наследия В. В. Горского. В частности, архимандрит Палладий, приступая к изданию «Трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине», включил в сборник исследования В. В. Горского «О происхождении родоначальника ныне правящей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу» и «Начало и первые дела маньчжурского дома», что заметно укрепило научный авторитет талантливого исследователя.

В статье архимандрита Августина (Никитина) «С.-Петербургская Духовная Академия и Русская Духовная Миссия в Пекине: архимандрит Гурий (Карпов) (1814-1882)»³⁰ подробно излагаются основные этапы жизни и миссионерского служения выдающегося отечественного синолога и просветителя, начальника 14-й Миссии архимандрита Гурия (Карпова), впоследствии епископа Таврического. Прежде всего, архимандрит Августин подчеркивает, что Санкт-Петербургская Духовная Академия с начала XIX века, стала основным источником кадров для РДМК. Интерес к Китаю сформировался у будущего начальника 14-й Миссии в высшем отделении Академии, поэтому сразу после досрочной сдачи экзаменов и присвоения степени кандидата богословия иеромонах Гурий (Карпов) отбыл в Пекин. В рамках 12-й Миссии иеромонах Гурий занимался преимущественно буддологическими исследованиями, а также преподавал Закон Божий в русской школе при РДМК и занимался написанием катехизических проповедей.

Архимандрит Августин в своей статье подчеркивает тот факт, что во время нахождения в Петербурге в 1850-1856 гг., отец Гурий сохранял интерес

³⁰ Там же. С. 36–46.

к насущным проблемам миссионерского служения на Дальнем Востоке. Это нашло отражение в написании магистерской диссертации «О богоучрежденности епископского сана (против протестантов)», поскольку Китай в середине XIX века стал площадкой деятельности многочисленных протестантских миссий.

В 1856 г. архимандрит Гурий был назначен главой 14-й миссии, в ходе деятельности которой ему пришлось стать свидетелем восстания тайпинов и Второй опиумной войны между цинским Китаем и англо-французскими объединенными силами. В статье отмечено, что начальник Русской Духовной Миссии сыграл значительную роль в урегулировании вооруженного конфликта, действуя в качестве дипломата вместе с генералом Н. П. Игнатьевым. Ко времени деятельности архимандрита Гурия (Карпова) на посту начальника Миссии относится и активизация катехизаторской деятельности среди китайского населения.

Повествуя о служении архимандрита Гурия после возвращения из Пекина, архимандрит Августин (Никитин) неоднократно говорит о том, что китаеведение до последнего дня жизни миссионера было его излюбленным делом. Более того, в бытность епископом Таврическим и Симферопольским владыка Гурий думал об уходе на покой, чтобы заняться синологическими изысканиями, однако предпочел личным интересам интересы епархии и всей Российской Церкви.

Статья Н.А. Самойлова «Пекинская Духовная Миссия во второй половине XIX в.»³¹ рассматривает период РДМК, связанный с многочисленными изменениями ее организационной структуры. Во-первых, разделение Миссий на духовную и дипломатическую, заметно сократило штат первой. Во-вторых, наличие специализированного дипломатического ведомства позволяло миссионерам заниматься непосредственно духовными задачами, не тратя время на выполнение резидентских поручений. Н.А.

³¹ Там же. С. 46–54.

Самойлов приводит размышления архимандрита Палладия (Кафарова), главы 13-й и 15-й миссий, о том, что миссионер, работающий в Китае, должен не только в совершенстве владеть языком, но и учитывать политическую и социально-экономическую ситуацию в стране, культурные особенности китайцев.

В качестве приоритетной задачи РДМК во второй половине XIX столетия рассматривала работу по переводу христианской литературы на китайский язык. Н. А. Самойлов увязывает это с ориентацией начальников и сотрудников миссий на масштабные синологические изыскания и отмечает успешную переводческую деятельность иеромонаха Исаяи (Поликина).

Работа 16-й миссии под руководством архимандрита Флавиана (Городецкого) охарактеризована Н. А. Самойловым как «учетно-издательская». Здесь автор статьи особенно выделяет труды иеромонаха Алексия (Виноградова), иеромонаха Николая (Адоратского) и катехизатора из китайцев священника Митрофана Цзи по переводу Октоиха.

Деятельность 17-й миссии осложнилась тем, что наиболее квалифицированные сотрудники по прошению покинули Пекин и вернулись в Россию. Тем не менее, архимандрит Амфилохий (Лутовинов) продолжил работать в русле стратегии, выработанной его предшественниками на посту начальника РДМК.

В заключительной части статьи Н. А. Самойлов анализирует влияние РДМК на русские колонии Китая, а также на деятельность православных миссионеров в Японии и Приамурье. Автор статьи цитирует равноапостольного Николая Японского, который так определил значение Пекинской Миссии: «Пекинская Миссия – мать Японской, без Пекина японцы неопытны и немы»³². Это свидетельство основано на распространении богослужебных и символических книг, издаваемых на подворье Бэй-Гуань, по всей Азии. Н. А. Самойлов приводит факты снабжения книгами, изданными в

³² Цит. по: Там же. С. 53.

Пекине, Туркестана, Камчатки, а также Приамурья. Поскольку литература, издаваемая в Бэй-Гуане, включала в себя и маньчжурские тексты, Амурская Духовная Миссия совершила настоящий прорыв в своей катехизаторской деятельности.

Подводя итоги работы РДМК во второй половине XIX века, Н. А. Самойлов заключает, что изменение организационной структуры и функциональных обязанностей не привело к негативным последствиям для значения Миссии в вопросах духовных и культурных взаимоотношений России и Китая.

Статья М.Ф. Чигринского «Иеромонах Алексей (Виноградов) в Оптиной Пустыни»³³ посвящена деятельности крупнейшего отечественного синолога второй половины XIX – начала XX вв. – иеромонаха Алексея (Виноградова), который провел последние годы жизни в Оптиной пустыни. В начале статьи автор делает ремарку о том, что единственный источник сведений об исследователе – это статья Н. И. Конрада «Синолог из Оптиной пустыни».

Во время первого пребывания в Китае иеромонах Алексей (Виноградов) собрал богатую этнографическую коллекцию и опубликовал первую научную работу – «Исторический очерк западных христианских миссий в Китае» (1886). Затем, по возвращении в Россию, иеромонах Алексей издает первый том «Истории Библии на Востоке».

Вторая командировка иеромонаха Алексея в Китай, к сожалению, была прервана вследствие тяжелой болезни. Принимая во внимание состояние здоровья миссионера, Св. Синод принял решение определить иеромонаха Алексея на пенсионное проживание в Оптину пустынь. Находясь в монастыре, синолог производил на братию и священноначалие впечатление душевнобольного человека, что привело к социальной изоляции ученого.

³³ Там же. С. 54–61.

Любопытно, что именно этот драматический период жизни иеромонаха Алексия (Виноградова) становится наиболее плодотворным в плане исследований по ориенталистике. М. Ф. Чигринский вслед за Н. И. Конрадом предлагает следующую классификацию научного наследия иеромонаха Алексия.

К первой группе работ относятся так называемые «артикли» – статьи, выступающие дополнением к упомянутому ранее труду «История Библии на Востоке». Всего были написаны 23 артикля, однако в печатном виде на сегодняшний день имеются лишь 11. Интересно, что иеромонах Алексей не остановился на дополнениях и уточнениях первого тома, и к 1913 г. подготовил II том исследований истории Библии на Востоке. Более того, в планах ученого значился и III том, который должен был сбалансировать общий синологический уклон исследования.

Второй группой трудов иеромонаха Алексия (Виноградова) М. Ф. Чигринский называет переводы. Особенностью этого направления деятельности является то, что иеромонах Алексей выступал не только в качестве переводчика, но и художника-оформителя. Также ученый снабжал каждый переводимый им текст пространственным комментарием.

Третья группа трудов включает в себя грамматические труды, а также составленный в 1913 г. Молитвослов, в котором приводилась русская транскрипция китайских иероглифов и текст молитвы на церковнославянском языке.

Четвертая группа трудов была посвящена теме уранографии и включала в себя два сочинения: «Сравнительно-историческая уранография народов Востока. По Шлегелю, Дюпюи, Шамполиону, Шильбруку, с описанием буддийско-китайских сюжетов. Обозреваются небесные сферы: Китайская, Арабо-Персидская, Аль-Суфи, Египетская» и «Главнейшие иконографические и пластические типы в религии народов Востока, в связи с астрономическими и мифологическими понятиями о Божестве, их значение в христианском искусстве».

После описания богатого творческого наследия иеромонаха Алексия (Виноградова) М. Ф. Чигринский резюмирует: «Ни одна работа Алексия во время его пребывания в монастыре не была напечатана, ни одно предложение не принято»³⁴. Период пребывания ученого в Оптиной пустыни был плодотворным этапом в его творчестве, но, к сожалению, асоциальное поведение исследователя привело к тому, что его богатые изыскания были проигнорированы научным сообществом.

Статья А. Н. Хохлова «Стажеры и стипендиаты при Пекинской Духовной Миссии»³⁵ раскрывает интересный и малоизвестный аспект утилитарного направления РДМК – подготовку переводчиков китайского языка, потребность в которых возросла с расширением торгово-экономических отношений России и Китая. Основным источником стажеров при Миссии в Пекине являлось китайское училище в Кяхте.

Вдохновителем идеи о стажировке воспитанников Кяхтинского училища в РДМК выступил пограничный комиссар, впоследствии – градоначальник Кяхты А. И. Деспот-Зенович. По его приказу в 1858 г. в Пекин прибыли два ученика, которые поступили в распоряжение главы 14-й Миссии архимандрита Гурия (Карпова). На основании отзывов священноначалия мы можем с уверенностью заключить, что первый опыт стажировки был успешным. Заключение Пекинского трактата, выгодного для России не только в политическом, но и экономическом отношении, способствовало заинтересованности русского купечества в увеличении объема торговли с Китаем. А. Н. Хохлов подмечает следующую любопытную деталь: стажеры из Кяхтинского училища должны были не только в совершенстве овладеть пекинским диалектом китайского языка, но и выполнить миссию респондентов, интересующихся устройством внутренней торговли Китая, а также коммерции, осуществляемой западноевропейскими странами. В статье отмечается и то, что А. И. Деспот-Зенович настаивал на дальнейшем

³⁴ Там же. С. 59.

³⁵ Там же. С. 61–73.

обустройстве школы в Пекине по образцу Кяхтинского училища. Архиепископ Гурий (Карпов), выражая согласие с планами пограничного комиссара, считал необходимым продолжение стажировок, которые сохранились и после назначения на пост руководителя РДМК архимандрита Палладия (Кафарова).

По свидетельству русского дипломата Е. К. Бютцова, уровень знания китайского языка у обучающихся при РДМК, был достаточно высок.

Что же касается стипендиатов при Миссии, то зачинателем этой деятельности стал меценат И. Е. Паргачевский. А. Н. Хохлов приводит о нем следующие сведения: будучи педагогом по образованию, Паргачевский в итоге связал свою жизнь с коммерцией, и долгое время работал в качестве доверенного лица Амурской компании, на чем и разбогател. В 1884 г., за год до смерти, И. Е. Паргачевский прибыл в Москву для составления духовного завещания. В завещании коммерсант указал, что на проценты, полученные с капитала от будущей продажи имущества, надлежит содержать при РДМК для изучения китайского языка 1-2 выпускников средних учебных заведений Восточной Сибири. Первые стипендиаты прибыли в Пекин в 1890 г.

А. Н. Хохлов указывает на то, что отношение руководства РДМК к стипендиатам И. Е. Паргачевского было неоднозначным. В частности, архимандрит Иннокентий (Фигуровский) сопротивлялся наличию в Миссии светских лиц, не ориентированных на катехизаторскую деятельность. Интересно, что чиновники по дипломатической части, также не видели целесообразности нахождения стипендиатов И. Е. Паргачевского именно при РДМК. Например, поверенный в делах А. И. Павлов, направил в Петербург депешу с предложением архимандрита Иннокентия о переводе стипендиатов под начало правления КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога). Однако Св. Синод, ссылаясь на волю покойного И. Е. Паргачевского и резолюцию императора Александра III, отказал в удовлетворении просьбы. Более того, РДМК стала местом летней практики студентов Восточного университета Владивостока.

В целом, А. Н. Хохлов рассматривает стажировку и стипендиальное обучение при РДМК как безусловно положительное явление, которое позволило русским торговым компаниям закрепиться на Дальнем Востоке и успешно осуществлять предпринимательскую деятельность. Определенные затруднения, встречавшиеся в ходе реализации данного проекта, носили либо индивидуальный характер и были связаны с поспешным выбором кандидатуры стипендиата, либо возникали вследствие недостаточного внимания со стороны Св. Синода и Министерства иностранных дел к специфике работы РДМК.

Статья А. С. Ипатовой «Празднование 250-летия Российской Духовной Миссии в Китае (1935 г.)»³⁶ может быть условно разделена на две смысловые части – краткий обзор событий начала XX века, связанных с деятельностью епископа Иннокентия (Фигуровского), и описание юбилейных торжественных мероприятий 1935 г.

Характеризуя работу РДМК под началом епископа Иннокентия, А. С. Ипатова приводит убедительные доказательства того, что к 1917 г. Миссия динамично развивалась, несмотря на неблагоприятный общественно-политический фон событий как в Китае, так и в России. РДМК имела 2 монастыря в Пекине, 22 миссионерских стана, 21 школу, несколько подворий, собственные промышленные предприятия, типографии и 1 семинарию. Более того, с началом Гражданской войны епископу Иннокентию удалось сохранить Миссию и впоследствии оказать духовную и материальную помощь многочисленным русским эмигрантам, бежавшим в Харбин и Пекин.

По меткому замечанию А.С. Ипатовой, к началу 1930-х гг. в среде русской эмиграции сформировалось понимание того, что СССР не является эфемерным административно-политическим образованием, из чего с необходимостью следовал вывод о невозможности возвращения на историческую Родину³⁷.

³⁶ Там же. С. 73–82.

³⁷ Там же. С. 76.

В свете этих событий РДМК чутко отреагировала на пессимистические настроения своей паствы относительно перспектив репатриации: в качестве утешения руководитель 20-й Миссии епископ Виктор (Святин) решил придать особый резонанс празднованию 250-летия Миссии. Днями юбилейных торжеств были выбраны 21-23 июня 1935 г.

А. С. Ипатова отмечает, что юбилейные торжества прошли не только в Пекине, но и в других городах Китая, где имелись православные храмы и русские колонии. Празднование в провинции имело ту же программу (богослужения 21-23 июня, торжественное заседание вечером 23 июня). На торжественных заседаниях озвучивались доклады, посвященные историческому опыту РДМК. Среди провинциальных выступлений А. С. Ипатова выделяет доклады Н. Ю. Фомина «Значение Русской Православной Церкви в истории России и ее культуре» и Н.Д. Глебова «Дипломатическая и научная деятельность Миссии». Кроме того, подворье РДМК в Харбине выпустило сборник «Сияние православия», а после завершения праздничной программы в Пекине был издан сборник «Китайский благовестник 1685-1935».

А. С. Ипатова характеризует торжества по случаю 250-летия РДМК как успешный ход архиепископа Виктора по поддержанию культурно-исторических связей русской эмиграции в Китае с исторической Родиной³⁸.

Статья Б. Г. Доронина «История империи Цин в трудах членов РДМК»³⁹ сообщает о переводческой деятельности членов РДМК. Б. Г. Доронин акцентирует внимание на специфической внутренней и внешней политике династии Цин, во время правления которой осуществляла свою деятельность РДМК. Особенности цинского политического курса на протяжении всей истории правления династии были максимальная закрытость от внешних контактов в сочетании с жестким идеологическим контролем внутри империи. Нежелание Китая выстраивать официальные

³⁸ Там же. С. 82.

³⁹ Там же. С. 99–105.

дипломатические отношения с Российской империей обусловило необходимость надления Духовной Миссии дипломатическими обязанностями, в числе которых был сбор политической и экономической информации о Китае, его истории и культуре.

По мнению Б. Г. Доронина с этой задачей РДМК справлялась успешно. Ее сотрудники знакомились с секретной документацией императорского двора, получая ее на основе личных знакомств и связей, а также и с официальными историческими трудами, заказчиком которых выступала династия Цин. На основе полученных трудов, в частности, был выполнен перевод таких книг, как: «Сводное описание империи Великая Цин» (Да Цин и тун чжи), «Сводное описание восьми знамен» (Ба ци тун чжи), «Описание основания династии» (Кай го фанлюэ), «Исследование происхождения маньчжоу» (Маньчжоу юаньлю као), «Свод законов Великой Цин» (Да Цин хуэй дянь).

Б. Г. Доронин подчеркивает значение РДМК в становлении отечественной маньчжуристики, которая в своем начале основывалась на переводах официальных документов династии Цин, выполненных членами 1-8-й Миссий.

Б. Г. Доронин отмечает, что активная деятельность РДМК в сфере переводов официальной цинской документации с китайского и маньчжурского языков создала предпосылки для последующего самостоятельного исследования истории Китая. Здесь следует обратить внимание на то, что члены Миссии более всего интересовались истоками династии Цин и влиянием маньчжуров на историю китайской государственности.

Среди трудов участников РДМК Б. Г. Доронин выделяет сочинения талантливого сиолога первой половины XIX века В. В. Горского. Последний обратил внимание на события XVII века, которые стали причиной воцарения династии Цин. В труде «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу» исследователь

рассматривает историческую легитимацию маньчжурского рода Айсинь Гиоро, призванную укрепить политическое и идеологическое значение Цин внутри государства. В. В. Горский приходит к выводу, что мифология, сложившаяся вокруг Айсинь Гиоро, является плодом китайской, а не маньчжурской культуры, которая из столетия в столетие все больше затемняется неточностями, фальсификациями и т.д.

Б. Г. Доронин также выделяет деятельность И. И. Захарова, заложившего базовые методологические интуиции для исследования китайской истории и культуры. Ранее Китай исследовался по аналогии с государствами Европы, что с необходимостью порождало значительное количество произвольных фальсификаций. И. И. Захаров же настаивал на том, что исследование Китая требует в первую очередь знакомства с китайскими авторами и понимания специфического историко-культурного контекста страны.

Статья А. М. Решетова «Значение трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине для этнографии»⁴⁰ предлагает обзор этнографических изысканий членов РДМК. Закономерно, что автор начинает перечисление с личности Иакинфа (Бичурина) как первого крупного ученого в истории Миссий.

А. М. Решетов обращает внимание читателей на личность И. К. Россохина, зачинателя отечественной синологии. Сегодня И. К. Россохин более известен как талантливый переводчик исторических трудов по описанию военных действий династии Цин, однако невозможно переоценить вклад ученого в этнографию.

Еще одной знаковой фигурой для отечественной этнографии является З. Ф. Леонтьевский, участник 10-й миссии. Леонтьевскому удалось собрать богатую коллекцию китайских предметов быта, которая экспонировалась в отдельном кабинете. А. М. Решетов указывает на то, что у современников З.

⁴⁰ Там же. С. 105–117.

Ф. Леонтьевский пользовался таким же авторитетом, как и отец Иакинф (Бичурин).

11-я Миссия открыла для науки двух ярких этнографов – иеромонаха Аввакума (Честного) и А.И. Кованько (псевдоним Дэ-мин). Сферой интересов отца Аввакума было устное народное творчество, а также древние обычаи и обряды. Дэ-мин прославился благодаря колоритным зарисовкам современной ему жизни китайцев. А. М. Решетов подчеркивает, что в XIX веке оба автора были крайне популярны, и лишь с течением времени отец Иакинф (Бичурин) стал восприниматься как единственный незыблемый авторитет в отечественной синологии.

Такие выдающиеся ученые как: В.В. Горский, архимандрит Гурий (Карпов), В.П. Васильев, И.И. Захаров – упоминаются в статье в порядке перечисления. В то же время архимандриту Палладию (Кафарову) уделяется заметно больше внимания: в частности, А. М. Решетов отмечает его исследования: «Старинное монгольское сказание о Чингисхане» и «Русское поселение в Китае в первой половине XIV в.», а также особенно выделяет наличие его трудов по истории китайских мусульман и дорожные заметки.

Наряду с учеными, занимавшимися преимущественно литературными и историческими исследованиями Китая, художники, прикомандированные к РДМК, также оказываются в центре внимания А. М. Решетова: А. М. Легашев, К. И. Корсагин, И. И. Чмутов, Л. С. Игорев. Благодаря вышеупомянутым художникам русская общественность впервые смогла познакомиться с видами Китая и бытовым укладом местных народов.

А. М. Решетов также указывает врачей РДМК, которые внесли вклад в развитие этнографии: О. П. Войцеховского, П. Е. Кириллова и А. А. Татаринова. О. П. Войцеховский и П. Е. Кириллов занимались этноботаническими сборами, а А. А. Татаринов досконально изучил опыт китайской народной медицины и опубликовал на эту тему несколько своих работ.

Наконец, вклад в отечественную этнографию вносили приставы РДМК: пристав 10-й миссии Е. Ф. Тимковский и пристав 13-й миссии Е. П. Ковалевский опубликовали фундаментальные работы, посвященные путешествиям в Китай, а пристав 11-й миссии М. В. Ладыженский собрал две внушительные этнографические коллекции, которые впоследствии были переданы в дар Кунсткамере.

Статья Т. А. Пан «Изучение маньчжурского языка в Пекинской Духовной Миссии»⁴¹ раскрывает процесс становления отечественного маньчжуроведения, которое своим появлением полностью обязано РДМК. Именно знание маньчжурского языка позволяло членам Миссии более качественно выполнять научные и дипломатические задачи, поскольку правящая династия Цин, имея маньчжурское происхождение, ввела данный язык в качестве одного из трех официальных языков делопроизводства наряду с монгольским и китайским.

Т. А. Пан предлагает следующую периодизацию отечественного маньчжуроведения до революции: 1) Начало XVIII в. – 1855 г.: изучение маньчжурского языка студентами и сотрудниками Пекинской Духовной Миссии; 2) 1855-1899 гг.: маньчжуроведение в стенах Казанского и Петербургского университетов; 3) 1899-1920 гг.: деятельность ученых и преподавателей Восточного института во Владивостоке. В данной статье разбираются первый и второй периоды.

Обращаясь к истокам российского маньчжуроведения, Т. А. Пан ссылается на замечание зарубежного исследователя С. Кулинга о том, что «русские были первыми европейцами, серьезно изучавшими маньчжурский язык»⁴². Здесь автор статьи обращается к личности И.К. Россохина, первого русского китаевода. Этот видный ученый не только осуществлял переводы с китайского и маньчжурского языков, но и во время работы в РДМК преподавал грамматику русского языка по собственноручно переведенному

⁴¹ Там же. С. 117–125.

⁴² Цит. по: Там же. С. 118.

учебнику М.Г. Смотрицкого. Заслуженой И.К. Россохина является выполнение первого в истории перевода грамматических пособий по изучению маньчжурского языка на русский язык.

Т. А. Пан уделяет внимание деятельности Алексея Матвеевича Владыкина, участника 2-й и 3-й миссий, который осуществлял работу над первым маньчжурско-китайско-русским разговорником. Вместе с А. М. Владыкиным над созданием книги трудился А. Л. Леонтьев – основатель первой в России школы маньчжурского и китайского языков. Также А. Л. Леонтьевым были выполнены многочисленные переводы законодательных актов династии Цин и снабжены подробными комментариями.

Следующим поколением маньчжуроведов были сотрудники 7-й, 8-й и 10-й Миссий. По мнению Т. А. Пан, из этого поколения наибольший вклад в маньчжуроведение внес Антон Григорьевич Владыкин – организатор школы переводчиков при Коллегии иностранных дел, составитель словарей и грамматических пособий. Автор статьи упоминает о научной деятельности студента П. Каменского, впоследствии архимандрита Петра и начальника 10-й Миссии. Каменский составил пятиязычный словарь (китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинский), однако из-за неудачного структурирования материала книга не была издана.

Так же Т.А. Пан обращает внимание на фигуру С. В. Липовцова, считавшегося лучшим маньчжуроведом Европы своего времени. С. В. Липовцов не только составил «Маньчжурский букварь», но и осуществил единственный на сегодня перевод Евангелия на маньчжурский язык. Также в статье приводятся сведения о вкладе в маньчжуроведение З. Ф. Леонтьевского, составившего 15-томный китайско-маньчжурско-латинско-русский словарь, который остался неизданным.

Второй этап отечественного маньчжуроведения, выделяемый Т. А. Пан, связан с научной деятельностью Казанского и Петербургского университетов. С этими университетами связана педагогическая деятельность В. П. Васильева, самого авторитетного русского синолога второй половины

XIX века. В. П. Васильев разработал собственную программу преподавания, составил первую в России «Маньчжурскую хрестоматию», а также маньчжурско-русский словарь, который был удобен в обращении и отличался исключительной точностью перевода.

Т. А. Пан отмечает, что В. П. Васильев содействовал вовлечению в педагогическую деятельность своего давнего товарища и коллеги по 12-й миссии И. И. Захарова. Этот выдающийся синолог и маньчжуровед более 20 лет работал над маньчжурско-русским словарем, включающим в себя не только объемный лексикон, но и обстоятельные комментарии историко-этнографического характера. По свидетельству автора статьи, словарь И. И. Захарова и сегодня считается незаменимым при изучении маньчжурского языка. Кроме того, И. И. Захаров составил грамматическое пособие по изучению маньчжурского языка, которое также является актуальным.

Выделяя основателей университетского маньчжуроведения, Т. А. Пан указывает и на тех членов РДМК, труды которых значительно повлияли на изыскания В. П. Васильева и И. И. Захарова. Это, прежде всего, студент 11-й Миссии Г. М. Розов (автор перевода исторического труда «Цзинь Ши»), и В. В. Горский (наиболее авторитетный исследователь периода ранней династии Цин).

Статья Е. В. Нестеровой «Российская Духовная Миссия в Китае и начало российско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства»⁴³ посвящена искусствоведческим изысканиям членов РДМК. В развитии российско-китайских связей через изобразительное искусство автор статьи выделяет два направления: во-первых, это многочисленные наброски и этюды, выполненные миссионерами в этнографических целях; во-вторых, деятельность профессиональных художников, которые выполняли заказы высокопоставленных пекинских чиновников.

⁴³ Там же. С. 125–132.

У истоков первого направления стоял начальник 9-й миссии архимандрит Иакинф (Бичурин), который не только собрал этнографическую коллекцию, но и подробно изучил способы приготовления красок, применяемые в Китае. В 10-й Миссии наибольший вклад в сферу изобразительного искусства внес З. Ф. Леонтьевский, который открыл первый частный музей ориенталистского направления в Петербурге – «Кабинет китайских редкостей».

В составе 11-й Миссии автором отмечался художник А. М. Легашев, на которого была возложена ответственная задача – использовать мастерство живописи для улучшения политических взаимоотношений стран. В результате А. М. Легашев не только стал ведущим портретистом Пекина, но и превосходно изучил способы приготовления китайских красок и туши, превзойдя самих китайцев. Кроме того, художник возглавил работу по изготовлению иконостаса Успенского храма в Пекине, создав 16 образов.

Успешная деятельность А. М. Легашева привела к тому, что в последующие составы РДМК неизменно включался штатный живописец. Эту должность занимали: К. И. Корсалин, И. И. Чмутов, Л. С. Игорев, которые, как указывает автор статьи, получали аналогичные инструкции по совмещению этнографической, искусствоведческой и дипломатической деятельности.

Исследование современного востоковеда иерея Петра Иванова «Из истории христианства в Китае»⁴⁴ посвящено состоянию христианства в Китае в XX столетии.

В главе «Православные переводы Нового Завета на китайский язык» автором приводятся сведения о православных переводчиках Священного Писания на китайский язык, которые участвовали в работе РДМК. Помимо традиционного упоминания архимандрита Иакинфа (Бичурина), были отмечены: архимандрит Петр (Каменский), Д. Сивиллов, иеромонах Исая (Поликин), а также архимандрит Гурий (Карпов).

⁴⁴ Иванов П., свящ. Из истории христианства в Китае. М., 2005. 222 с.

Последний, по замечанию автора, в своих переводах использовал классический китайский язык, что затрудняло понимание богослужебных текстов простыми китайцами. Поэтому члены Миссии не сочли распространение данных переводов целесообразным.

Более удобными были признаны переводы иеромонаха Исаяи (Поликина), который пользовался языком, понятным для китайских крестьян. Популярностью среди миссионеров пользовался и перевод, изданный под началом архимандрита Флавиана (Городецкого).

Иерей Петр также обратил внимание на то, что современный перевод Священного Писания, выполненный епископом Иннокентием (Фигуровским), максимально приблизился к современному разговорному языку.

Сопоставляя вышеуказанные православные переводы с работами католических и протестантских авторов, иерей Петр Иванов приходит к следующим выводам: 1) фонетические особенности первоисточника (церковнославянский, английский и иные тексты) заметно влияли на терминологию перевода, что привело к значительной автономности переводов, выполненных православными миссионерами, от трудов их католических и протестантских коллег; 2) отсутствие лексического единообразия при переводах богословской терминологии в разных христианских деноминациях дает почву для расхождений в толкованиях Священного Писания.

Глава «Православные катехизисы на китайском языке» посвящена сравнению переводов 3-х катехизических источников, выполненных членами РДМК, и двух современных словарей.

В главе «Православные миссионерские станы в Китае в начале XX века» описываются преобразования в РДМК, начавшиеся вскоре после назначения ее руководителем архимандрита Иннокентия (Фигуровского). Автор подчеркивает, что «запретительная» стратегия Духовной Миссии, исключавшая активный прозелитизм православного духовенства в Китае, при архимандрите Иннокентии (Фигуровском) сменилась ориентацией на

просвещение китайского населения. В катехизаторских целях РДМК открыла миссионерские станы в тех провинциях, где население выразило заинтересованность в изучении православного вероучения. Однако работа станов в первое десятилетие (1902-1912 гг.) не привела к быстрому росту числа крещений среди местного населения. Ссылаясь на свидетельства катехизаторов, иерей Петр Иванов в качестве сдерживающих факторов распространения Православия выделяет трудности в путешествиях (длительность переездов, перемещения по пересеченной местности, активность многочисленных преступных группировок).

Работа миссионерских станов во многом опиралась на катехизаторов, обращенных из местной среды. Интересно, что миссионеры не только проповедовали и обучали местное население грамоте, но и принимали деятельное участие в ходе борьбы с многочисленными эпидемиями, а также противостояли антисоциальным явлениям, в частности, вели пропаганду против опиокурения.

Иерей Петр Иванов указывает и на определенные культурные особенности китайцев, которые сдерживали динамику роста численности православных. Во-первых, миссионеры отмечали распространенность религиозного синкретизма и перенос буддийских и иных местных религиозных традиций на почву православного вероисповедания. Во-вторых, сложности были связаны с традиционным для восточных стран разделением мужского и женского быта (в частности, женщины отказывались стоять на богослужении рядом с мужчинами). В-третьих, существенные осложнения вызывало религиозное почитание Конфуция, которое было несовместимо с христианским вероучением.

Глава «История возникновения Московского подворья РДМК» открывает неизвестную широкой общественности страницу жизни Миссии, связанную с функционированием ее Московского подворья, которое по замыслу епископа Иннокентия (Фигуровского) должно было включить в себя монастырь и семинарию для обучения православных китайцев. Иерей Петр

Иванов констатирует непонимание правительством и Св. Синодом важности начинаний епископа Иннокентия и его сподвижников, описывая затруднения при сборе средств и постройке подворья. При этом сотрудники Миссии, в частности, архимандрит Авраамий (автор труда об истории РДМК), призывали оппонентов обратить внимание на возможные в будущем массовые миграции китайского населения в Россию, что могло привести к распространению восточных языческих учений, поэтому китайское население уже сейчас стоило приобщать к Православию.

Иерей Петр Иванов выделяет две причины, побудившие епископа Иннокентия к организации Московского подворья РДМК. Первой причиной является экономическая стесненность Миссии, заметно мешавшая осуществлению грандиозных просветительских планов епископа. Вторая причина заключалась в необходимости улучшения образования китайских катехизаторов, обучавшихся в Пекинской семинарии.

Московское подворье РДМК сумело благополучно пережить революционные события 1917 года, потому что большевики не смогли верно идентифицировать его конфессиональный и административный статус. Однако в дальнейшем храм и подворье подвергались неоднократным попыткам закрытия, и в 1922 г. в рамках кампании изъятия церковных ценностей церковь Рождества Иоанна Предтечи была сначала опечатана, а затем разграблена. В 1978 г. здание подворья было снесено.

Статья К. Б. Кепинг, племянницы последнего начальника РДМК архиепископа Виктора (Святина), «Храм Всех Святых Мучеников в Бэй-гуане (Пекин)»⁴⁵, посвящена утраченной православной святыне Пекина – храму во имя Всех Святых Мучеников, построенному в память о трагических событиях восстания ихэтуаней в 1900-1901 гг.

⁴⁵ Кепинг К. Б. Храм Всех Святых Мучеников в Бэй-гуане (Пекин) // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2001. Вып. 3. С. 113–124.

Этот труд ценен тем, что он не только освящает последний период существования Миссии, но раскрывает судьбу русской эмиграции, ее духовное и культурное наследие за рубежом.

В ходе восстания, носившего антиевропейский характер, практиковался террор против христиан из числа местного населения, в результате чего православная община была практически уничтожена, 222 православных китайца приняли мученическую кончину, а храмы и другие постройки РДМК разрушены.

Таким образом, строительство нового храма несло в себе как мемориальный, так и чисто практический смысл. На месте уничтоженной святыни в северо-восточной части Бэй-Гуаня в 1903 г. был устроен склеп, после чего в течение 1904 г. велись строительные работы по возведению храма Всех Святых Мучеников. К. Б. Кепинг отмечает, что в этом храме службы совершались лишь несколько раз в год, в том числе в день празднования памяти Свт. Николая Мирликийского (в честь которого был освящен верхний храм). На престольный праздник из Успенского храма всегда приносилась чудотворная икона святителя, которая оказалась в Пекине вместе с албазинцами, а в ходе восстания ихэтуаней была спрятана от надругательств в посольском квартале.

Однако самыми важными днями для храма Мучеников были 10-11 июня (по старому стилю), поскольку эти даты были установлены Св. Синодом для совершения молитвенной памяти мучеников, убиенных в Китае. К. Б. Кепинг приводит в статье описание дня престольного праздника: после Литургии, совершаемой в Успенской церкви Пекина, проводился крестный ход к храму Мучеников и далее – к русскому кладбищу. В склепе храма Мучеников традиционно служилась заупокойная лития, после чего крестный ход обходил все места Бэй-Гуаня, где погибли православные китайцы, и направлялся за пределы территории РДМК. Далее, по дороге к кладбищу, процессия обязательно шла мимо ночлежного дома, устроенного Миссией в память о гибели на этом месте православных китайцев. В кладбищенском

храме, освященном во имя прп. Серафима Саровского, духовенство также служило заупокойную литию, после чего крестный ход получал короткий отдых на чаепитие, а затем возвращался назад в Бэй-Гуань. Интересно, что вышеописанный порядок празднования памяти китайских мучеников, сохранялся с 1904 года вплоть до закрытия РДМК в 1955 г.

К. Б. Кепинг свидетельствует и о том, что в 1920 г. в Пекин из Харбина были перевезены мощи новомучеников из династии Романовых, сброшенных в шахту г. Алапаевска в 1918 г. Первоначально местом их хранения был склеп кладбищенской церкви прп. Серафима Саровского, однако после многочисленных ходатайств последнего руководителя Миссии епископа Виктора (Святина) в 1938 г. мощи были перенесены в храм Мучеников, а в 1947 г. были погребены на кладбище РДМК.

После ликвидации Миссии в 1955 г. были взорваны колокольня и храм Мучеников.

Работа С. А. Пайчадзе «Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Очерки истории второй половины XIX - нач. XX столетия)»⁴⁶ представляет собой первый фундаментальный труд об истории русской книжности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В разделе «Русское книжное дело в Китае» автор акцентирует внимание на переводной деятельности РДМК.

Прежде всего, автор отмечает заслуги члена 14-й и 15-й Миссий иеромонаха Исаяи (Поликина), который выполнил первые переводы богослужебных книг на китайский язык, а также составил «Русско-китайский словарь разговорного языка (пекинского наречия)». Важным событием в истории русской книги в Китае С. А. Пайчадзе считает издание большого русско-китайского словаря, составленного выдающимся русским синологом архимандритом Палладием (Кафаровым) и старшим драгоманом дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. Следует заметить, что П.

⁴⁶ Пайчадзе С. А. Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Очерки истории второй половины XIX – нач. XX столетия). Новосибирск, 1995. 225 с.

С. Попов подчеркивал научное первенство архимандрита Палладия в работе над словарем, отводя себе ведущую роль в решении организационных вопросов по изданию книги.

С. А. Пайчадзе оценивает издание большого русско-китайского словаря не только как важнейшее событие в отечественной синологии, но и как значимый акт межгосударственных отношений. Дело в том, что П. С. Попов осуществил издание словаря в самом Пекине, что в эпоху правления династии Цин было явлением практически беспрецедентным. Автор подчеркивает преимущество словаря архимандрита Палладия – П. С. Попова перед академическим изданием Д. А. Пещурова, которое заслуженно пользовалось признанием среди зарубежных миссионеров.

С. А. Пайчадзе видит несомненное достоинство РДМК в том, что после восстания ихэтуаней ее издательская деятельность быстро возобновилась и сумела полностью удовлетворить читательские потребности русскоязычного населения, а также албазинцев и обращенных в Православие китайцев. При этом типография Миссии не только издавала религиозную литературу («Краткий катехизис», журнал «Пекинский благовестник»), но осуществляла массовый выпуск пособий по изучению китайской письменности и разговорного языка.

Также С. А. Пайчадзе отмечает просветительское значение библиотеки РДМК, которая к 1900 г. включала в себя около 10000 единиц хранения и являлась одной из крупнейших библиотек в Азии. Библиотека долгое время служила важнейшим информационным ядром для Миссии, в которой были аккумулированы ценные научные материалы, и поддерживала работоспособность учреждения в условиях социальной изоляции.

Статья И. Т. Мороз «Девятая РДМК (К истории ее отправления в Пекин)»⁴⁷ посвящена обстоятельствам снаряжения и отправки в Пекин 9-й миссии, известной широкой общественности исключительно по участию в ней

⁴⁷ Мороз И. Т. Девятая российская духовная Миссия (К истории ее отправления в Пекин) // История. Российской духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 214–252.

архимандрита Иакинфа (Бичурина). Важность исследования, выполненного автором статьи, заключается в восполнении недостатков информации о вышеупомянутой Миссии, в частности, о ее подготовке. Данная статья также раскрывает интересную информацию о дипломатическом стиле Китая в эпоху правления династии Цин, которая непосредственно влияла на деятельность российского посольства и Духовной Миссии.

Стоит отметить, что духовенству, направляемому в 9-ю Миссию, надлежало отправиться в путь вместе с посольством графа Ю. А. Головкина, чрезвычайного и полномочного представителя империи при дворе династии Цин. Согласно инструкциям правительства, РДМК подчинялась послу, поскольку Александр I считал деятельность предыдущих миссионеров неэффективной.

Поскольку отправка многочисленного посольства в Пекин была беспрецедентной дипломатической акцией в рамках русско-китайских политических отношений, генерал-губернатор Иркутска заблаговременно предупредил пограничных правителей в Урге, подчиненных Китаю, о прибытии дипломатов, а также членов РДМК.

И. Т. Мороз отмечает, что пограничные правители сообщили в Пекин о подозрительных намерениях русского посольства. Опасаясь, что посольство преследует исключительно шпионские цели, император отказал во въезде дипломатам, а также всем членам РДМК. Далее в статье приводится подробное изложение дипломатической переписки между русским и китайским правительством, в рамках которой китайская сторона требовала сократить свиту посла, разделить время прибытия дипломатов и духовенства, дать полные сведения о присылаемых подарках. В свою очередь, русские дипломаты терпеливо разъясняли все нюансы документов, которые могли вызвать затруднение, а также готовы были принять решение о разделении посольства и Духовной Миссии.

Стоит обратить внимание и на то, что граф Ю. А. Головкин не доверял руководителю Миссии архимандриту Аполлосу (Алексееву), а потому

воспользовался задержкой посольства на границе для того, чтобы ходатайствовать о замене старшего клирика. Вместо архимандрита Аполлоса Ю. А. Головкин предлагал назначить руководителем 9-й Миссии архимандрита Иакинфа (Бичурина).

В конце 1805 г. посольство, оставив на российской территории членов Духовной Миссии, отправилось в дальнейший путь и прибыло в Ургу. Однако далее Ю. А. Головкин отказался от исполнения традиционной китайской придворной церемонии «коутоу», что было воспринято крайне негативно: посольство вынуждено было покинуть территорию Китая и отбыть в Иркутск.

Дальнейшее развитие дипломатического диалога было связано с судьбой 8-й и 9-й Духовных Миссий. На протяжении 1806 года русское правительство безуспешно старалось получить разрешение на въезд и замену своих предшественников. Лифаньюань же регулярно отвечала отказом на все просьбы, ссылаясь на неверное оформление документов. В это время прошение Ю. А. Головкина о замене начальника 9-й Духовной Миссии было одобрено, при этом архимандрит Аполлос остался членом Миссии.

Из-за возникшей напряженной дипломатической ситуации Китай опасался дальнейшего ухудшения отношений и возможного вооруженного конфликта, поэтому первым предпринял меры по устранению недопонимания. Прежде всего, были принесены извинения за принуждение посла к прохождению «коутоу», во-вторых, в апреле 1807 г. император издал указ о замене членов Духовной Миссии. В итоге Миссия направилась в путь в сентябре 1807 года, т.е. спустя два года после отправки на Дальний Восток.

Касательно состава 9-й миссии И. Т. Мороз замечает, что ряд кадровых изменений произошел в Миссии как по пути на российско-китайскую границу, так и в ходе пребывания в Иркутске. Помимо нового начальника Миссии, особый интерес представляют пристав С. Первушин, направляемый в Пекин в качестве резидента, а также сотник Щукин, ставший первым из русских художников, посещавших Пекин. В итоге обновленный состав 9-й Миссии получил доброжелательный прием в Пекине.

В настоящее время существует ряд публикаций, которые были посвящены дипломатическим функциям РДМК: Н. Д. Глебова «Дипломатические функции пекинской православной Духовной Миссии (к 250-летию юбилею)»⁴⁸, А. С. Ипатовой «Дипломатические функции Пекинской Миссии»⁴⁹, О. В. Васькова «Из истории Российских духовных миссий в Китае»⁵⁰. Обозначенные работы имеют ряд недостатков. В основном они основываются на трудах архимандрита Николая (Адоратского), в них должным образом не обозначена роль Китайской Духовной Миссии в структуре русско-китайских отношений.

На современном этапе продолжают исследования истории Русской Духовной Миссии в Китае в лице ряда исследователей, таких, как: архимандрита Августина (Никитина)⁵¹, А. С. Автономовой⁵², С. А. Шубиной⁵³ и др.

Помимо трудов об истории Миссии, нам необходимо отметить исследования, связанные с переводческой деятельностью ее членов. В 1996 г. была опубликована статья А. Н. Хохлова: «Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг»⁵⁴. Спустя несколько лет протоиереем Петром Ивановым были написаны статьи: «Православные переводы Нового Завета на китайский язык»⁵⁵ (опубликована в 1999 г.) и «Православные катехизисы на китайском языке. К проблеме составления

⁴⁸ Глебов Н.Д. Дипломатические функции пекинской православной Духовной Миссии (к 250-летию юбилею) // На Дальнем Востоке, 1935. М., 2005. С. 110–120.

⁴⁹ Ипатова А.С. Дипломатические функции Пекинской миссии (К 280-летию основания). // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. VI. М., 1995. С. 63–74.

⁵⁰ Васькова О. В. Из истории Российских духовных миссий в Китае // Дипломатический Вестник. М., 1997. № 1. С. 8–15.

⁵¹ Августин (Никитин), архим. Россия и Китай: становление и развитие отношений (Пекинская Духовная миссия в XVIII столетии) // Миссионерское обозрение. 2001. №6. С.16–20.

⁵² Автономова А. С. Дипломатическая деятельность русской православной миссии в Пекине в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. 2005. №7. С.100–111.

⁵³ Шубина С.А. Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII–XIX вв.). // Ярославский педагогический вестник. 2010. №1. С.189–193.

⁵⁴ Хохлов А. Н. Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг // Китайское языкознание. VIII международная конференция. Материалы. М., 1996. С. 124–161.

⁵⁵ Иванов П., прот. Православные переводы Нового Завета на китайский язык. // Журнал Московской Патриархии. М., 1999. № 3. С. 190–210.

православного миссионерского русско-китайского словаря»⁵⁶ (опубликована в 2005 г.). В этих публикациях содержится большое количество архивных документов, касающихся истории переводческой деятельности христианской литературы на китайский язык.

Таким образом, за прошедшие более чем 100 лет было написано немалое количество исследовательских работ, которые, так или иначе, раскрывают историю и деятельность РДМК. Дореволюционные авторы занимались преимущественно описанием и систематизацией богатого наследия Духовной Миссии. В советский период проводились исследования влияния РДМК на российско-китайские отношения, а также шло изучение научных трудов по синологии членов Духовной Миссии. В постсоветский период тематика исследований РДМК была значительно расширена, например, в области научных исследований, богослужебной и миссионерской деятельности, истории отдельных Миссий и т.д.

При этом ни одно из исследований не было посвящено комплексной проблеме изучения методологии РДМК в ее просветительской деятельности. Исследование данной темы позволит иметь не только общее представление об основной деятельности РДМК, но и систематизировать накопленный ею опыт в применяемых методах.

⁵⁶ *Иванов П., прот.* Православные катехизисы на китайском языке. К проблеме составления православного миссионерского русско-китайского словаря // Китайский благовестник. М., 2002. № 2. С. 160–167.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ

2.1. Политическое и социальное состояние Китая в XVIII – нач. XX вв.

Период с XVIII до начала XX века стал временем заката династии Цин, правившей в Китае с 1640-х гг. Династия Цин берет свое начало в среде маньчжурских феодалов, основным источником дохода которых были военные экспедиции в северный Китай. Это обстоятельство не помешало высшим китайским чиновникам вступить в сговор с маньчжурами для подавления крестьянского восстания. После разгрома повстанцев маньчжуры узурпировали власть в империи, чему не смогла противостоять угасшая династия Мин⁵⁷.

Основным фактором, позволившим маньчжурам сохранить власть в Китае, стала передислокация почти всех боеспособных соединений на территорию империи. Тем не менее, аппарат принуждения в долгосрочной перспективе не мог заменить собой все необходимые административные и хозяйственные учреждения. Как следствие, Цинская династия нуждалась в привлечении китайцев на различные административные должности, несмотря на давнюю неприязнь коренного населения Китая к маньчжурам. Так сформировалась система пропорционального представительства китайцев и маньчжуров в органах местного самоуправления Цинской империи, просуществовавшая вплоть до начала XX столетия. Следует отметить, что соотношение представительства различных этносов в административных учреждениях Китая, напрямую зависело от региона.

Однако такой подход к региональному управлению не избавил Цинскую империю от внутренней нестабильности; например, коренное население Монголии и Туркестана, лишённое представительства в

⁵⁷ См. Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток. Oriens. 2014, № 1. С. 5–17.

административных структурах империи, выражало недовольство политикой Пекина в отношении окраин государства и категорически отказывалось ассимилироваться с китайцами⁵⁸.

Опасаясь дестабилизации внутри страны, династия Цин поддерживала максимальную изоляцию своих подданных от внешнего политического воздействия, игнорируя попытки установления дипломатических контактов, предпринимаемые западноевропейскими державами, в частности, Англией и Францией.

Еще одним фактором риска для китайской государственности стала Япония, динамично развивавшаяся после вступления в эпоху промышленной революции. Проведя эффективные реформы, качественно преобразившие армию и флот, Япония перестала быть пассивным политическим игроком в Тихоокеанском регионе и попыталась осуществить экспансию на остров Формоза. Вооруженный конфликт, грозивший завершиться новым поражением империи Цин, удалось остановить только благодаря посредничеству Англии. Тем не менее, противоречия между Японией и Китаем не удалось снять полностью, следствием чего стала война 1894-1895 гг., в ходе которой Япония одержала ряд убедительных побед, и независимость Китая была спасена лишь дипломатическим вмешательством России и западных стран, не желавших усиления Японии⁵⁹. Тем не менее, мирный договор с Японией нанес Китаю катастрофический ущерб в виде огромных контрибуций, потери ряда важных портов и островов (Тайвань, архипелаг Пэнхуледао) и политического влияния в регионе (на Корею, Непал, Бирму и др.)⁶⁰.

Экономика Китая вследствие вмешательства западных стран оказалась под существенным влиянием иностранного капитала. Европейская торговля получила права экстерриториальности в ряде крупнейших портов, где

⁵⁸ Там же. С. 7–10.

⁵⁹ *Непомнин О. Е.* История Китая: эпоха Цин... С. 475.

⁶⁰ *Сладковский М. И.* Китай и Англия. М., 1980. С. 112.

иностранцы платили незначительную торговую пошлину или не платили ее вовсе⁶¹.

Из-за финансового кризиса после японо-китайской войны Китай был вынужден взять семь иностранных займов на общую сумму 54 миллиона фунтов стерлингов на кабальных условиях: иностранцы получили доступ к наиболее богатым источникам дохода в стране. Более того, западные страны, пользуясь экономическим и военным превосходством, «добровольно-принудительно» приобретали под видом «аренды» отдельные участки китайской территории.

Наряду с многочисленными поражениями, которые империя Цин терпела в ходе всех вооруженных конфликтов на протяжении всего XIX века, Китай столкнулся с не менее серьезными проблемами внутри страны. Недовольство иностранной экспансией, злоупотребления властью со стороны чиновников, бедственное положение крестьян, неразрешенные противоречия на национальной и этнической почве в северных и западных провинциях страны, спровоцировали ряд восстаний, серьезно подорвавших социально-демографическую и экономическую составляющую Китая: восстание под предводительством Ду Вэньсюя (1855-1873 гг.), восстание в провинциях Шэньси и Ганьсу (1862-1873), восстание факельщиков (1851-1868) и Ихэтуаньское (Боксерское) восстание (1898-1901).

Наиболее крупное восстание, продолжавшееся в течение 14 лет с 1851 по 1865 год, было организовано движением тайпинов. Примечательно, что идеология тайпинов базировалась на протестантских идеях. При этом основатель движения Хун-Сю-Цюань своевольно толковал Писание в духе национального китайского мессианства (Царствие Небесное ассоциировал с Китаем)⁶² и открыто враждовал с конфуцианством. Взгляды Хун-Сю-Цюаня приобрели популярность во время проживания лидера тайпинов в Кантоне в общине протестантского проповедника Робертса. Тайпины открывали

⁶¹ Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М., 1980. С. 3.

⁶² Коростовец И. Я. Китайцы... С. 29.

многочисленные молельные дома в приморских провинциях и демонстрировали открытое неповиновение Цинским властям, нося одежду и прически времен династии Мин. Правительство, желая пресечь деятельность тайпинов, послало войска против сектантов, однако карательная экспедиция завершилась поражением, а повстанцы, напротив, укрепили свой авторитет. Любопытно, что в процессе эскалации восстания идеология тайпинов утратила религиозный примат и трансформировалась в совокупность социально-этических установок⁶³.

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что империя Цин в XVIII и начале XX столетиях находилась в тяжелом политическом кризисе, раздираемая многочисленными крупными восстаниями, экономической и военной экспансией западных держав.

Теперь необходимо дать краткую характеристику основным социальным стратам империи Цин и обратить внимание на ее торгово-экономические взаимоотношения с Россией.

Общество Цинской империи отличалось характерной для восточных государств разветвленной социальной стратификацией со слабой вертикальной социальной мобильностью. В государстве фактически была легализована коррупция в виде подношений и подарков низшим чиновникам⁶⁴. Крестьяне находились в крайне бесправном положении и, что примечательно, зачастую принимали католичество или протестантство, дабы улучшить свое имущественно-социальное положение, обращаясь за этим к миссионерам.

Аристократия Цинской империи представляла собой группу, в которой представители древних китайских дворянских родов, чей высокий социальный статус был санкционирован еще в эпохи правления династий Юань и Мин, соседствовали с выходцами из маньчжурских феодальных родов, завоевавшими свое положение в обществе исключительно благодаря династии

⁶³ Там же, С. 30.

⁶⁴ *Коростовец И. Я.* Китайцы... С. 99.

Цин и ее ставке на родоплеменные связи. Противоречия между китайской и маньчжурской аристократией вспыхивали как во время внутривнутриполитических кризисов, так и при вторжении внешних сил.

Купечество в Китае ориентировалось, как правило, либо на торговлю с Россией, что было характерно для западных и северных провинций, либо на взаимодействие с торговыми кругами западноевропейских держав и США, что было более характерно для приморских и южных провинций, а также для самого Пекина. Купцы в империи Цин отличались крайним прагматизмом, что выразилось, в частности, в содействии контрабандной торговле опиумом, несмотря на то что эта деятельность несла разрушительный характер для китайского общества⁶⁵.

Существенный урон китайскому крестьянству наносило массовое употребление опиума, которое подрывало не только состояние здоровья людей, но и экономику страны.

Из-за указанных нерешенных проблем монархия Цин была обречена. В последние десятилетия XIX века она стремительно теряла свою силу, и к концу столетия уже была не способна самостоятельно подавлять народные мятежи. В частности, Ихэтуаньское восстание (1898-1901) было подавлено только благодаря иностранной интервенции войск из 8 держав.

В ходе Синьхайской революции в 1912 г. монархия Цин была свергнута и провозглашена Китайская Народная Республика во главе с первым президентом – Юань Шикаем.

Теперь необходимо рассмотреть отношения России и Китая в свете упомянутых исторических событий. Торговые и дипломатические взаимоотношения России и Китая установились в конце XVII века после череды вооруженных конфликтов между маньчжурскими армиями и отрядами казаков. Кульминацией противостояния стала осада Албазина в 1685 г., завершившаяся взятием острога и перемещением нескольких десятков

⁶⁵ Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин... С. 382–384.

пленных казаков в Пекин. Итогом урегулирования конфликта стал Нерчинский договор 1689 г., основной задачей которого стало определение государственных границ России и Китая. Наряду с административно-территориальными вопросами Нерчинский договор санкционировал и торговлю между государствами⁶⁶.

Необходимо отметить, что русское купечество еще до учреждения РДМК выполняло важные государственные поручения по сбору информации о положении дел в Китае и развитию дипломатических отношений. Оно также было важным звеном между русской колонией Пекина, состоявшей из албазинцев, и Россией.

После учреждения РДМК (1715 г.) она стала неофициальным дипломатическим представителем. Это было вызвано тем, китайское правительство, придерживаясь традиционной политики изоляционизма, не принимало к себе постоянных посольств от европейских стран, а сообщение с русскими ограничивалось лишь торговыми договорами.

Единственным документом, регламентировавшим торговые и дипломатические связи между Россией и Китаем, был Кяхтинский трактат 1727 г. Для нашей работы особенный интерес представляет 5-я статья договора, служившая правовой основой функционирования РДМК⁶⁷.

В этой статье Кяхтинского трактата за Миссией не только закреплялось право на ведение религиозной деятельности на территории Пекина, но и определялся порядок содержания сотрудников Миссии за счет китайской администрации, а также упрощались процедуры для прибытия новых сотрудников.

Несмотря на то, что Дальний Восток не воспринимался в качестве приоритетного политического направления, нельзя не отметить, что

⁶⁶ См. *Артемьев А.Р.* Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // *Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.* С. 44–52.

⁶⁷ Кяхтинский трактат с условиями политических и экономических взаимоотношений между Россией и Китаем (текст трактата с русской стороны). 1727 г, октября 21 // *Русско–китайские отношения. 1689–1916 [Текст]: Офиц. документы. / сост.: П. Е. Скачков и В. С. Мясников. М., 1958 г. С. 19–20.*

Российская империя предпринимала неоднократные попытки упорядочить торговые и дипломатические отношения с Китаем путем заключения договоров и назначения посольства. Россия Однако Китай на протяжении всего XVIII столетия игнорировал все предложения по документальной регламентации торговли и дипломатической деятельности, используя в качестве аргумента периодически возникавшие споры о приграничных территориях, а также вопрос о репатриации перебежчиков.

Формированию полноценных дипломатических отношений между Россией и Китаем значительно поспособствовали Опиумные войны, в которых Россия выступала посредником в мирном урегулировании военного конфликта.

Согласно заключенным трактатам в Тяньцзине (1858 г.) и Пекине (1860 г.), китайское правительство обязывалось: предоставить право постоянного присутствия иностранных послов в Пекине, санкционировать свободу проповеднической деятельности миссионеров, а также предоставить им право покупать и арендовать земли для своих зданий.

В 1863 г. было учреждено в Пекине российское дипломатическое представительство, вследствие чего, дипломатические функции РДМК отошли в ведение российского резидента в ранге министра.

Таким образом, сотрудники Духовной Миссии могли уделять значительно больше внимания науке и религиозно-просветительским задачам. При этом начальник Миссии по-прежнему был должен исполнять дипломатические поручения, в том числе: сбор сведений политического характера, а также экономические и социальные данные⁶⁸.

Подводя итог данному параграфу, можно заключить, что стремление России установить дипломатические отношения с Китаем обусловило появление РДМК в 1715 г. Последняя выполняла важные дипломатические

⁶⁸ О преобразовании пекинской миссии. // Странник. СПб., 1864. Т.1. С. 33–34.

поручения от российского правительства и, по сути, была неофициальным дипломатическим звеном в русско-китайских отношениях до 1863 г..

Цинская империя во второй половине XIX века представляла собой крайне слабое государство, чья самостоятельность обуславливалась исключительно волей соседних держав. Глубокий кризис, поразивший все сферы жизни общества Китая, выражался как в череде военных поражений, так и в многочисленных внутренних противоречиях, разрушавших целостность государства. В итоге, в ходе Синьхайской революции в 1912 г. Цинская монархия была свергнута и провозглашена Китайская Народная Республика.

Во время военных конфликтов между западноевропейскими странами, Японией и Китаем, Россия играла особую роль в сохранении остатков суверенитета Цинской империи. Благодаря этому, России удалось укрепить дипломатические и экономические связи с Китаем. Опиумные войны с одной стороны усилили экономическую экспансию западных держав, но с другой – иностранные послы получили возможность постоянного присутствия в Пекине, была санкционирована свобода религиозных иностранных Миссий, миссионеры получили ряд прав и льгот на свою деятельность. В результате дипломатические функции РДМК перешли к резиденту русского посольства, а Духовная Миссия могла сосредоточиться на научных изысканиях, пастырской и религиозно-просветительской деятельности.

2.2. Христианство в Китае и его отношения с традиционной культурой

Первое появление христианства в Китае, согласно утвердившемуся мнению в современной науке, связано с сирийцами-несторианами, которые проникли на территорию страны в VI-VII веках через торговые сообщения с Византией и Персией⁶⁹.

⁶⁹ Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М., 2007. С. 16–18.

В это время Китай переживал экономический и культурный расцвет и привлекал к себе множество народов (монгольских, тюркских, сирийских и т.д.), исповедовавших различные религиозные течения: зороастризм, манихейство и христианство.

Можно утверждать, что несторианские миссионеры столкнулись в Китае с высокоразвитой древней цивилизацией со своим патриархальным бытом и религиозно-философским мировоззрением.

Древней китайской культуре было чуждо понятие прогресса, так как Небо и Дао (путь, закон) неизменны, соответственно и Поднебесная должна соответствовать принципу неизменности с соблюдением принятых порядков и ритуалов⁷⁰. Таким образом, развитие китайской цивилизации было связано не с европейским прогрессом, а с социально-этическими нормами, и до эпохи династии Цин (1644-1912) это играло положительное значение как во внутренней, так и во внешней политике.

Географическая изоляция Китая обуславливала ее религиозно-культурную и политическую обособленность, а также космологический этноцентризм. Согласно древним китайским представлениям, в центре Поднебесной (гармонии космических силы Инь и Ян) располагается Срединное государство, со всех сторон ее окружают варвары, в землях которых – космическая дисгармония. Только в Срединном государстве «хуася» (жители Поднебесной) являются полноценными людьми, а варвары, хотя и похожи на людей, имеют «сердце зверя»⁷¹.

Основополагающими религиозно-философскими течениями для китайской цивилизации были: конфуцианство, даосизм и буддизм, которые на протяжении нескольких веков взаимно дополняли друг друга. Конфуцианство выстраивало социальную гармонию, даосизм – гармонию человека и природы, а буддизм – гармонию внутреннего сознания человека через самосовершенствование и погружение в нирвану. Влияние этих религиозно-

⁷⁰ Ян Хиншун. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Том 1. М., 1972. С. 20.

⁷¹ Маслов А. А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. – «Алетейя», 2006. С. 3.

философских течений на подавляющее большинство китайцев осуществлялось через синкретизм с местными культурами, обычаями, праздниками и т.п. Местные религиозные традиции тесно переплелись с конфуцианством, даосизмом и буддизмом, что обеспечивало им выживаемость в период крутой ломки общественного уклада в Китае во второй половине XIX – начале XX столетия⁷². Через призму этих ценностей власть определяла ортодоксальность периодически появляющихся новых народных верований. Если же мифология или организация нового верования выходили за рамки терпимости, то оно объявлялось «идуань» (ложным) и могло существовать только тайно⁷³.

В целом для традиционного Китая трех последних династий (Юань, Мин и Цин) были характерны: религиозный плюрализм, синкретизм и веротерпимость. Были случаи, когда запрещались определенные религиозные верования, но этот запрет применялся к иностранным религиям (преимущественно западным христианским деноминациям) и антиимперским сектам, которые расценивались как источник мятежных движений.

Эпоха благоденствия китайских несториан завершилась в середине IX века при императоре династии Тан У-цзуне (840-846), когда им было запрещено проживать на территории империи под страхом смертной казни, в результате чего часть общин эмигрировала, а оставшиеся действовали в условиях строгой конспирации. Изолированность китайских несториан от остального общества империи привела к постепенному пресечению религиозной традиции⁷⁴. Впоследствии несторианство в Китае пережило краткий ренессанс на стыке XIII и XIV столетий в северных и западных областях (проникнув даже в императорский дом, поскольку мать легендарного императора Хубилая (1271-1294), основателя династии Юань, была

⁷² Крюков М.В. Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. Гл. 9. М., 1993. С. 73.

⁷³ Там же. С. 75.

⁷⁴ Дацьишен В. Г. Христианство в Китае... С. 16–18.

несторианкой⁷⁵), однако снова закрепиться в Китае этому вероисповеданию не удалось. Причины этого по мнению исследователей могли быть различны: более высокая интеллектуальная подготовка у лидеров конфуцианства и даосизма, отсутствие интеграции несторианства в общекитайскую синкретическую религиозную общность, оторванность несторианских общин от своей церковной организации⁷⁶.

Еще одной дохалкидонской церковью, имевшей представительство на территории Китая, была Армянская монофизитская церковь. К сожалению, на сегодняшний день не сохранились сведения о времени появления первых монофизитов в империи. Однако можно с уверенностью судить об их пребывании, хоть и в незначительном числе, в портовых городах Китая во время правления императоров династии Юань (1271-1368), поскольку армяне служили переводчиками между первыми католическими миссионерами и китайцами⁷⁷.

Первые представители католицизма – доминиканские монахи, появились на территории Китая в начале XIII века, и сразу же постарались установить дипломатические отношения между Ватиканом и империей. Затем в середине XIII века длительное миссионерское путешествие по Монголии и Китаю предпринял известный францисканский проповедник Плано Карпини.

Во второй половине XIII столетия католическая миссия приобрела более интенсивный характер благодаря новой монгольской династии Юань (1271-1368), которая традиционно почитала все религии, в том числе буддизм, ислам, христианство и манихейство. Согласно свидетельству венецианского путешественника Марко Поло, император Хубилай (1260-1294), был весьма веротерпим, одновременно почитая Христа, Мухаммеда,

⁷⁵ Там же. С. 19.

⁷⁶ Ломанов. А. В. Глава 1. Несторианство в Китае во времена династий Тан и Юань (VII–IX, XIII–XIV вв.) // А.В. Ломанов. Христианство и китайская культура. М., 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://predanie.ru/book/120644-hristianstvo-i-kitayskaya-kultura/#/toc2> (дата обращения 12.03.2021).

⁷⁷ Дацьишен В. Г. Христианство в Китае... С. 58.

Моисея и Будду⁷⁸; этот правитель одобрял идею крещения китайцев в католичество и через Марко Поло направил в Рим просьбу прислать клириков для этого таинства.

В 1294 г. в Пекин прибыл итальянский монах-францисканец Джованни Монтекорвино, который развернул активную катехизаторскую деятельность, крестив, по разным сведениям, от 5 до 30 тысяч человек и построив в столице империи костел. Впоследствии Монтекорвино был возведен папой Климентом V в епископское достоинство, а в Китай направлены еще несколько епископов для расширения миссии⁷⁹.

Доброжелательность династии Юань по отношению к католическим проповедникам и серьезная конкуренция между монашескими орденами францисканцев и доминиканцев по числу обращенных способствовали бурному росту католических общин и появлению новых храмов на территории Китая. К концу XIV века Пекинский епископат окормлял паству, проживающую не только в столице империи, но и в приморских городах, а центрами просвещения служили 6 монастырей.

Ситуация для католической миссии изменилась в 1369 г., когда на смену монгольской династии Юань пришла китайская династия Мин (1368-1644) в лице богдыхана Джуньчжана. Католические миссионеры были изгнаны из страны, монастыри оказались заброшенными, а многочисленные общины новообращенных китайцев подверглись ассимиляции.

Исчезновение в Китае католических общин и монастырей обычно связывают со свержением правящей монгольской династии. Скорее всего, большинство католиков принадлежало к тюркским и монгольским народам, которые в эпоху династии Юань занимали привилегированное положение⁸⁰.

⁷⁸ Марко Поло. Книга о разнообразии мира // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны; Книга Марко Поло / Пер. И. М. Минаев. М.: Мысль, 1997. С. 250.

⁷⁹ Хенниг. Р. Глава 131. Джованни Монтекорвино — архиепископ Китая (1292—1328 гг.) // Хенниг. Р. Неведомые земли. Т. 3. / Пер. с нем. Л. Ф. Вольфсон и Р. З. Персиц. М., 1962. С. 154.

⁸⁰ Афиногенов Г. Д., Королев А. А. Католицизм в Китае в XIII–XIV вв. // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 35, С. 103.

Новый виток развития католической миссии совпал с эпохой великих географических открытий, поскольку, по верному замечанию В. Г. Дацьшена, торгово-экономическая составляющая экспедиций всегда тесно переплеталась с миссионерскими целями. На данном этапе наиболее активную роль в католической миссии сыграл молодой орден иезуитов, стремившийся вытеснить доминиканцев и францисканцев из привычных сфер влияния. На протяжении XVI века иезуиты и представители иных орденов регулярно принимали участие в экспедициях португальских и испанских мореплавателей на Дальний Восток и пытались добиться разрешения на открытие миссионерского представительства в Пекине. Долгое время европейцы безуспешно пытались выйти за пределы арендованного ими порта Макао, в котором был учрежден епископат⁸¹.

В 1599 г. иезуиту Маттео Риччи удалось добиться разрешения на открытие католической миссии в Нанкине – крупнейшем городе на юге империи. Этому достижению предшествовала многолетняя полулегальная деятельность Риччи и его сподвижников из числа новообращенных китайцев в нескольких городах страны. Трудями Риччи были крещены несколько видных китайских ученых, а иезуиты получили влияние при дворе в Пекине на должности учителей, советников, астрономов и пр. Именно Маттео Риччи заложил основные методы иезуитского миссионерства в Китае, которые заключались в адаптации миссионеров к законам, культуре и обычаям Китая и интерпретации конфуцианства в как «христианства до Христа»⁸².

Примечательно, что захват власти в Китае маньчжурами (в 1368 г.) и постепенное угасание династии Мин прагматично использовалось иезуитами в своих целях. Представители ордена находились как при представителях свергнутой династии, пытавшихся удержать свою власть в приморских

⁸¹ Дацьшен В. Г. Христианство в Китае... С. 22.

⁸² Там же. С. 24.

провинциях на юге империи, так и при дворе нового правителя, заинтересованного в квалифицированных советниках⁸³.

На протяжении второй половины XVII века иезуиты активно укрепляли позиции в Пекине, стараясь завоевать доверие богдыханов династии Цин (1644—1912) многочисленными проектами реформ. Как следствие, в 1692 г. император Канси выпустил специальный эдикт о веротерпимости, разрешавший китайцам принимать христианство. К этому моменту общее число католиков в Китае уже составляло свыше 150 тысяч человек⁸⁴.

Первая православная община в Китае появилась во второй половине XVII века. Она состояла из русских казаков города Албазин, расположенного на Амуре, которых китайцы взяли в плен. Император Канси, оценив воинские качества русских казаков, взял их на службу и поселил в северном районе Пекина. Албазинцы довольно быстро ассимилировались, но сохранили православную веру, в том числе благодаря российско-китайским дипломатическим связям.

Появление РДМК пришлось также на время правления богдыхана Канси (1661-1723), открыто благоволившего христианам. Очевидно, что католические проповедники, находившиеся в более выгодном положении при императорском дворе, не желали утрачивать первенства в деле христианизации Китая, и восприняли появление РДМК как возникновение опасного конкурента.

Осуществляя функцию переводчиков и консультантов по «русскому вопросу», иезуиты формировали у императоров и чиновников Лифаньюань (министерство иностранных дел) настороженное отношение к дипломатической активности России. Именно давление католических проповедников на богдыхана воспрепятствовало учреждению православной

⁸³ *Афиногенов Г. Д., Королев А. А.* Католицизм в Китае... С. 104.

⁸⁴ *Дацьишен В. Г.* Христианство в Китае... С. 29.

епархии в Китае еще в 1720-х гг. и значительно сократило возможности для работы РДМК⁸⁵.

С другой стороны, положение РДМК было более стабильным, чем у других западно-христианских Миссий. Русские миссионеры не подвергались преследованиям со стороны цинских властей или местного населения (если не считать восстание ихэтуаней в конце XIX – начале XX столетий). Правительство Китая более благосклонно относилось к РДМК из-за дружественных отношений с Россией, а также из-за того, что РДМК не вмешивалась во внутренние дела страны, соблюдала ее законы и практически не занималась миссионерством среди местного населения. Миссия изучала Китай, его язык и культуру, окормляла преимущественно местных албазинцев и приезжих русских.

Несмотря на упомянутый недружественный шаг со стороны иезуитов, русские дипломаты и миссионеры регулярно стремились к установлению доброжелательных контактов с католическими и протестантскими проповедниками. В доказательство этого можно привести сведения из аналитической статьи в китайском журнале Дунфан цзачжи («Восточный альманах») за 1883 г.: «В отношении к двум враждующим миссиям православная занимает нейтральное положение, не сталкиваясь ни с католиками, ни с протестантами и не вызывая никаких неудовольствий с той или с другой стороны. От этого обе стороны сочувственно относятся к представителям православной Миссии, в праздничные дни меняются с ними визитами. Особенно интересна издательская деятельность Миссии, плодами которой пользуются, кажется, и в России»⁸⁶.

Интересно, что среди католических миссионеров не было единства, поскольку иезуиты утратили монополию на проповедь в Китае в XVIII веке: доминиканцы и францисканцы постепенно возвращали свое влияние на

⁸⁵ Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация... С. 371.

⁸⁶ О деятельности христиан в Пекине. // Дунфан цзачжи, Пекин, 1883. Вып. 6. С. 62.

Дальнем Востоке⁸⁷. При этом еще в 1-й трети XVII века между доминиканцами и иезуитами возник спор о допустимости участия христиан в местных праздниках и ритуалах. Обряды в честь предков являлись обязательными для всех китайцев, поэтому их запрет мог расцениваться как враждебный шаг по отношению к государству Китая. Пытаясь избежать конфликтов с китайскими властями, иезуиты терпимо относились к участию христиан в праздниках и официальных культах, и считали это лишь символическими действиями. В свою очередь, доминиканцы видели в этом выражение языческих суеверий и идолопоклонства.

Суждения Римской курии по этому вопросу в XVII веке были противоречивы. Например, Папа Иннокентий X в 1645 г. осудил адаптацию христианства к конфуцианским ритуалам, а Папа Александр VII в 1656 г. одобрил методы иезуитов.

Спор между миссионерскими орденами закончился в начале XVIII века: Папа Климент XI в 1715 г. издал буллу, в которой под страхом анафемы запретил все, что было связано с к ультурной адаптацией христианства в Китае⁸⁸, а в 1742 г. папа Бенедикт XIV окончательно осудил китайские ритуалы⁸⁹, несмотря на то, что в самом Китае личность Конфуция была официально десакрализована императорским указом Чжу Хоуцун еще в 1530 г⁹⁰.

Первые протестантские проповедники появились на территории Китая в начале XIX века как следствие английского экономического присутствия в империи Цин. Представитель пресвитерианской деноминации Р. Моррисон и его соратник У. Мильн действовали в условиях сохраняющегося запрета на принятие христианства китайским населением, поэтому усилия протестантских проповедников были направлены на перевод Библии на китайский язык, а также на создание катехизаторских брошюр, отличающихся

⁸⁷ Дацьишен В. Г. Христианство в Китае... С. 37.

⁸⁸ Там же. С. 37.

⁸⁹ Афиногенов Г. Д., Королев А. А. Католицизм в Китае... С. 106.

⁹⁰ Там же.

доступностью разъяснения христианского вероучения для местного населения. Заметим, что миссионерская деятельность Моррисона и Мильна дала незначительные результаты в количественном соотношении (не более 10 обращенных китайцев к 1820 г.), однако теоретические изыскания пресвитериан позволили протестантским проповедникам вести активную деятельность после Опиумных войн. Наряду с пресвитерианами в Китай попытались проникнуть баптисты и методисты, однако их деятельность до Первой опиумной войны нельзя признать успешной⁹¹.

Необходимо отметить, что среди протестантских миссионеров, как и среди католических проповедников, имела место полемика о допустимости сближения христианства с традиционными для Китая философскими и религиозными учениями. В этом вопросе проповедники разделились на два лагеря – консервативный, отрицавший необходимость поиска компромисса с традиционными представлениями китайцев, и либеральный, предлагавший действовать через христианскую адаптацию буддийского и конфуцианского наследия. Консервативные взгляды отстаивал Х. Тейлор, основатель «Китайской внутриконтинентальной миссии» – самой крупной и авторитетной протестантской Миссии в Цинской империи. Среди сторонников адаптации наиболее интересен баптистский проповедник и переводчик Т. Ричард, стремившийся найти в традиционной китайской литературе аллегорические указания на Христа⁹².

Массовое проникновение протестантских проповедников в Китай началось после Второй опиумной войны. В. Г. Дацышен приводит следующую статистику: к 1867 г. (7 лет после окончания боевых действий) на территории Цинской империи открылось 48 протестантских Миссий, причем 90% сотрудников являлись выходцами из Британской империи или США. Среди представителей иных государств необходимо выделить проповедников из Германии, относившихся преимущественно к евангелической деноминации.

⁹¹ Там же, С. 67.

⁹² Там же. С. 16–18.

Активность протестантских миссионеров в 1880-х гг. привела к стремительному увеличению численности обращенных: если в 1877 г. общая численность протестантов в Китае составляла 14 тысяч, то уже к 1890 г. она увеличилась до 85 тысяч, а в начале XX века достигла отметки в 100 тысяч человек⁹³.

Таким образом, на основании вышеизложенных данных мы можем утверждать, что католические и протестантские проповедники в империи Цин, занимались активной миссионерской деятельностью. Это подтверждает статистика, приведенная иереем Петром Ивановым в труде «Из истории христианства в Китае»: если состав всей РДМК в пору ее расцвета в 1914 г. составлял 85 человек, четверть из которых были учителя, то численность католических клириков на территории Цинской империи в 1916 г. достигала 1668 человек⁹⁴.

В это же время на территории Китая действовало 1,5 тысячи протестантских миссионеров в 126 Миссиях из разных европейских стран⁹⁵.

Несмотря на активную деятельность западных миссионеров, отношение к ним среди китайского населения было неоднозначным. Согласно Тяньцзиньскому договору, заключенному после Второй опиумной войны в 1858 г., миссионеры получили полную свободу своей деятельности на всей территории Цинской империи. Опираясь на поддержку дипломатов западноевропейских государств, они могли особо не считаться с китайскими законами и мнением правительства и народа. Это вызвало череду злоупотреблений. Например, некоторые китайцы принимали христианство, дабы избежать уголовного преследования и получить защиту у европейских миссионеров. Последние же, пользуясь своим положением, защищали своих новообращенных христиан в конфликтах с местными властями и населением. Под предлогом возвращения церковной недвижимости, утраченной в

⁹³ Там же. С. 71–73.

⁹⁴ Иванов П., иерей. Из истории христианства в Китае. М., 2005. С. 140–141.

⁹⁵ Ча Шичзе. Миньго цзидуцзяоши луньвэньцзи. Сборник статей по истории христианства в период республики. Тайбэй, 1993. С. 20.

прошлых гонениях, миссионеры незаконно захватывали общественные здания и храмы, требовали у своих консулов заставить китайское правительство уволить неугодных им чиновников⁹⁶.

Пик антихристианских протестов пришелся на время Ихэтуаньского восстания (прозванное европейцами «Боксерским восстанием»⁹⁷) в 1899-1901 гг., которое было направлено против всякого иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая. Правительство не оказало (или же не хотело оказать) значимого сопротивления движению. В результате в ряде провинций повстанцы беспрепятственно убивали миссионеров, китайцев-христиан, разрушали христианские селения и храмы. В. Г. Дацышен приводит статистику жертв: всего в 1900 г. было убито около 30 тысяч католиков и около 2 тысяч протестантов, в числе которых – более ста христианских миссионеров⁹⁸. Также в ходе восстания пострадали и сотрудники РДМК, о чем будет изложено в других параграфах работы. Только благодаря очередной иностранной интервенции, состоящей из 8-й держав (России, США, Германии, Великобритании, Австро-Венгрии, Франции, Италии и Японии), восстание было жестоко подавлено.

После Восстания боксеров миссионеры стали меньше полагаться на поддержку своих европейских дипломатов и реже пользоваться своим положением в судебных и административных делах местных властей. Они понимали, что авторитет китайского правительства был значительно подорван, и поэтому чиновники не всегда могли подавить антихристианские

⁹⁶ Андреева С. Г. Антимиссионерские выступления в Китае во второй половине XIX в. и особенности положения Пекинской духовной миссии // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М., 2002. С. 116–120.

⁹⁷ Инициатором восстания было религиозное общество Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»). Позже оно стало называться – Ихэтуани («Отряды справедливости и согласия»). В связи с тем, что в первоначальном названии (Ихэцюань) входило слово «цюань» (кулак), иностранцы прозвали мятежников «боксерами», а их мятеж — «Боксерское восстание».

⁹⁸ Дацышен В. Г. Христианство в Китае... С. 113.

выступления, которые все же продолжались, но в менее значительных масштабах⁹⁹.

Таким образом, Китайская цивилизация познакомилась с христианством (в лице сирийцев-несториан) не позднее VII века. За прошедшие столетия отношение к христианству в китайском правительстве, ученых и народа Поднебесной менялось неоднократно: от полного расположения и покровительства до открытых гонений, массовых протестов, убийств и погромов христианских Миссий.

Покровительство в лице императоров у западных Миссий было во многом обусловлено целями развития и сохранения выгодных международных отношений с европейскими странами. При этом западные миссионеры (прежде всего представители католических орденов) были весьма полезны при императорском дворе: Китай, когда-то находившийся в культурной и политической изоляции, использовал их как подчас единственных посредников в налаживании международных связей. Помимо дипломатических функций, католические миссионеры были полезны при императорском дворе в качестве ученых в различных областях (астрономия, математика, военное дело и т.д.).

Отсутствие тесных международных отношений, дипломатической и материальной поддержки от своей страны и своей Церкви, могли стать существенной причиной провала христианской Миссии, о чем свидетельствует исчезновение несторианства в Китае. Очевидный противоположный этому пример – комплексная поддержка западных Миссий, особенно после Тяньцзиньского договора.

При этом чрезмерное злоупотребление миссионеров своим положением после Опиумных войн (активное вмешательство во внутренние политические, административные и судебные дела Китая, незаконный захват недвижимости и т.д.) вызывало резко негативное отношение местного

⁹⁹ *Афиногенов Г. Д., Королев А. А. Католицизм в Китае... С. 111.*

населения к любому иностранному присутствию, которое нередко выражалось в форме открытых протестов, погромов и восстаний.

Несомненно, положительным моментом в эффективности христианских Миссий служили многочисленные переводы Библии, катехизисов и прочих христианских книг на доступный для местного населения язык.

Успех западных Миссий также был обусловлен адаптацией христианства к законам, культуре, ритуалам и обычаям Китая. При этом нельзя сказать, что этот метод был всегда успешен. Слишком лояльное отношение иезуитов-миссионеров к обязательным ритуалам почитания предков и Конфуция вызывало протесты среди других миссионерских католических орденов и привело к осуждению Римским престолом как методов миссионерской работы иезуитов, так и самих языческих традиций Китая. Последнее, в свою очередь, служило причиной новых гонений на христианство со стороны китайского правительства.

К тому же, адаптация христианства к культуре Китая имела свои пределы. Даже иезуиты не могли признать превосходство конфуцианства над христианской религией, а культ императора, «Сына Неба», – выше культа Христа, Господа Небесного. Что в свою очередь иногда расценивалось в высших кругах императорского двора как опасное для суверенной власти императора явление.

Предварительно можно утверждать, что деятельность РДМК была отчасти успешной. В отличие от западных Миссий, ее положение было стабильным. Китайское правительство и народ не были враждебно к ней настроены, так как она всегда стремилась соблюдать местные законы, не вмешивалась во внутренние дела страны и не злоупотребляла своим положением при слабом правительстве Цин в эпоху ее заката.

Также сотрудники РДМК совместно с российскими дипломатами стремились налаживать и укреплять дружественные отношения между Россией и Китаем. Изучение китайской культуры сотрудниками РДМК не

могло не вызывать одобрения среди местного населения, чье мировоззрение было основано на китаецентризме.

При этом отсутствие значительной проповеднической деятельности РДМК среди китайцев можно расценивать двояко. С одной стороны, китайцы не видели в РДМК нарочитого им навязывания иноземной религии и ценностей (в отличие от западных Миссий), но с другой – из-за малой миссионерской активности РДМК Православие в Китае не имело широкого распространения по сравнению с Католичеством и Протестантством.

2.3. История Русской духовной миссии в Китае в XVIII – первой пол. XIX вв.

История РДМК имеет глубокие корни в XVII веке, когда территория Сибири и Дальнего Востока оказалась в сфере интересов Китая и России.

Первые казачьи экспедиции (И. Ю. Москвитина, В. Д. Пояркова, С. А. Шелковникова, Е. П. Хабарова и др.¹⁰⁰) по освоению данных территорий совершались с середины XVII века. Обычно в устьях рек первопроходцы строили остроги, которые впоследствии становились военно-административными и хозяйственными центрами жизни русских. Вслед за колонизацией земель казаками шло освоение их крестьянами.

Первые русские колонии подвергались многократным набегам маньчжурских войск, которые в численном соотношении значительно превосходили казачьи отряды, расположенные в пограничных крепостях. Во второй половине XVII века произошла серия приграничных конфликтов между Россией и Цинской империей. Кульминацией противостояния стала очередная осада казачьего острога Албазин в 1685 г., которая завершилась перемещением нескольких десятков русских пленников в Пекин.

Итогом урегулирования русско-цинского пограничного конфликта стал Нерчинский договор 1689 г., в котором были определены границы между

¹⁰⁰ *Артемьев А. Р.* Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. и типы оборонительных сооружений // *Отечественная история.* М., 1998. № 5. С. 140–147.

двумя странами. Наряду с административно-территориальными вопросами договор санкционировал и торговлю между государствами¹⁰¹. Таким образом, можно утверждать, что Нерчинский договор стал основанием для налаживания дипломатических и культурных отношений между Россией и Китаем.

Поэтому вполне закономерным представляется указ Петра I от 18 июня 1700 г., в котором государь предписывал Киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому) найти достойного кандидата из Малороссии на кафедру Сибирской и Тобольской митрополии, который «мог бы Божию помощью исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго Живого Бога и привел бы с собою добрых ученых, не престарелых иноков, двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться, и их суеверие познав, могли твердыми святаго Евангелия доводами многие души области темные сатанинские привести во свет познания Христа, Бога нашего, и тамо живущих и приезжих христиан от прелести всякой идолослужения их отводить, и тамо могли б жити, и у той построенной Божией церкви служить, чтоб своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу и к российскому народу людям, которые по вся годы с караваны для торгова и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себе склонительных»¹⁰².

Таким образом, в приведенном указе отражается проект РДМК от Петра I, который изначально должен был курировать Тобольский митрополит при помощи «добрых ученых не престарелых иноков двух или трех человек».

В 1702 г. подходящая кандидатура на Тобольскую кафедру была найдена – выпускник Киево-Могилянской академии, архимандрит Филофей

¹⁰¹ Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг. СПб., 1889. С. 1–6.

¹⁰² Цит. по: *Николай (Адоратский), иером.* Православная миссия в Китае... С. 462.

(Лещинский), который привез с собой из Малороссии несколько человек для будущей Миссии в Китай.

В свою очередь цинские власти не препятствовали появлению православной Миссии в Пекине, так как это была лишь еще одна христианская Миссия, а они в Китае уже существовали. Как правильно отмечает о. Николай (Адоратский), «в глазах китайцев миссия наша не имела политического характера...»¹⁰³, следовательно, для китайцев не представляла никакой угрозы.

Цинскому двору было необходимо иметь какое-то связующее звено с Россией, чтобы, как минимум, получать необходимую информацию о своем северном соседе. При этом, чтобы «не потерять лицо» в контексте политической изоляции, власти Китая не могли согласиться на официальное представительство России в столице империи. Поэтому появление РДМ, как неофициального посредника, казалось им выходом из этой ситуации.

В историографии РДМК принято делить ее дореволюционную деятельность на соответствующие сроки пребывания очередных Миссий (экспедиций во главе с назначенными лицами в сане архимандрита) в Пекине, которых было в общей сложности 18. Ниже будет изложено краткое описание истории первых 9-и Миссий (1715-1821), а затем, в связи с расцветом деятельности РДМК, более подробно приведено описание каждой Миссии.

Смерть священника Максима Леонтьева в 1712 году стала формальным поводом для организации первой миссионерской экспедиции.

1-я Миссия (1715—1728) была собрана митрополитом Тобольским Филофеем (Лещинским) и сибирским губернатором М. П. Гагариным. Главой Миссии был назначен архимандрит Илларион (Лежайский), выпускник Киево-Могилянской академии, настоятель якутского Преображенского монастыря. С ним были отправлены иеромонах Лаврентий, иеродиакон Филимон, 8 причетников и 4 ученика¹⁰⁴.

¹⁰³ Николай (Адоратский), иером. Вып. I. История Пекинской духовной миссии... С. 11.

¹⁰⁴ Николай (Адоратский), иером. История Пекинской духовной миссии... С. 72.

Как отмечает отец Николай (Адоратский), деятельность 1-й Миссии по налаживанию российско-китайских связей была эффективной благодаря тому, что отцу Иллариону (Лежайскому) удалось завоевать расположение албазинцев – прежде всего, регулярными богослужениями, и крестить несколько десятков из них¹⁰⁵.

Первая миссионерская экспедиция находилась в Пекине 12 лет до приезда нового состава РДМК в 1729 г.

Ввиду успеха 1-й миссионерской экспедиции Российское правительство и Синод были заинтересованы в дальнейшей работе РДМК.

С точки зрения Синода участники Духовной Миссии должны были прежде всего учить языки и окормлять албазинцев (которые стали забывать русский язык уже во 2-м и 3-м поколении). Для Коллегии иностранных дел РДМК должна была стать неофициальным российским дипломатическим представителем и источником важной информации о Китае, а также готовить из набранных студентов будущих переводчиков в Азиатском департаменте. Научные и миссионерские задачи РДМК (до новой инструкции 1819 г. и учреждения в Пекине российского дипломатического представительства в 1864 г.) стояли последними в очереди.

Необходимо отметить, что следующие 8 Миссий имели неоднозначную репутацию. Современники нередко отмечали, что некоторые сотрудники РДМК предавались пьянству, ссорам и дракам, нерадиво исполняли свои обязанности, что служило соблазном для местных жителей и вело к озлоблению китайских чиновников¹⁰⁶.

Из участников первых составов Миссий стоит выделить И. К. Россохина (2-я Миссия), А.И. Владыкина (2-я Миссия), А.Н. Леонтьева (3-я Миссия), успешно осуществлявших дипломатические поручения и выполнявших качественные переводы китайских официальных бумаг, и исторических хроник. Архимандриту Амвросию (Юматову), руководителю 5-

¹⁰⁵ Там же. С. 159.

¹⁰⁶ Пан Т. А. Иларион (Лежайский), архимандрит. ... С. 180.

й Миссии, удалось приобщить к Православию 220 маньчжуров и китайцев, несмотря на указ богдыхана, категорически запрещающий местному населению принимать христианскую веру¹⁰⁷. Архимандрит Софроний (Грибовский), руководитель 8-й Миссии, написал 12 сочинений, посвященных истории Китая и описанию быта его жителей¹⁰⁸.

10-ю Миссию (1821—1830) можно считать переходным этапом в истории РДМК: осознание важности китайского направления в деятельности МИДа привело к тому, что российское правительство и Святейший Синод стали уделять больше деятельного внимания Духовной Миссии в Китае.

Впервые начальником Миссии был избран человек, имеющий опыт работы в РДМК – архимандрит Петр (Каменский)¹⁰⁹. В период 8-й Миссии он был студентом, а затем и переводчиком Азиатского департамента¹¹⁰. В дальнейшем практика назначения опытных сотрудников Миссий главами РДМК будет продолжена до 16-й Миссии включительно.

В 1819 г. император Александр I распорядился в десять раз увеличить расходы на содержание РДМК, включая увеличенное жалование сотрудникам, затраты на образование студентов и организации приходской школы для албазинских мальчиков¹¹¹.

Император также утвердил подробную инструкцию для деятельности Миссии, во многом основанную на конструктивных предложениях архимандрита Петра: еще в 1815 году он направил две «Записки» по усовершенствованию деятельности РДМК, одну – сибирскому губернатору, другую – обер-прокурору Синода¹¹².

Согласно принятой инструкции, начальнику предписывалось по выбору изучать один из языков – китайский или маньчжурский. Остальным

¹⁰⁷ Хохлов А. Н. Амвросий (Юматов), архимандрит. // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 2. С. 154.

¹⁰⁸ Шилов А. А. Софроний (Грибовский), архимандрит... С. 167.

¹⁰⁹ О Пекинской духовной миссии (1818 г.) // РГИА Ф. 796. Оп. 99. Д. 877. Л. 14–14 об.

¹¹⁰ Дацышен В. Г. Христианство в Китае... С. 55.

¹¹¹ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах. Часть 1: Переезд до Пекина. СПб.: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. С. 7–8.

¹¹² Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). М., Гонконг, 2013. С. 160–161.

священнослужителям – учить китайский, заниматься исследованием буддизма и даосизма и переводами книг.

Студенты также должны были учить китайский, монгольский или маньчжурский язык. Занятия между студентами распределялись согласно их желаниям и способностям: кто-то изучал историю Китая, кто-то его медицину, литературу, философию и т.д.

Согласно инструкции, старания сотрудников РДМК после возвращения в Россию поощрялись пенсией, начальнику Миссии гарантировался епископский сан, иеромонахам – наперстный крест и сан архимандрита, а ученики поступали на службу в МИД в качестве переводчиков¹¹³.

По требованию архимандрита Петра все духовные и светские кандидаты Миссии выбирались из сотрудников учебных заведений Петербурга, имеющих высшее образование, причем от каждого из кандидатов требовали «свидетельства о нравственности и способностях»¹¹⁴. В дальнейшем, перед отъездом в Пекин, новый начальник Миссии будет принимать непосредственное участие в подборе своих сотрудников.

В период пребывания в Духовной Миссии архимандрит Петр (Каменский) проявил себя весьма активно: занялся отделочными работами в строениях Сретенского монастыря и пополнением библиотечного фонда. На протяжении всей Миссии трудами архимандрита Петра велась интенсивная работа по закупке и переписыванию книг на китайском языке, преимущественно богословского содержания. В октябре 1825 г. по его инициативе была основана школа для детей албазинцев, в которой училось около 15 человек.

Сотрудники 11-й Миссии (1830—1840) получили прекрасную языковую подготовку еще до приезда в Китай. Китайским языком будущие

¹¹³ Инструкция Архимандриту Петру, Начальнику 10-й Пекинской Миссии // Китайский благовестник. Пекин. 1915. Вып. 13–14. С. 21–22.

¹¹⁴ Дацзышен В. Г. Христианство в Китае... С. 174.

сотрудники РДМК начали заниматься заранее у чиновников Азиатского департамента: бывшего ученика 9-й Миссии М. Сипакова, бывшего ученика 8-й Миссии С. В. Липовцева и монаха Иакинфа (Бичурина)¹¹⁵. В дальнейшем предварительная подготовка сотрудников РДМК членами предыдущих Миссий будет продолжена.

Впрочем, деятельность 11-й Миссии не была чем-то особенно примечательна, кроме личности ее начальника архимандрита Вениамина (Морачевича) – весьма противоречивой фигуры в оценках современников. Еще в 9-й Миссии он был преподавателем китайского училища русского языка, где, по-видимому, себя положительно зарекомендовал, так как по ходатайству Лифаньюань удостоился награждения наперстным крестом и саном архимандрита¹¹⁶. Поэтому назначение его начальником 11-й Миссии китайское правительство приняло благожелательно.

Начальником 12-й Миссии (1840-1849) был назначен архимандрит Поликарп (Тугаринов), который был в прошлом сотрудником предыдущей Миссии.

В свете военной конфронтации между Англией и Китаем в период Первой опиумной войны (1840-1842) Азиатский департамент МИДа возлагал большие надежды на 12-ю Миссию. Поэтому в качестве пристава в нее был назначен вице-директор Азиатского департамента Н. И. Любимов.

В свою очередь архимандриту Поликарпу (Тугаринову) было поручено сформировать новый состав РДМК, который должен был, прежде всего, заниматься исследованием истории и культуры Китая, а также сбором важной информации о текущих делах и положении цинского правительства. Отец Поликарп занялся этим поручением, обращая внимание, прежде всего, на тех людей, которых знал лично по учебе в Санкт-Петербургской духовной

¹¹⁵ Инструкция Архимандриту Петру, Начальнику 10-й Пекинской Миссии // Китайский Благовестник. Пекин. 1915. Вып. 13–14. С. 21–22.

¹¹⁶ Отчет начальника Императорской миссии в Пекине (1864 г.) // ОР РНБ. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

академии. Еще с 1839 г. все сотрудники Миссии начали изучать китайский и маньчжурский языки.

В результате предпринятых мер по формированию кадрового состава члены 12-й Миссии стали одними из наиболее авторитетных отечественных синологов дореволюционной эпохи: В. П. Васильев, В. В. Горский, И. И. Захаров и иеродиакон Палладий (Кафаров)¹¹⁷. В отчетах Иностранному департаменту архимандрит Поликарп особенно отмечал усердия и труды своих товарищей по академии: В. В. Горского и иеродиакона Палладия¹¹⁸.

РДМК была выгодна как российскому правительству, так и двору китайского богдыхана. По замыслу Петра I, РДМК должна была проповедовать в Православие в Китае, тем самым влияя на русско-китайские отношения. В дальнейшем РДМК выполняла предписания Синода и Коллегии (Министерства) иностранных дел по окормлению православных албазинцев и приезжих русских, подготовке студентов для работы в Азиатском департаменте, переводу грамот, получаемых из России для Лифаньюань, налаживанию контактов с представителями цинского двора и сбору важной информации о Китае.

Для цинского правительства, ведущего политику изоляционизма, РДМК стала источником сведений о северном соседе, обеспечивала Лифаньюань ценными сотрудниками (студентами РДМК), а также была неофициальным посредником в русско-китайских отношениях.

Поначалу деятельность РДМК шла не совсем успешно, что было обусловлено прежде всего отсутствием должного внимания со стороны правительства и Святейшего Синода, которое выражалось в недостаточном и нерегулярном финансировании РДМК и отсутствии приемлемой кадровой политики.

¹¹⁷ *Доронин Б.Г.* История империи Цин в трудах членов Российской духовной миссии (XVIII – середина XIX в.) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 99–105.

¹¹⁸ *Скачков П. Е.* Библиография Китая. М., 1960. С. 423.

При этом нельзя утверждать, что первые Миссии не привнесли ничего положительного в дело православного миссионерства. Вопреки названным негативным факторам, РДМК постепенно укрепляла свои позиции в качестве помощника Лифаньюань, ею было положено начало изучения синологии, а также непосредственно миссионерской деятельности среди китайцев.

В начале XIX века отношение к РДМК стало меняться в связи с осознанием российским правительством важности китайского направления во внешней политике. Значительно увеличивалось финансирование, изменилась кадровая политика, в новой инструкции 1819 г. были более четко определены задачи каждого члена РДМК. Это произошло во многом благодаря архимандриту Петру (Каменскому), начальнику 10-й Миссии. В результате деятельность РДМК стала более продуктивной в основных своих направлениях: дипломатической, научной, пастырской и, в меньшей степени, миссионерской.

2.4. История Русской духовной миссии во второй пол. XIX – нач. XX вв.

Руководителем 13-й Миссии (1850-1858) был назначен талантливый сотрудник предыдущей миссионерской экспедиции архимандрит Палладий (Кафаров).

До своего приезда в Пекин отец Палладий занимался своим набором сотрудников, а также совместно с монахом Иакинфом (Бичуриным) обучал их китайскому языку в Департаменте духовных дел¹¹⁹.

После приезда в Пекин он занялся строительством библиотеки и обсерватории, организацией языковых и научных занятий для своих сотрудников, а также дипломатической деятельностью. На важных Тяньцзинских переговорах в 1858 г. архимандрит Палладий был посредником между российским посольством и палатой Лифаньюань. Именно он убедил

¹¹⁹ Попов П. С. Предисловие. // Китайско–русский словарь. Пекин, 1888. Т. I. С. 2.

МИД России в лице посла Е. В. Путятина не применять репрессивных мер против Китая на северной границе. Вместе с тем архимандриту Палладию удалось в условиях нарастания напряженности убедить цинское правительство пойти на уступки для предотвращения острого конфликта, чтобы не подвергать Китай еще большему унижению¹²⁰.

Помимо административной и дипломатической деятельности архимандрита Палладия 13-я Миссия ничем особо себя не проявила.

В 1850 г. местное население албазинцев обратилось в Азиатский департамент МИД с просьбой о переводе Священного Писания и богослужебной литературы на китайский язык, однако только во время 14-й и 15-й Миссий развернется активная переводческая деятельность, которая позволит в период 16-й Миссии начать совершать богослужение на китайском языке.

После истечения срока пребывания в Миссии отец Палладий задержался в Пекине в связи с вышеупомянутыми Тяньцзинскими переговорами. Он выехал из Пекина в Россию только 25 мая 1859 г. За успешную деятельность в РДМК архимандрит был награжден пенсией в размере 2 тысяч рублей и орденом святого Владимира 3-й степени. Затем он был направлен в Рим в качестве настоятеля посольской церкви¹²¹.

14-ю Миссию (1858-1864) возглавил архимандрит Гурий (Карпов), который в прошлом был сотрудником 12-й Миссии.

Отец Гурий был назначен начальником Миссии еще 25 августа 1856 г. Как и его предшественники, перед отправлением в Пекин он 5 месяцев совместно с Иакинфом (Бичуриным) преподавал будущим членам Миссии китайский язык, что весьма благотворно отразилось не только на деятельности РДМК, но и на российской дипломатии в Пекине.

¹²⁰ Краткая история... С. 139.

¹²¹ *Авраамий (Часовников), архимандрит.* Краткая история русской православной миссии в Китае. М., 2006. С. 95.

Отец Гурий внес большой вклад в мирные переговоры по окончанию Опиумной войны, помогая российскому послу в Китае Н. П. Игнатьеву¹²². Как уже ранее отмечалось, подписание Китаем ряда трактатов в Тяньцзине (1858 г.) и Пекине (1860 г.) отразилось как на системе российско-китайских отношений, так и на правовом статусе РДМК.

Согласно 8-й статье «Трактата между Россией и Китаем об определении взаимных отношений», китайское государство обязывалось покровительствовать китайцам-христианам, а также давало свободу миссионерской деятельности русских подданных: «Китайское правительство, признавая, что христианское учение способствует водворению порядка и согласия между людьми, обязуется не только не преследовать своих подданных за исполнение обязанностей христианской веры, но и покровительствовать им наравне с теми, которые следуют другим допущенным в государстве верованиям. Считая христианских миссионеров за добрых людей, не ищущих собственных выгод, китайское правительство позволяет им распространять христианство между своими подданными, и не будет препятствовать им проникать из всех открытых мест внутрь империи, для чего определенное число миссионеров будет снабжено свидетельствами от русских консулов или пограничных властей»¹²³.

Также этот трактат разрешал постоянное присутствие российского посла в Пекине. По указу императора Александра II (от 1863 г.) РДМК перешла в распоряжение Духовного ведомства, а ее дипломатические функции – российскому консулу в Пекине¹²⁴.

Таким образом, Духовная Миссия могла полностью сосредоточиться на окормлении местного православного населения, научной и издательской деятельности, а также проповеди Православия среди местного населения.

¹²² Августин (Никитин), архим. СПбДА и Российская духовная миссия в Пекине: Архим. Гурий (Карпов), 1814–1882 // Православие на Дальн. Востоке: 275–летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 39–42.

¹²³ Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952, С. 53.

¹²⁴ О преобразовании пекинской миссии. // Странник. СПб., 1864. Т.1. С. 33–34.

Хотя Святейший Синод и признал своевременным начало проповеди среди китайцев, но при этом указывал сотрудникам Миссии принимать «меры осторожности, чтобы не испортить дела для будущего» в отношениях с китайским правительством¹²⁵.

По распоряжению Святейшего Синода от 24 июня 1863 г. лимитированный срок пребывания в Миссии (6 лет) был отменен, и теперь самые способные и активные сотрудники РДМК могли оставаться в Китае на неопределенное время по усмотрению Синода. Этим новым распоряжением воспользовался один из самых замечательных сотрудников РДМК – иеромонах Исаяя (Поликин), активный катехизатор, проповедник и переводчик из 14-й и 15-й Духовных Миссий. Обладая незаурядной работоспособностью, иеромонах Исаяя совершал длительные миссионерские путешествия в различные провинции Китая и проповедовал Евангелие местному населению, а также перевел немало богослужебных книг на китайский язык¹²⁶.

В 1861 г. жители деревни Дундинань, близ Пекина, сами обратились к иеромонаху Исаяе (Поликину) с просьбой о крещении¹²⁷. Отец Исаяя неоднократно посещал деревню, совершал богослужение и проповедовал. При его содействии в 1862 г. в деревне Дундинань была открыта православная школа и возведен храм во имя святителя Иннокентия Иркутского.

Таким образом, впервые миссионерская деятельность РДМК вышла за пределы Пекина. Однако, как справедливо замечает А. В. Ломанов, такое расширение сферы деятельности православной Миссии нельзя назвать в полной мере прозелитизмом среди китайцев, так как в деревне Дундинань проживало десять жителей с российскими православными корнями¹²⁸.

¹²⁵ Краткая история... С. 136.

¹²⁶ Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение и современная деятельность православной духовной миссии в Китае // Православный собеседник. Казань. 1884. Ч. 2. С. 376–390.

¹²⁷ Исаяя (Поликин), иером. Поездка в окрестности Пекина по делам распространения христианства. Духовная беседа: 1863. №15–16. Л. 54.

¹²⁸ Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 166.

С 14-й Миссии началась и широкая переводческая деятельность, прежде всего, богослужебной литературы, чтобы впоследствии иметь возможность совершать богослужение на языке, понятном для местного населения. Значительный вклад в эту деятельность внесли архимандрит Гурий (Карпов) и иеромонах Исаяя (Поликин), каждый из которых перевел не менее десятка книг.

После долгих лет пребывания в Китае архимандрит Гурий в 1865 г. был переведен обратно в Россию и назначен настоятелем Московского Симонова монастыря, а в 1866 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии¹²⁹.

15-ю Миссию (1865—1878) возглавил вернувшийся в Китай архимандрит Палладий (Кафаров). Вторичное назначение было связано с его прекрасной репутацией как начальника и ученого.

Под руководством архимандрита Палладия сотрудники РДМК сумели перевести на китайский язык значительный объем богослужебных текстов. Большая часть работы была сделана иеромонахом Исанией (Поликиным). К сожалению, ранняя смерть иеромонаха Исаниеи, случившаяся в 1871 г., прервала плодотворную деятельность этого талантливого миссионера¹³⁰.

Необходимо отметить, что в результате дипломатических переговоров между Россией и Китаем (в том же 1860 г.) по определению границ в землях Уссури и Амур, произошло присоединение к России обширных территорий Уссурийского и Приморского краев. Через некоторое время население Южно-Уссурийского края стало окормляться у РДМК. В рапорте начальника Миссии за 1875 г. говорилось, что иеромонах Геронтий (Левицкий) «командирован был к нашим христианам в деревню Дундинань и в город Тяньцзинь, где проживают несколько русских купцов и стоят наши военные лодки»¹³¹.

¹²⁹ *Августин (Никитин), архим.* СПбДА и Российская духовная миссия в Пекине: Архим. Гурий (Карпов), 1814–1882 // *Православие на Дальн. Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае.* СПб., 1993. С. 47.

¹³⁰ *Хохлов А. Н.* Стажеры и стипендиаты при Пекинской духовной миссии // *Православие на Дальнем Востоке.* 1993. С. 68.

¹³¹ Отчет начальника Духовной Миссии за 1875 г. // РГИА Ф. 797. Оп. 46. Д. 141. Л. 3.

Периодически сам архимандрит Палладий выезжал в Южно-Уссурийский край для пастырского окормления местных жителей.

В середине 1878 г. архимандрит Палладий оставляет Пекин в связи с тяжелой болезнью и уезжает в Европу. Смотрителем Миссии был оставлен иеромонах Флавиан (Городецкий)¹³². 6 декабря архимандрит Палладий скончался от разрыва сердца в Марселе¹³³.

Особое место в истории РДМК занимает деятельность 16-й Духовной Миссии (1878-1884) во главе с архимандритом Флавианом (Городецким).

В 1882 г. был рукоположен первый священник из православных китайцев – Митрофан Цзи, который долгое время работал в церковно-приходской школе¹³⁴. На этого человека со временем были возложены очень важные обязанности: в связи с отъездом в 1884 г. архимандрита Флавиана «религиозное усовершенствование паствы всецело легло на священника из китайцев о. Митрофана Цзи и его помощника катехизатора Павла Ван».¹³⁵

Также во время работы 16-й Миссии был завершен перевод основных частей богослужебных книг на китайский язык, что позволило совершать богослужение на языке, понятном для местного населения. Сотрудники Миссии – архимандрит Флавиан (Городецкий), иеромонах Николай (Адоратский), иеромонах Алексей (Виноградов), иерей Митрофан Цзи, исправили и дополнили предыдущие переводы иеромонаха Исаяи: Часослова, Требника и Служебника. Ими также были сделаны переводы воскресных служб Октоиха, служб двенадесятих праздников, Пасхальной седмицы и чинопоследования Панихиды. В редактировании переводов принимали участие учитель Миссии Осия Чжан и переводчик Евмений Юй.

¹³² О разрешении годового отпуска члену Пекинской Духовной Миссии архимандрита Палладия (1878-1879 гг.) // РГИА Ф. 796. Оп. 159. Д. 1411. Л. 4.

¹³³ Александров. Б. Г. Архимандрит Авраамий. Краткая история русской православной миссии в Китае. М., 2006. С. 114.

¹³⁴ Прощение Начальника Пекинской Миссии Святейшему Синоду от 24 июля 1881 г. // РГИА Ф. 797. Оп. 164. Д. 8. Л. 2.

¹³⁵ Отчет начальника Духовной Миссии за 1886 г. // РГИА Ф. 796. Оп. 166. Д. 2269. Л. 7.

Благодаря сотрудникам 16-й Миссии началась и обширная издательская деятельность: переиздание Нового Завета, катехизисов архимандрита Гурия (Карпова) и митрополита Филарета Московского, издание русско-китайского разговорника, составленного иеромонахом Исайей, а также Священной истории, Молитвослова, Евангелия от Матфея с кратким комментарием, составленным архимандритом Палладием (Кафаровым)¹³⁶.

Таким образом, деятельность 16-й Миссия была весьма плодотворной несмотря на то, что Миссия имела малочисленный состав: в некоторые периоды в ней оставался только один человек – архимандрит Флавиан (Городецкий)¹³⁷.

В 1883 г. по состоянию здоровья архимандрит Флавиан (Городецкий) испрашивает увольнение от должности и разрешение возвратиться в Россию. Прошение его было принято, и увольнение последовало 25 октября 1883 г.¹³⁸. В 1884 г. в сане епископа он был назначен викарием Донской епархии.

Главой 17-й Миссии (1884–1896) был назначен архимандрит Амфилохий (Лутовин), насельник Александро-Невской Лавры.

Как и его предшественник, архимандрит Амфилохий, прежде всего, направил свои усилия на изучение китайского языка.

Благодаря сохранившимся ежегодным отчетам начальников РДМК можно иметь общее представление о деятельности 17-й Миссии. Возьмем характерный из них – «Отчет Начальника Пекинской Миссии о деятельности ея за 1888 г.»¹³⁹.

В начале отчета архимандрит Амфилохий дает характеристику богослужебной деятельности: «В течение отчетного года иеромонах три раза ездил в деревню Дундинань, два раза в Тяньцзинь для совершения треб, и в

¹³⁶ Николай (Адоратский), иером. Издательская деятельность Шестнадцатой Духовной Миссии в Пекине. // Православное обозрение. 1884. №1. С. 7–12.

¹³⁷ Дацзышен В. Г. Христианство в Китае... С. 77.

¹³⁸ Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение... С. 381.

¹³⁹ Отчет начальника Духовной Миссии за 1888 г. // РГИА Ф. 797. Оп. 6. Д. 3.Л. 4–18.

Ханькоу, где с 1884 г освящена была каменная церковь, но священника не было, в связи с тем, что прихожане заявили желание иметь «более зрелого по летам» пастыря, чем был прежде. Другой иеромонах исполнял служение в Сретенской посольской церкви, преподавал в обеих школах Закон Божий и русский язык, а в свободное время сам брал уроки китайского языка».

В статистической сводке отец Амфилохий пишет, что за отчетный год всего было 24 крещения, 3 венчания, 6 отпеваний; эти данные практически не изменились по сравнению с предыдущим годом¹⁴⁰.

Кроме Пекина богослужение осуществлялось в православных храмах в деревне Дундинань, Ханькоу, Урге. Помимо этого, для совершения богослужения и треб сотрудники РДМК ездили в Фучжоу, Тяньцзинь и Калган.

Также обозначенный документ говорит и о развитии церковно-приходского образования в Пекине: в мужской школе обучалось 23, а в женской – 26 человек.

Таким образом, деятельность 17-й Миссии сводится до минимума. Судя по отчетам отца Амфилохия, количество его сотрудников было немногочисленно и временами сокращалось до одного человека.

Пожалуй, самое значимое событие в этот период было связано с иеромонахом Николаем (Адоратским). Отец Николай 4 года трудился в РДМК: собирал сведения по истории православной Миссии в Китае, занимался переводами богослужебных книг на китайский язык и управлял при Миссии богослужебным хором. В 1886 г. по болезни вернулся в Россию и был назначен ректором Ставропольской духовной семинарии, а в 1887 г. в журнале «Православный собеседник» был напечатан его многолетний труд «Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования», который стал одним из первых серьезных исследований по истории РДМК¹⁴¹.

¹⁴⁰ Отчет начальника Духовной Миссии за 1888 г. // РГИА Ф. 797. Оп. 6. Д. 3. Л. 5.

¹⁴¹ Хохлов А. Н. Николай Адоратский (1849-1896) – миссионер и историограф Пекинской духовной миссии / Православный собеседник. Казань, 1997. №3. С. 12–15.

В 1897 г., после 13-и лет управления Миссией, архимандрит Амфилохий отправился в Россию. Святейшим Синодом он был назначен настоятелем московского миссионерского Покровского монастыря и сверхштатным членом духовной консистории. В 1898 г. архимандрит Амфилохий издает в Петербурге свое сочинение «Начатки грамматики китайского разговорного языка»¹⁴².

«Золотой век» РДМК пришелся на период работы 18-й Миссии (1896—1931), которой руководил архимандрит, а впоследствии – митрополит Пекинский и Китайский, Иннокентий (Фигуровский). До назначения в Пекин он был ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии и настоятелем миссионерского Покровского монастыря в Москве.

Сведения о начальном состоянии Миссии можно почерпнуть из отчетов за 1897 и 1898 гг., в которых говорится, что в состав Миссии входили: начальник, два иеромонаха, священник и диакон. В это время Духовная Миссия имела 7 храмов и молитвенный дом на кладбище. Православных русских в Пекине, Тяньцзине и Калгане было 120 человек. Православных китайцев в Пекине и Дундинани – 458, из язычников было крещено 14 человек, а исповедано – 135¹⁴³.

Отчет содержал не только сведения о проделанных работах, но и о дальнейших мерах отца Иннокентия по обновлению РДМК: в области богослужений, отбора кандидатов в члены Миссии, преподавания в церковно-приходских школах и т.д. Однако реализация планов была прервана из-за восстания Ихэтуань.

В конце мая 1900 г. все члены Духовной Миссии, как и остальные иностранцы, перебрались в посольский квартал незадолго до входа в Пекин повстанцев. 56 дней происходила осада посольского квартала, которая

¹⁴² *Самойлов Н. А.* Пекинская духовная миссия во 2-й пол. XIX в. // *Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае.* СПб., 1993. С. 52.

¹⁴³ Там же. С. 48.

кончилась лишь в связи подавлением мятежников армиями европейских государств¹⁴⁴.

Мятежники сожгли и разграбили практически все, что было создано за время существования РДМК: подворье Миссии с уникальной библиотекой и архивом, ризницу, типографию, богадельню, приходскую школу и многое другое. Были разрушены православные храмы в городе Калган и в деревне Дундинань, часовня в Бэйдайхэ¹⁴⁵.

Из-за страха расправы многие китайские христиане отрекались от веры, но были и те, кто умер мученической смертью.

После погромов РДМК фактически прекратила свое существование до 1902 г. Архимандрита Иннокентия вызвали в Санкт-Петербург. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев хотел перенести РДМК в Порт-Артур или на границу с Китаем в Сибирь. При этом архимандрита Иннокентия (Фигуровского) предполагалось назначить начальником Российской духовной миссии в Урмии (Персия). Однако отец Иннокентий решил бороться за сохранение РДМК в Пекине. При поддержке митрополита Петербургского Антония (Вадковского) ему удалось убедить Синод отказаться от упразднения Миссии в столице Китая. Более того, было принято решение об учреждении в Китае епископской кафедры, увеличении штата Миссии, а также выделены дополнительные средства на содержание РДМК¹⁴⁶.

Таким образом, прежняя осторожная политика Святейшего Синода и российского правительства в миссионерской деятельности РДМК сменялась стратегией более решительных действий, что было оправдано в свете заката Цинской империи. Дело в том, что после подавления восстания Ихэтуань, Китай подписал неравноправный «Боксерский протокол», по которому цинское правительство фактически лишалось суверенитета. Оно обязывалось

¹⁴⁴ *Кеплинг К.* Последние статьи и документы. СПб., 2003. С.116.

¹⁴⁵ *Ипатова А.С.* Православие на Дальнем Востоке. // 275–летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб.: 1993. С.75–76.

¹⁴⁶ *Ковалева Е. В.* Иннокентий (Фигуровский), митрополит. // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 23. С. 32.

выплатить европейским странам 450 миллионов лян серебра (около 900 миллионов рублей), из них больше всего (30 процентов) получала Россия. В течение 2-х лет запрещалось ввозить в страну оружие и боеприпасы. В стратегических местах Китая теперь постоянно находились иностранные войска. Запрещались все религиозные и общественные организации, направленные против иностранцев¹⁴⁷.

При этом сохраняла свою силу и русско-китайская конвенция 1898 г., согласно которой Российская империя брала в аренду на 25 лет портовые города Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь), а также получала право прокладки до этих мест Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В результате в северо-восточную часть Китая приехало на работу большое количество российских подданных. Вдоль КВЖД возникли русские поселения и было построено около 30 храмов¹⁴⁸.

Таким образом, значительное увеличение русского присутствия в Китае было очередным весомым аргументом в учреждении епископской кафедры в Поднебесной.

В июне 1902 г. отец Иннокентий был посвящен в епископский сан и формально назначен викарием Владимирской епархии. В Александро-Невской Лавре был организован набор братии для пекинского монастыря¹⁴⁹. Составлялся хор, набирались книги, утварь.

В итоге новый состав Миссии, в количестве 34-х сотрудников и 40-а человек обслуживающего персонала, вместе с епископом Иннокентием отправился в Пекин¹⁵⁰.

За счет ежегодных выплат из России, а также выделяемой контрибуции от Китая, РДМК удалось не только восстановить, но и значительно расширить.

¹⁴⁷ *Сытин И. Д.* Боксерское восстание 1900–02 гг. // Военная энциклопедия : [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого. СПб., 1912. Т.4. С. 620.

¹⁴⁸ *Ковалева Е. В.* Иннокентий (Фигуровский)... С. 30.

¹⁴⁹ Пекинская Духовная Миссия в 1902-1913 годах // Китайский благовестник: Пекин, 1914. Вып. 1–2. С.11.

¹⁵⁰ Дело о возведении начальника Пекинской Духовной миссии в сан епископа (1902 г.) // РГИА Ф. 565. Оп. 7. Д. 29225. Л.16.

Был сделан ремонт зданий, отстроена типография, переплетная, постепенно открывались новые мастерские: чертежная для архитектурных планов, механическая, литейная, столярная, токарная и т.д. Началось строительство и других помещений, для этих целей на средства Миссии был куплен кирпичный завод в Тань-ли-яо¹⁵¹.

Территория Миссии была обнесена каменной стеной. Была устроена домовая церковь во имя святителя Иннокентия Иркутского. На месте разрушенного Успенского собора был построен новый храм Всех святых мучеников Китайских, где были захоронены останки убитых 222-х православных китайцев. Русское кладбище было восстановлено, там же построен храм во имя преподобного Серафима Саровского.

Была возобновлена работа школ при Миссии. В различных районах Китая открывалась сеть миссионерских станций на базе поселений, где учреждались небольшие учебные заведения и молитвенные дома. Преподавателями в них были, как правило, православные китайцы – выпускники мужской школы при Миссии. В связи с этим шаг акцент в просветительской работе Миссии смещался с клириков на катехизаторов и учителей. Важным шагом стало учреждение Пекинской семинарии в начале XX века, обеспечивавшей подготовку православных китайцев к пастырскому и катехизаторскому служению.

18-я Миссия также активно занималась издательским делом. В основном она печатала литературу, ориентированную, главным образом, на потребности русских поселенцев в северной Маньчжурии. Книги Миссии издавались не только в Пекине, но и в Харбине, Шанхае, Ханькоу, Тяньцзине и Порт-Артуре.

По инициативе епископа Иннокентия для упорядочения религиозной деятельности в Китае в 1904 г. было создано «Братство православной церкви в Китае», в которое вошли все духовные лица Миссии, а также состоятельные

¹⁵¹ Отчет начальника Духовной Миссии за 1903 г. // РГИА Ф. 796. Оп. 184. Д. 5310. Л. 6.

православные люди. Согласно утвержденному уставу, задачи братства заключались в развитии православного просвещения в Китае и благотворительности¹⁵².

Стоит отметить еще один немаловажный момент: в 1903 г. было положено начало женской общине при Миссии. Из Знаменского монастыря Красноярского уезда было вызвано пять сестер: монахиня Евпраксия и четыре рясофорные послушницы. Постепенно состав общины увеличивался за счет прибывших из России сестер и за счет послушниц из албазинок и китаянок. По мысли владыки Иннокентия, присутствие монахинь должно было способствовать установлению тесных контактов с женской паствой и привлечение их в лоно Православия¹⁵³.

Если сравнить упомянутую статистику начального периода 18-й Миссии, то прогресс деятельности РДМК в начале XX века окажется существенным. К 1914 г. РДМК принадлежали 2 монастыря в Пекине (мужской и женский), Крестовоздвиженский скит в горах Сишань, 19 храмов и 3 часовни, 5 кладбищ, 32 миссионерских стана, Пекинская семинария, 17 мужских и 3 женские школы, богадельня на 16 человек. В Китае количество православных китайцев составляло более 5,5 тысяч, в следующие годы оно заметно увеличивалось. Так, в 1916 г. в провинциях Хубэй, Чжэцзян и Цзянси приняли православное крещение более 570 человек¹⁵⁴.

Несмотря на все трудности, с которыми столкнулась РДМК в начале XX века, период управления владыки Иннокентия (Фигуровского) по праву можно называть «золотым веком» православного миссионерства в Поднебесной. К сожалению, этот «золотой век» был прерван из-за тяжелых потрясений как в России, так и в Китае, в период гражданских войн.

Подводя итог вышесказанному, мы можем резюмировать следующее: вторая половина XIX – начало XX столетий стали временем расцвета РДМК.

¹⁵² Отчет начальника Духовной Миссии за 1904 г. // РГИА Ф.796. Оп. 186. Д. 5955. Л.4.

¹⁵³ Дело Синода об обращении Пекинской женской общины в монастырь (1907–1908 гг.) // РГИА Ф. 797. Оп. 77. Д. 580. Л. 3.

¹⁵⁴ Ковалева Е. В. Иннокентий (Фигуровский)... С. 31.

Во многом это было связано с освобождением от дипломатических обязательств, концентрацией сотрудников миссий на научной и просветительской работе, а также качественным подбором сотрудников. Именно в этот период РДМК стала заниматься широкой переводческой деятельностью, в том числе был переведен основной корпус богослужебных текстов на китайский язык, что позволило совершать регулярные богослужения на понятном для местного населения языке.

В свете потери суверенитета цинского правительства после Боксерского восстания осторожная политика РДМК сменилась более решительными действиями в миссионерском направлении. Существенная поддержка российского правительства и Святейшего Синода позволила реализовать намеченные планы начальника 18-й Миссии, владыки Иннокентия (Фигуровского), подняв деятельность РДМК на качественно иной уровень.

В период деятельности 18-й Миссии (до 1917 г.) фактически была образована православная епархия в Китае, выросло более чем в десять раз количество православных китайцев, значительно расширилась сеть православных учебных заведений, активизировалась издательская деятельность, а также было положено начало православному монашеству в Китае.

Таким образом, значительные темпы развития РДМК в начале XX века можно было вполне сопоставить с прогрессом католических и протестантских Миссий, но это развитие, к сожалению, было прервано из-за череды революционных потрясений в России и Китае.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРА РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ

3.1. Правовое положение и основные организационные принципы Русской духовной Миссии в Китае

Для того чтобы разобраться в правовом положении РДМК необходимо учитывать то, что она осуществляла свою деятельность на территории Китая. Поэтому правовые основы ее деятельности (месторасположение, статус и состав) определялись рядом международных договоров между Китаем и Россией, прежде всего, Кяхтинским трактатом от 1727 г. и Тяньцзинским трактатом от 1858 г.

РДМК была создана как для церковных, так и государственных задач, которые выполняли церковные и светские сотрудники Духовной Миссии. Поэтому правовое положение РДМК со стороны России регулировали его Императорское Величество, а также несколько подведомственных ему учреждений: прежде всего Святейший Синод, законодательные органы власти (Сенат, Государственный совет, и т.д.) и отчасти Коллегия (с 1-й трети XIX века – Министерство) иностранных дел.

Правовое положение РДМК со стороны Китая регулировали богдыхан и его правительство.

Соответственно РДМК имела двойное подчинение (до 1864 г.) и исполняла предписания в виде инструкций как Святейшего Синода, так и Коллегии (Министерства) иностранных дел. Хотя четкого разграничения в управлении Духовной Миссией не было, тем не менее, судя по соответствующим распоряжениям, РДМК в большей степени подчинялась Синоду. Все важные организационные решения по делу РДМК оба учреждения согласовывали с его Императорским Величеством.

Святейший Синод в свою очередь занимался: формированием состава очередной Миссии и определением сроков пребывания в Китае, определением лимита финансирования (при согласовании его с российским правительством

и императором), снабжением церковной литературой, богослужебным одеянием и утварью (если потребуется), общим руководством ее деятельности, также Синод судил и поощрял сотрудников Миссии из духовного сословия¹⁵⁵.

Перед отправкой очередной Миссии Синод вручал ее начальнику общие инструкции, где излагались основные обязанности РДМК. Чаще всего они были связаны с изучением языков, а также пастырским окормлением албазинцев. Дополнительные поручения Синода присылались в РДМК через установленные каналы связи.

В 1819 г. Святейшим Синодом и Государственным советом была разработана более подробная инструкция для последующих Миссий и утверждена императором Александром II¹⁵⁶. Пожалуй, самым существенным нововведением в организации РДМК являлось учреждение Совета Миссии, состоящий из начальника, двух иеромонахов, лекаря, одного студента и секретаря из студентов. Совет должен был проходить каждый месяц, при этом решающий голос в Совете принадлежал начальнику Миссии и двум священникам.

В компетенцию Совета входило решение вопросов по внешним и внутренним проблемам РДМК: 1) Надзирать за поведением и занятиями всех членов миссии (в частности и самого начальника); 2) Указывать меры к поощрению за заслуги и взысканию за проступки; 3) Внушать осторожно и благоразумно обращаться с китайцами; 4) Надзирать за сохранением церковного имущества и казны, отпускаемой на содержание Миссии.

Таким образом, учрежденный орган самоуправления должен был решать на месте различные вопросы в более короткие сроки без согласования

¹⁵⁵ Необходимо отметить, что до учреждения Святейшего Синода (1721 г.) формированием состава и общим руководством 1-й Миссий занимался митрополит Тобольский и Сибирский Филофей, согласно указу (упомянутому в предыдущей главе) императора Петра I от 1700 г. // См. *Николай (Адоратский), иером.* Православная миссия в Китае... С. 462.

¹⁵⁶ Инструкция Архимандриту Петру, Начальнику 10-й Пекинской Миссии // БК. Пекин. 1915. Вып. 13–14. С. 21–22.

с Синодом. Однако на практике Совет, формально просуществовав до 14-й Миссии, так и не прижился.

В 1864 г. Святейший Синод издает для РДМК новую инструкцию, согласно которой начальнику предлагалось, по собственному усмотрению, для обсуждения серьезных вопросов приглашать иеромонахов на совещание, и принятые решения вносить в общий журнал под общей подписью¹⁵⁷.

Таким образом, коллегиальное управление Миссии отходит на второй план в пользу единоличного управления РДМК ее начальником¹⁵⁸.

Иногда предписания Синода имели и политический характер. Например, в декабре 1842 г. было указано РДМК обучать албазинских мальчиков русскому языку, «чтобы через них можно было получать сведения о Китае». При этом проповедь среди язычников была воспрещена, по замечанию иеромонаха Николая (Адоратского), «департамент не вменял миссии в обязанности приобретение новых прозелитов из боязни политических осложнений»¹⁵⁹.

Правительство и, прежде всего, Коллегия (Министерство) иностранных дел имела отношение к РДМК во всех организационных моментах.

Она также издавала инструкции. Например, в инструкции для 4-й Миссии Сенат указал архимандриту Гервасию поступать в Пекине по директивам предыдущей Миссии, а в недоуменных вопросах обращаться к иркутскому архиерею. В свою очередь ученики Миссии должны были находиться в полном послушании у архимандрита и учить языки. Если не будут слушаться, начальник Миссии должен их смирать и об этом «писать ему в коллегия при всяких случающихся оказиях обстоятельно»¹⁶⁰. При этом та

¹⁵⁷ Дополнение к прежней инструкции нашей Духовной Миссии // Китайский Благовестник. Пекин, 1916. Вып. 7–8. С. 16.

¹⁵⁸ Об изменении штата православной духовной миссии в Пекине // Ведомство православного исповедания. Хозяйственное управление при Святейшем Синоде. Отделение 2–е. Стол 2. 19 апреля 1902 г. № 9860. СПб., 1902. С. 6–7.

¹⁵⁹ Цит. по: *Николай (Адоратский), иером.* Краткая история... С. 117.

¹⁶⁰ Цит. по: *Николай (Адоратский), иером.* Вып. II. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Казань, 1887. С. 173–176.

же Коллегия (Министерство) предписала ахримандриту Гервасию не забывать окормлять албазинцев и совершать в их храме богослужения¹⁶¹.

Предписания Коллегии (Министерства) касались и сбора важной информации о Китае сотрудниками РДМК, которую начальники Миссий должны были передавать через все возможные каналы связи. Например, архимандрит Петр (Каменский) сообщал о разнообразных событиях в Китае через переписку с иркутским губернатором, при этом для сохранения конфиденциальности он писал на греческом языке¹⁶². Начиная с 12-й Миссии, Азиатский департамент предписывал начальникам Миссий излагать в донесениях секретные сведения «симпатическими» чернилами, при этом используя шифр¹⁶³.

Иногда все прямые каналы связи были запрещены китайским правительством из-за очередного конфликта с Россией. Начальник 9-й Миссии архимандрит Софроний (Грибовский) был вынужден отправлять сообщения через торговые суда. Одно из них проделало длинный путь: через Макао вокруг Азии и Африки в Португалию, а оттуда в Петербург через российского представителя¹⁶⁴. После приезда из Китая архимандрит Софроний лично передал Министерству Иностранных Дел свои 12 сочинений об истории Китая и описания быта его жителей. После этого он был награжден пенсией и определен в московский Новоспасский монастырь¹⁶⁵.

Также Министерством Иностранных дел начальники РДМК призывались участвовать в важных дипломатических переговорах, которые были особенно актуальны в ходе Опиумных войн. При участии архимандритов Палладия (Кафарова) и Гурия (Карпова) была составлена серия Тяньцзинских (1858 г.) и Пекинских трактатов (1860 г.), которые трудно переоценить как для России, так и для правового положения РДМК.

¹⁶¹ Там же. С. 176–177.

¹⁶² Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). М., Гонконг, 2013. С. 250.

¹⁶³ Николай (Адоратский), иером. Православная миссия в Китае... С. 176.

¹⁶⁴ Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 276.

¹⁶⁵ Там же. С. 280.

Время отправки очередной миссионерской экспедиции Синод должен был согласовывать с Коллегией (Министерством) иностранных дел, так как последняя решала соответствующие организационные моменты: испрашивала разрешение у китайского правительства об открытии границ и присоединяла миссионерский состав к очередному торговому каравану.

После учреждения в Пекине российского дипломатического представительства в 1863 г., РДМК вышла из двойного подчинения, и по указу императора Александра II осталась в юрисдикции Святейшего Синода. При этом в «Законе о преобразовании Пекинской (Духовной) Миссии» от 1864 г. начальник РДМК в определенных случаях оставался в подчинении у МИДа, если его деятельность касалась с постановлениями правительства и государственными интересами России. В этих случаях начальник Миссии должен был обращаться к российским консулам как «единственным представителям русских интересов, имеющих ближайшее сношения с китайским правительством».¹⁶⁶ В свою очередь российские консулы должны иметь к деятельности РДМК наблюдательный характер, оказывая ей по мере необходимости помощь и защиту «по делам распространения Православия между китайцами или по могущим возникнуть недоразумениям между местными Китайскими властями и нашими миссионерами»¹⁶⁷.

Немаловажное значение на правовое положение РДМК имели и распоряжения китайского императора и его правительства.

Юридический статус РДМК стал формироваться уже при 1-й Духовной Миссии. Богдыхан Канси был заинтересован иметь при своем дворе грамотных русских миссионеров, прежде всего, в качестве переводчиков и информаторов об их стране. Поэтому он пожаловал сотрудников Миссии придворными чинами: архимандриту Иллариону было присвоено звание мандарина 5-й степени, остальным священнослужителям – мандарина 7-й

¹⁶⁶ О назначении нового начальника и состава Русской духовной миссии в Пекине (1864 г.) // РГИАФ. 797. Оп. 34. Д. 77. Л. 7.

¹⁶⁷ О назначении нового начальника и состава Русской духовной миссии в Пекине (1864 г.) // РГИАФ. 797. Оп. 34. Д. 77. Л. 21.

степени, а студенты и причетники были зачислены в сословие солдат. Всем членам Миссии предоставили казенные квартиры рядом с албазинской церковью. Сверх этого, им полагалось ежемесячное жалование и несколько мер риса от Лифаньюаня. Ежемесячно к архимандриту Иллариону приезжал посланник богдыхана и справлялся о его здоровье и о нуждах Миссии, что было знаком особого расположения императора¹⁶⁸.

Получается, что с одной стороны император относился к сотрудникам РДМК как дорогим гостям северной страны, но с другой – формально рассматривал их как своих подчиненных, зачислив их на службу палаты Лифаньюань. Последнее было скорее отражением архаичного элемента мировоззрения императорского двора, которое считало, что у Поднебесной (центра Вселенной) не могут быть равноправных соседей, но только вассалы.

Правовое положение РДМК было закреплено 5-м пунктом Кяхтинского трактата в 1727 г. В нем было определено место постоянного проживания в посольском дворе Наньгуань (Южное подворье). Также в этом договоре была разрешена периодическая отправка в Пекин 4-х русских священников, дано обещание не препятствовать отправлению в Пекине религиозных обрядов православной церкви, было разрешено направлять из России для изучения местных языков шестерых учеников¹⁶⁹.

Заключенный Тяньцзиньский трактат с Россией (1858 г.) существенным образом изменил положение РДМК. Цинское правительство разрешило ее миссионерам на всей территории Китая свободно распространять христианство, а также приобретать недвижимость для религиозных строений. Сотрудникам РДМК было разрешено свободно перемещаться из России в Китай и обратно без принятого срока пребывания в Пекине¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Пан Т. А. Иларион (Лежайский), архимандрит. // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 22. С. 181.

¹⁶⁹ Кяхтинский трактат... С. 19–20.

¹⁷⁰ Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 25–33.

Однако после дарования широких прав фактически деятельность РДМК имела по-прежнему ограничения. Например, начальник 16-й Миссии (1879-1883) архимандрит Флавиан (Городецкий) жаловался своему другу о жизни в РДМК: «жизнь очень скучная; порядки строгие; пойти никуда нельзя; сиди себе в четырех стенах; людей видишь редко; занятие только одно, перевод с русского на китайский»¹⁷¹.

В конце XIX века эти ограничения были практически сняты, а после того как Цинская империя лишилась остатков суверенитета (в результате подавления восстания Ихэтуань) РДМК была абсолютно свободна в своей миссионерской и просветительской деятельности на всей территории Китая, что несомненно оказало большое влияние в укреплении и развитии православной веры в Поднебесной.

В результате вышеизложенного можно сделать соответствующие выводы. Правовое положение РДМК основывалось на международных договорах между Россией и Китаем (Кяхтинский и Тяньцзинский трактаты), определяющие, главным образом, ее месторасположение, статус и состав.

Со стороны России правовое положение РДМК определял Верховный правитель Российской империи, а также подведомственные ему учреждения: прежде всего Синод, законодательный орган власти и отчасти Коллегия (Министерство) иностранных дел. Принятые законы о РДМК и инструкции от упомянутых инстанций являлись основными источниками прав и обязанностей для сотрудников Духовной Миссии.

До 1858 г. РДМК находилась в двойном подчинении у Святейшего Синода, прежде всего, и Коллегии (Министерства) иностранных дел, которые занимались: формированием состава очередной Миссии, обеспечением транзита миссионерской экспедиции до Пекина и обратно, определением сроков пребывания в Китае, определением лимита финансирования РДМК, снабжением, если потребуется, предметами для богослужения и катехизации,

¹⁷¹ Письмо архимандрита Флавиана (Городецкого) иеромонаху Николаю (Адоратскому) // РГИА Ф. 797. Оп. 53. Д. 67. Л. 1.

общим руководством ее деятельности, а также наказанием и поощрением сотрудников РДМК. Все важные организационные вопросы предоставлялись на рассмотрение российского правительства и утверждение его Императорского Величества.

Между двумя ведомствами не было четкого разграничения в управлении Духовной Миссией, вероятно в этом не было никакого смысла, так все они подчинялись Его императорскому Величеству как выразителю политических и религиозных интересов Российской империи. Синод в большей степени курировал организационные моменты РДМК, а также следил за ее пастырским окормлением албазинцев и миссионерской деятельностью. В свою очередь Коллегия (Министерство) иностранных дел в большей степени занималась решением дипломатических задач через РДМК, а также патронажем учеников Миссии.

Сотрудники РДМК были обязаны выполнять инструкции от упомянутых вышестоящих инстанций, за что, прежде всего, отвечал начальник Духовной Миссии. Он был обязан предоставлять отчеты о состоянии Миссии Синоду, а также согласовывать с ним все более или менее значимые предприятия.

Согласно императорскому указу, в 1864 г. РДМК вышла из двойного подчинения и перешла в Духовное ведомство. При этом деятельность начальника Миссии по-прежнему ограничивалась МИДом в ряде вопросов: если она касалась постановлений правительства или же политических интересов России, то начальник РДМК должен был согласовывать свои действия с дипломатическим представителем.

Формально РДМК находилась в юрисдикции правящего иркутского архиерея до фактического учреждения епископской кафедры в Китае в 1902 г. Хотя в большинстве случаев иркутский владыка лишь исполнял роль наиболее удобного посредника между Синодом и РДМК.

Также правовое положение РДМК регулировалось богдыханом и его правительством. Для императорского двора РДМК была представителем

Русской Православной Церкви и не являлась резидентом российского государства, хотя фактически до 1863 года РДМК была неофициальным посредником между двумя странами.

До Тяньцзиньского трактата (1858 г.) РДМК, как и другие христианские Миссии, имела ряд ограничений на прозелитизм среди китайского населения, приобретение недвижимости, а также в передвижении по китайской территории. Пользуясь благорасположением императорского двора, РДМК иногда нарушала эти запреты, на что китайские чиновники не обращали особого внимания.

Официально полную свободу деятельности РДМК получила после Тяньцзиньского трактата, а де-факто только в конце XIX – начале XX столетий, что не могло не способствовать развитию православной миссии в Поднебесной.

3.2. Кадровый состав Русской духовной миссии в Китае

Для того, чтобы наиболее удобным образом описать кадровый состав всех 18-и Миссий, необходимо их разделить на две части. В первой части описать первые 9 Миссий, а во второй – остальные 9. Это разделение необходимо, так как, начиная с 10-й Миссии, будут происходить существенные изменения кадровой политике Святейшего Синода и российского правительства.

Кадровый состав первых 9-и Духовных Миссий

Формированием кадрового состава РДМК занимался Святейший Синод и отчасти Канцелярия (Министерство) иностранных дел.

Синод определял церковный состав Миссии, состоящий из духовенства, причетников и учеников. Поиск достойных кандидатур он поручал Духовным консисториям, а также разным духовным лицам: архиереям, ректорам учебных духовных заведений, и настоятелям крупных монастырей.

Формально лимит сотрудников РДМК был определен Кяхтинским трактатом: 4 ламы (священника) и 6 учеников¹⁷². Впрочем, эти ограничения российской стороной соблюдались не во всем и не всегда. В первых 9 Миссиях количество духовенства составляло 3-5 человек (все из монашествующих). Одного из них назначали начальником Миссии, при этом возводя в сан архимандрита (если он такого сана не имел). Количество учеников составляло в среднем 3-5 человек. Также в РДМК были от 2 до 8 причетников (не упомянутых в Кяхтинском трактате), избираемых самими священнослужителями, которые были необходимы для богослужения и другого вида помощи, с согласия Святейшего Синода.

Иногда в состав Миссий (3-й, 5-й, 8-й и 9-й) от Коллегии иностранных дел назначались приставы из числа сотрудников МИДа или военных. Они возглавляли торговые караваны, с которыми отправлялись миссионерские экспедиции в Пекин и обратно. Иногда приставам поручалось выполнять дипломатические поручения, к выполнению которых они привлекали студентов Миссии. Так, поручению приставы М. В. Игумнова ученики 6-ой Духовной Миссии: А. Агафонов, А. Парышев и Ф. Бакшеев вели «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год»¹⁷³. Поскольку официальные посольства из России в Китай были редки, то российское правительство иногда использовало приставов для передачи каких-либо посланий китайским властям.

Таким образом, РДМК в среднем состояла из 14 человек. Несмотря на формальное ограничение состава РДМК по Кяхтинскому договору, каждый раз количество сотрудников новой Миссии определялось договоренностью между Коллегией иностранных дел и цинским правительством. Последнее, в случае возникновения конфликтов с Россией, при переходе границы

¹⁷² Кяхтинский трактат... С. 19–20.

¹⁷³ См. Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 167.

миссионерской экспедицией, могло выслать «лишних» сотрудников обратно в Россию по формальным причинам¹⁷⁴.

Судя по распоряжениям Святейшего Синода, не существовало каких-либо формальных критериев для отбора подходящих кандидатур в состав РДМК. Можно определенно утверждать, что тогда предпочтение отдавалось выходцам из Малороссии. Исключением из правил был состав 5-й Миссии, состоящий из великороссов, включая ее начальника архимандрита Амвросия (Юматова), уроженца Москвы¹⁷⁵. По словам иеромонаха Николая (Адоратского), малороссы, «обладая в то время большим сравнительно просвещением, вместе с тем, умели ладить с католиками, что представлялось... важным условием для успеха их миссионерской деятельности в Китае, где иезуиты имели гнездо от многих времен»¹⁷⁶.

В период формирования составов первых 9-ти Миссий поиск кандидатов мог затягиваться на месяцы, а то и на годы.

Кандидата могли исключить из числа избираемых, если было достаточно других кандидатур, или по состоянию здоровья. Показательным примером к этому может служить формирование состава 4-й Миссии (1744—1755). Во время поиска студента для миссионерской экспедиции Синод издал распоряжение от 7 июля 1742 г., в котором архимандриту Кириллу (Флоринскому) было поручено «избрать из обретавшихся в Славяно-греко-латинской академии студентов одного человека из охотников, молодых лет, а при неимении желавших – кого заблагорассудится»¹⁷⁷. Также в протоколе от 29 октября предписывалось 2-х насельников Киево-Софийского монастыря, иеродиакона Иллариона (Завалевича) и иеродиакона Феодосия Сморжевского, «выслать... самом скором времени, без всякого ко удержанию их

¹⁷⁴ Там же. С. 203.

¹⁷⁵ *Августин (Никитин), архим.* Россия и Китай: становление и развитие отношений (Пекинская Духовная миссия в XVIII столетии) // Миссионерское обозрение. 2001. №6. С. 7.

¹⁷⁶ Цит. по: *Кюнер Н. В.* Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. II. Вып. 3. Сношения с Россией. Приложение: "История Пекинской Духовной миссии". Владивосток, 1910. С. 68–69.

¹⁷⁷ Цит. по: *Николай (Адоратский), иером.* Вып. II. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Казань, 1887. С. 170.

отрицания»¹⁷⁸. Последнему очень не хотелось ехать в Китай, в своем прошении он умолял Синод освободить от такой обязанности, однако прошение не было удовлетворено.

При формировании 7-й Миссии мнение кандидатов все же учитывалось. В этот раз Святейший Синод поручил найти достойных кандидатов в начальники РДМК архиепископу Платону (Левшину). Тот представил Синоду следующих лиц: ректора Крутицкой семинарии Митрофана, преподавателей Московской духовной академии игумена Иосифа и иеромонаха Афанасия. Однако все эти лица отказались ехать в Китай.

Тогда Синод избрал игумена Кизического монастыря Казанской епархии Ювеналия. Однако митрополит Казанский Вениамин был вынужден доложить, что отец «при всей своей честности, исправности и своем усердии человек слабого здоровья, и в излишества ему входить нельзя»¹⁷⁹. В результате вместо отца Ювеналия был выбран иеромонах Иоаким (Шишковский).

Очевидно, что все избираемые кандидаты в состав РДМК должны были иметь и добрую репутацию, «жития и воздержания (также) честного и трезвого»¹⁸⁰, – что на практике в Пекине проявлялось далеко не всегда.

Время пребывания в Духовных Миссиях в Пекине в среднем составляло 11 лет (не считая затраченного времени по пути в Пекин и обратно): 1-я Миссия находилась там 13 лет, 2-я – 6 лет, 3-я – 7 лет, 4-я – 11 лет, 5-я – 16 лет, 6-я – 10 лет, 7-я – 13 лет, 8-я – 13 лет, 9-я – 14 лет. Причем до окончания сроков пребывания в Китае оставались живыми и в добром здравии далеко не все, за период работы 9-и Миссий умерло 35 человек (4 начальника Миссий, 13 священнослужителей, 6 причетников и 12 учеников)¹⁸¹.

¹⁷⁸ Там же. С. 171.

¹⁷⁹ Там же. С. 282.

¹⁸⁰ Цит. по: Там же. 280.

¹⁸¹ Скачков П. Е. Очерки истории... С. 310–312.

После возвращения очередной Миссии ее сотрудников (если они доживали) могли наградить или предать суду за нерадение и непотребное поведение.

Так, сотрудников 4-й Миссии еще до возвращения в Россию Святейший Синод распорядился наградить¹⁸². За добрую службу архимандрита Гервасия (Ленцовского) рукоположили в епископа Переяславского и Бориспольского, викария Киевской митрополии¹⁸³. Архимандрит Николай (Цвет) был назначен настоятелем Кирилловского Свято-Троицкого монастыря, где и скончался два года спустя после приезда в Россию¹⁸⁴. Архимандрит Софроний (Грибовский) был награжден пенсией и определен в Московский Новоспасский монастырь чтобы поправить слабое здоровье, где и скончался 6 лет спустя после приезда в Россию¹⁸⁵.

Всех учеников, хорошо зарекомендовавших себя, Коллегия иностранных дел зачисляла в свой штат, и они становились переводчиками и/или преподавателями школ по изучению восточных языков. Например, И. К. Россохин стал руководителем школ китайского и маньчжурского языков при Академии наук и Коллегии иностранных дел в Санкт-Петербурге; А. Л. Леонтьев стал учителем в школе китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел; А. С. Агафонов, Ф. И. Бакшеев и А. Н. Парышев были назначены переводчиками Коллегии иностранных дел при сибирском губернаторе, А. Г. Владыкин стал преподавателем китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел¹⁸⁶.

Таким образом, составы первых 9-и Миссий были немногочисленными, что во многом было обусловлено требованиями цинского правительства. В среднем миссионерская экспедиция состояла из 14

¹⁸² Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 198.

¹⁸³ Там же. С. 197.

¹⁸⁴ Августин (Никитин), архим. Россия и Китай... С. 83.

¹⁸⁵ Там же. С. 95.

¹⁸⁶ См. Дацьишен В. Г. Русские китаеведы XVIII – начала XX вв... С. 532–544.

человек. В ее формировании участвовали Святейший Синод и отчасти Коллегия иностранных дел.

Согласно Кяхтинскому договору штат Миссии должен был состоять из 4-х русских «лам» и 6 учеников. Впрочем, эти ограничения российской стороной соблюдались не всегда и не в полной мере. Состав РДМК обычно насчитывал 3-5 священнослужителей, 2-8 причетников и около 4-х студентов. В некоторые составы Миссий Коллегия иностранных дел включала своих студентов, а также приставов для сопровождения миссионерских экспедиций при торговых караванах и дипломатических поручений.

Очевидно, каких-либо формальных требований при поиске и отборе кандидатов в миссионерский штат священнослужителей и студентов, не было. При этом можно утверждать, что выбранные кандидаты из духовенства имели монашеский постриг. Среди них назначенных начальников Миссий возводили в сан архимандрита (если те этого сана не имели). Студентов выбирали из учебных духовных заведений.

Знание и способность к изучению языков были желательными критериями при отборе кандидатов в духовенство и ученики РДМК.

Синод при назначении в состав Миссии не всегда учитывал желание самого кандидата. Его могли исключить из числа избираемых, если было достаточно других кандидатур, или по состоянию здоровья.

Каждая Миссия находилась в Пекине в среднем 11 лет, при этом далеко не все сотрудники доживали до окончания сроков пребывания в Китае: за период 9-и Миссий умерло 35 человек.

По усмотрению Синода членов Миссий могли наградить или же предать церковному суду за нерадение и бесчинство, иногда для суда сотрудников вызывали из Пекина досрочно. В свою очередь, Коллегия иностранных дел включала в свой штат хорошо зарекомендовавших себя студентов, и они становились переводчиками и/или преподавателями в школах по изучению восточных языков.

Кадровый состав с 10-й по 18-й Миссии (до 1917 г.)

С 10-й Миссии поменялась кадровая политика по отношению к РДМК. Теперь Святейший Синод стал назначать в начальники миссионерской экспедиции опытных сотрудников предыдущих Миссий. Те в свою очередь принимали непосредственное участие в формировании и подготовке состава. Например, по требованию архимандрита Петра (Каменского) все кандидаты выбирались из сотрудников или студентов учебных заведений Петербурга, имеющих «свидетельства о нравственности и способностях»¹⁸⁷; в свою очередь архимандрит Поликарп (Тугаринов) набирал в сотрудники РДМК тех, кого лично знал по учебе в Санкт-Петербургской духовной академии¹⁸⁸.

При этом Министерство Иностранных дел в 1830 г. предписало начальникам РДМК следить над тем, «чтобы во время пребывания в Пекине прежних членов с новыми, первые сообщили сим опыты своих занятий в китайском и маньчжурском языках, преподав им словесные и письменные наставления к успешнейшему оных изучению и вообще к прохождению их обязанностей с желаемой пользой»¹⁸⁹. В дальнейшем такая практика будет закреплена в последующих ротациях состава.

С 11-й Миссии все новые сотрудники получали предварительную подготовку в языковых школах при Азиатском департаменте или Департаменте духовных дел. Преподавателями в департаментах зачастую являлись бывшие студенты и начальники Миссий: М. Сипаков, С. В. Липовцев, Иакинф (Бичурин)¹⁹⁰, архимандрит Гурий (Карпов), архимандрит Палладий (Кафаров)¹⁹¹ и т.д.

¹⁸⁷ Дацышен В. Г. Христианство в Китае... С. 174.

¹⁸⁸ Доронин Б.Г. История империи Цин в трудах членов Российской духовной миссии (XVIII – середина XIX в.) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 99–105.

¹⁸⁹ Можаровский А. Петр Каменский, архимандрит, начальник десятой Российско-императорской миссии в Пекине // Русская старина, 1896. Т. 85, январь–март. С. 592, примеч. 1.

¹⁹⁰ Инструкция Архимандриту Петру, Начальнику 10-й Пекинской Миссии // Китайский Благовестник. Пекин. 1915. Вып. 13–14. С. 21–22.

¹⁹¹ Попов П. С. Предисловие. // Китайско-русский словарь. Пекин, 1888. Т. I. С. 2.

В среднем время пребывания миссионерских экспедиций в Пекине до учреждения российского консульства составляло 8 лет: 10-я Миссия – 9 лет, 11-я Миссия – 10 лет, 12-я Миссия – 9 лет, 13-я Миссия – 8 лет, 14-я Миссия – 6 лет. Что оказалось существенно меньше, чем в первых 9-и Миссиях.

Количество сотрудников основного состава оставалось прежним: от 3 до 5 священнослужителей и около 4-х студентов. При этом приставы от МИДа были во всех Миссиях до 1863 г.

С 10-й Миссии впервые стали прикомандировывать по одному врачу, а с 11-й – иногда и по одному художнику, что повышало авторитет РДМК среди местного населения. Так, к доктору О. П. Войцеховскому (сотруднику 10-й Миссии) обращались не только крупные чиновники и богачи, но и бедняки, составлявшие основную массу его пациентов¹⁹². А профессионализм врача П. Е. Кириллова (сотрудника 11-й Миссии) оценивался так высоко, что даже медик цинского двора, управляющий врачебным приказом, предпочел доверить лечение своей матери русскому врачу, а не придворным лекарям¹⁹³.

При этом очевидно, что медицинская помощь русского врача существенным образом снизила смертность и среди ее состава. За время существования РДМК с 10-й по 18-й Миссии умерло только 6 человек (в первых 9 Миссий – 35).

Определенным влиянием пользовались и художники. Первым профессиональным художником, оказавшимся в Пекине, стал живописец А. М. Легашев (в составе 11-ой Миссии). Китайцы настолько заинтересовались европейским живописным искусством, что российский художник был буквально завален заказами на портреты и картины, которые он писал в подарок китайцам, в том числе чиновникам по их «неотступным просьбам».

¹⁹² Скачков П.Е. Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине // Советское китаеведение, 1958, №4, С. 140.

¹⁹³ Там же. С. 146.

Вне всякого сомнения, популярность русского художника в Китае была действительно велика¹⁹⁴.

Согласно принятой инструкции от 1819 г., троих студентов в состав Миссии назначал Священный Синод, а четвертого – министр духовных дел и народного просвещения. Врач и подготовленные студенты при отправлении в Пекин принимались на государственную службу. Старания сотрудников РДМК (если они себя положительно зарекомендовали) после возвращения в Россию поощрялись пенсией, начальнику Миссии гарантировался епископский сан, иеромонахам – наперстный крест и сан архимандрита, а ученики поступали на службу в МИД в качестве переводчиков¹⁹⁵.

В результате предпринятых новых мер РДМК стала школой для выдающихся ученых синологов, дипломатов и церковных деятелей.

Одним из самых показательных примеров к этому может служить 12-я Миссия. Ее участник студент И. А. Гошкевич в дальнейшем стал первым русским консулом в Японии¹⁹⁶; студент В. П. Васильев занял пост декана Восточного факультета при Санкт-Петербургском университете¹⁹⁷; студент И. И. Захаров стал доктором маньчжурской словесности, ординарным профессором Санкт-Петербургского университета¹⁹⁸. Иеродиакон 12-й Миссии, Палладий (Кафаров) стал одним из основоположников российской академической синологии, а также был единственным, кто возглавил РДМК дважды: в 13-й и 15-й Миссиях¹⁹⁹.

¹⁹⁴ *Нестерова Е. В.* Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства. // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб, 1993. С. 129.

¹⁹⁵ Инструкция Архимандриту Петру, Начальнику 10-й Пекинской Миссии // Китайский благовестник. Пекин. 1915. Вып. 13–14. С. 21–22.

¹⁹⁶ См. *Файнберг Э. Я.* И. А. Гошкевич – первый русский консул в Японии (1858—1865 гг.) // Историко-филологическое исследование. Сб. ст. к 70-летию Н. И. Конрада. М., 1967. С. 505–508.

¹⁹⁷ См. Волкова М. П. В. П. Васильев как один из первых исследователей маньчжурской литературы // 22-я НКОГК. Ч. 3. М., 1991. С. 69–88.

¹⁹⁸ См. Васильев В. П. Воспоминание об И. И. Захарове // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1885. Ч. 242. С. 94–110.

¹⁹⁹ См. Доронин Б. Г. История империи Цин в трудах членов Российской духовной миссии (XVIII – середина XIX в.) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 99–105.

Начальник 12-й Миссии, архимандрит Поликарп (Тугаринов), был награжден орденом святой Анны 3-й степени, орденом святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени. Также ему была присвоена пожизненная пенсия в 1,5 тысячи рублей. Синод предлагал ему должность викарного епископа, однако архим. Поликарп отказался, сославшись на расстроенное здоровье. Ему было разрешено поселиться в Югской Дорофеевой пустыни Ярославской губернии, обосновавшись в которой, он был избран ее настоятелем в 1863 г.²⁰⁰

Существенные преобразования в кадровой политике произошли после заключения Тяньцзинского трактата в 1858 г. Наряду с важными изменениями, касающимися отношения цинского правительства к деятельности религиозных Миссий, были отменены какие-либо ограничения в сроках ротаций и количества сотрудников состава РДМК²⁰¹. В результате Святейший Синод в 1864 г. отменил лимитированный срок (6 лет) пребывания сотрудников в Духовной Миссии²⁰².

Новый этап в кадровой политике наступит с 18-й Миссии в самом начале XX в. После подавления восстания Ихэтуань цинское правительство фактически лишилось суверенитета. Что в свою очередь позволило Святейшему Синоду перейти к более решительным мерам в Китае, не опасаясь репрессивных последствий от богдыхана и его императорского двора.

После возведения в Санкт-Петербурге отца Иннокентия (Фигуровского) в епископский сан (1902 г.) он вернется в Китай со значительным пополнением, состоящим из 34-х сотрудников Миссии (5 иеромонахов, 1 священник, 1 иеродиакон, 1 диакон, 11 послушников, 2 техника и 2 художника и еще 11 мастеровых) и также 40-а человек обслуживающего персонала²⁰³.

²⁰⁰ Строев П. М. Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 78.

²⁰¹ Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С.33.

²⁰² Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение и современная деятельность... С. 376.

²⁰³ Дело о возведении начальника Пекинской Духовной миссии в сан епископа (1902 г.) // РГИА Ф. 565. Оп. 7. Д. 29225. Л. 16.

Известно, что к началу 1914 г. в основной состав Миссии (не считая обслуживающего персонала и наемных работников) входили: 1 епископ, 2 архимандрита, 1 игумен, 2 иеромонаха, 5 священников, 8 иеродиаконов, 1 диакон, 6 монахов, 7 послушников и 3 псаломщика.

Из них православные китайцы: 3 священника, иеродиакон, диакон, 2 монаха, 2 послушника.

Кроме того, в Миссии работали 32 китайца и 1 албазинец, 24 из них в качестве учителей и катехизаторов и 9 - служащих²⁰⁴.

Таким образом, основной состав Миссии на начало 1914 г. состоял из 69 человек.

20 священнослужителей совершали богослужения и молебны в 19-и храмах и 3-х часовнях.

20 монахов и 7 послушников были насельниками мужского и женского монастырей, а также 1-го скита в горах Сишань.

Несколько десятков учителей и катехизаторов (включая миссийских священнослужителей) работало в 32-х миссионерских станах, Пекинской семинарии, 17-и мужских и 3-х женских школах²⁰⁵.

В свете изложенного, в можно подвести соответствующие итоги. Во второй период деятельности РДМК происходили существенные кадровые изменения.

С 10-й Миссии Святейший Синод стал назначать начальников из опытных сотрудников предыдущих миссионерских экспедиций. Выбранные начальники Миссий принимали непосредственное участие в поиске и подготовке своего состава миссионерской экспедиции. В языковой подготовке нового состава, передаче опыта и знаний также принимали участие опытные синологи из предыдущих Миссий, которые преподавали в языковых школах при Азиатском департаменте или Департаменте духовных дел.

²⁰⁴ Пекинская Духовная Миссия в 1902–1913 годах // Китайский благовестник. 1914. Вып. 1–2. С. 13–14.

²⁰⁵ Ковалева Е. В. Иннокентий (Фигуровский)... С. 31.

В новой инструкции от 1819 г. был изменен кадровый состав Миссий: одного из 4-х студентов теперь назначал министр духовных дел и народного просвещения, были введены в штат пристав и врач. С 11-й Миссии иногда прикомандировывали и художника.

Также инструкция отдельно прописывала разного рода поощрения после возвращения в Россию. Средний срок пребывания миссионерских экспедиций в Пекине стал значительно меньше – 8 лет.

В целом, кадровые изменения оказали положительное влияние на деятельность РДМК, которая стала настоящей школой для будущих дипломатов, выдающихся синологов и церковных деятелей, а светские сотрудники Миссии, врачи и художники, значительно повысили ее авторитет и влияние в Пекине. К тому же врачебная помощь миссийского доктора еще и способствовала значительному сокращению смертности среди ее сотрудников.

До учреждения российского консульства в Пекине основной состав Миссий оставался прежним: священнослужителей было около 3-5, а студентов – около 4-х.

Существенные изменения в кадровой политике также произошли после подписания Тяньцзиньского трактата (1858 г.) и вывода РДМК из двойного подчинения (1863 г.). Штат Миссии был сокращен из-за вывода из него всех светских сотрудников и студентов. При этом были введены новые члены: священник и катехизатор, которыми могли быть православные китайцы, что отражало постепенную переориентацию деятельности РДМК на миссионерское служение при содействии местного православного населения.

3.3. Материальное положение Русской духовной Миссии в Китае

Основными источниками финансирования и снабжения РДМК являлись палата Лифаньюань (до 1858 г.) и российское правительство.

1-я миссионерская экспедиция была встречена в Пекине с большой любезностью и вниманием богдыхана и его императорского двора.

Сотрудников Миссии поселили в казенные квартиры около Никольской церкви албазинской общины. От Лифаньюань им было выдано единовременное пособие на обустройство в столице и ежемесячный оклад, которые ниже будут представлены для удобства в российской валюте (по курсу на то время – 1 рубль серебра к 1,8 серебряным лянам) и округлены до целых чисел.

Единовременное пособие Миссии составило: 1) архимандриту – 2000 руб., 2) иеромонаху с иеродиаконом – по 1500 руб., 3) остальным (причетникам и студентам) – по 750 руб.

Ежемесячное жалование составило: священнослужителям по 8 руб., студентам по 6 руб., причетникам по 3 руб., а также всем полагалось по 3 меры риса (около 32 кг.).

Получается, что годовое жалование составляло: 1) для священнослужителей – 96 руб., 2) для студентов – 70 руб., 3) для причетников – 36 руб., и 36 мер риса (384 кг.) каждому.

Через каждые 3 года членам Миссии полагались денежные суммы на покупку платья: архимандриту 70 руб., иеромонаху и иеродиакону по 54 руб., остальным – по 36 руб. На погребение духовных лиц выдавалось по 27 руб., а церковников – по 18 рублей²⁰⁶.

В дальнейшем жалование от цинского правительства практически не увеличилось на протяжении многих десятилетий. Известно, что в период 10-й Миссии священнослужители получали по 122 руб. в год, студенты – 74 руб., а причетники – 38 руб.²⁰⁷

Содержание РДМК цинским правительством было закреплено в 5-м пункте Кяхтинского договора (1727 г.). В документе также говорилось, что сотрудникам Духовной Миссии для постоянного проживания предоставляется авари²⁰⁸.

²⁰⁶ *Софроний (Грибовский), архим.* Известие о китайском, ныне маньчжуро–китайском государстве. М., 1861. С.83.

²⁰⁷ *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай чрез Монголию... С. 8–9.

²⁰⁸ Кяхтинский трактат... С. 19–20.

Позже на средства цинского правительства в Южном подворье был возведен Сретенский храм, освященный в декабре 1736 г. Правда, это был единственный случай за историю РДМК, когда правительство Китая принимало непосредственное участие в русском храмостроительстве. В дальнейшем Духовной Миссии приходилось самой искать средства на постройку и ремонт молитвенных зданий.

Судя по активной поддержке цинским правительством в обустройстве РДМК (единовременное пособие, размещение в Южном подворье и строительство храма), оно было заинтересовано в ее присутствии при императорском дворе. При этом на деле польза, получаемая от русских миссионеров, ценилась невысоко. Несмотря на то, что жалование выдавались регулярно, суммы были весьма незначительны, особенно для проживания в Пекине, где, как и в любой столице, стоимость жизни была дороже, чем в провинции²⁰⁹.

Если у сотрудников РДМК возникали какие-либо финансовые затруднения, то чиновники Лифаньюань болезненно реагировали на соответствующие просьбы. Например, студенты 2-й Миссии попросили займы 50 лян серебра (около 90 руб.), но им было отказано с выговором за их дерзость²¹⁰. В палате Лифаньюань были недовольны и обращением начальника 6-й Миссии отца Николая, который просил помочь разобраться с крестьянами, задолжавшими арендную плату пашенной земли. Чиновники расценили это как неслыханную наглость «русского ламы». И только твердое намерение начальника Миссии обратиться за помощью к российскому правительству и императрице заставило служащих китайской палаты удовлетворить его просьбу²¹¹.

²⁰⁹ Николай (Адоратский), иером. История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745). // История Российской духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 130.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Николай (Адоратский), иером. Вып. I. История Пекинской Духовной Миссии... С. 135.

При этом официально цинское правительство всегда заявляло, что сотрудники РДМК ни в чем не нуждаются, «в Пекине члены Миссии и школьники кормом и прочим удовлетворены»²¹².

В 1858 г., согласно Тяньцзинскому договору, цинское правительство полностью освобождалось от обязанностей по содержанию РДМК, при этом формально предоставив ей полную свободу в миссионерской деятельности²¹³.

Со стороны России решения о размерах финансирования РДМК принимались коллегиально. Предварительную смету, как правило, определял Святейший Синод, затем она подавалась на рассмотрение российскому правительству (Сенату, Государственному совету и т.д.). В согласовании сметы участвовала и Коллегия (Министерство) иностранных дел, после чего его Императорскому Величеству подавалась на утверждение или корректировку назначенная сумма средств на содержание РДМК.

Жалование служащим и прочие расходы для новой миссионерской экспедиции выделялись через подведомственные учреждения (например, Коллегию экономии, Ведомство казенных палат или Сибирский приказ) в среднем на 3-4 года вперед в зависимости от текущих отношений с Китаем.

После истечения срока, на который выдавалось жалование, от канцелярии Иркутской губернии выделялась следующая сумма на 1-3 года директору сибирского каравана, который был обязан ее доставить начальнику Миссии в Пекине.

На протяжении первых 9-и Миссий жалование было практически одним и тем же. В среднем оно составляло 1600-1800 руб. серебром (в зависимости от количества участников Миссии) в год: 1) у архимандрита оно составляло 600 руб. в год, 2) иеромонахов – по 300 руб., 3) иеродиаконков – по 200-250 руб., 4) учеников – по 130-200 руб., 5) причетников – по 60-150 руб.

²¹² Николай (Адоратский), иером. История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) ... С. 130.

²¹³ Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 25–33.

По замечанию иеромонаха Николая (Адоратского), эти оклады были также недостаточны с учетом дороговизны жизни в Пекине²¹⁴. Практически все начальники первых Миссий просили об увеличении жалования, на что им отказывали, считая их просьбы необоснованными. При этом жалование из России порой доставлялось нерегулярно и с большими перерывами из-за периодических распрей Русского государства с Китаем. В таких случаях сотрудникам РДМК приходилось жить только на скромное содержание от палаты Лифаньюань, или в крайнем случае брать в долг под залог имущества Миссии.

Также для совершения богослужений РДМК получала ежегодно по 50 руб., которые обычно шли на покупку воска, ладана, вина, просфор и т.д. По мере необходимости Синод снабжал новые миссионерские экспедиции богослужебным одеянием, церковной утварью и книгами. Если во время ревизии имущества РДМК новый начальник Миссии выявлял недостачу, то она взыскивалась из жалования бывшего начальника после предоставления соответствующего отчета Святейшему Синоду.

Известно, что 3-я миссионерская экспедиция получила перед отправкой в Пекин средства на обустройство РДМК: на постройку (или покупку) дополнительных 3-х дворов для архимандрита и прочих священнослужителей (2 тысячи руб.), на благоустройство нового Сретенского храма (1 тысяча руб.), и некоторую сумму для старой албазинской Никольской церкви²¹⁵.

Очевидно, выделяемых денег (более 3-х тысяч рублей) было вполне достаточно (как это будет убедительно доказано в ходе хозяйственной деятельности 5-й Миссии). Однако архимандрит Илларион (Трусов) благоустройством русского подворья не занимался. Обвинения в его адрес в казнокрадстве и разгульном пьянстве²¹⁶ имели веские основания, судя по

²¹⁴ Николай (Адоратский), иером. История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) ... С. 130.

²¹⁵ Там же. С. 147.

²¹⁶ Хохлов А. Н. Антоний (Платковский), архимандрит... С. 637.

ревизии и донесениям Синоду начальника 4-й Миссии архимандрита Гервасия (Ленцовского).

Новые здания Посольского двора, отстроенные в 1735 г., в скором времени потребовали ремонта более чем на 400 руб. В своей работе по истории РДМК иеромонах Николай (Адоратский) отметил, что китайцы их возводили на скорую руку и в дальнейшем чинили также наскоро незадолго до прибытия русского каравана²¹⁷.

По расходно-приходным книгам Духовная Миссия получала небольшое количество дохода (около 405 руб. в год) от сдаваемых в аренду 5-и пашенных земель, 4-х купленных дворов, а также от продажи ладана и свечей.

Упомянутые земли перешли в ведение Миссии вместе с албазинской церковью. В урожайный год они приносили около 210 руб. серебром. Правда, как замечает иеромонах Николай (Адоратский), это было не всегда, так как неурожай могли длиться год или два, поэтому доход от земель временами снижался, или его не было вовсе²¹⁸.

4 двора, купленных разными архимандритами (вероятно, изначально предназначенных для проживания сотрудников РДМК), приносили доход в 163 руб. в год, который употреблялся на починку строений Миссии²¹⁹.

Также архимандрит Амвросий (Юматов) получил от предыдущей Духовной Миссии остаток неизрасходованных средств – около 2850 руб.²²⁰, который очевидно образовался от оставшегося жалования умерших членов 4-й Миссии (из 10 ее членов умерло 4).

Эти средства архим. Амвросий употребил на устройство монастыря. Так, он построил у Сретенской церкви небольшую каменную колокольню с боевыми часами и 8 колоколами, архимандричьи покои, 7 новых каменных покоев, хлебопекарню, 2 поварни, баню, конюшню, большой каменный сарай.

²¹⁷ Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 183.

²¹⁸ Там же. С. 214.

²¹⁹ Там же. С. 214–216.

²²⁰ Там же. С. 207.

В обители был разведен виноградный сад, за колокольней выкопан глубокий колодец, отреставрирована Никольская церковь и обновлена церковная ризница²²¹.

В конце 8-й Миссии содержание РДМК было немного улучшено. В результате мер, предложенных А. Г. Владыкиным (бывшим учеником 2-й Миссии и переводчиком при Коллегии иностранных дел), Святейший Синод решил ежегодно выделять по 150 руб. на подарки учителям, преподававшим китайский и маньчжурский языки студентам Миссии. До этого, по сообщению архимандрита Софония (Грибовского), педагоги приезжали в русское подворье нечасто и учили без особой охоты, так как от Лифаньюань за преподавание в Миссии они не получали никакого жалования²²².

Также было решено выдавать до 300 руб. в год на праздничные угощения в миссийских приходах православным китайцам и албазинцам и на подарки крещаемым. Кроме того, на ремонт храмов выделили единовременную сумму 600 руб., а начальнику РДМК было предписано впредь чинить храмы на сумму с аренды домов и пашен Миссии²²³.

При этом предложение архимандрита Софония о прибавке жалования и устройстве приходской школы не были удовлетворены²²⁴.

Положение РДМК в период 9-й Миссии снова ухудшилось. Ее связь с российскими учреждениями в 1812 году была прервана из-за тяжелой Отечественной войны. По замечанию П. В. Денисова, о существовании Миссии в Петербурге «вспомнили» только после Венского конгресса (1814-1815 гг.)²²⁵.

В течение 3-х лет архимандриту Иакинфу (Бичурину) пришлось распродавать церковное имущество и брать в долг под залог недвижимости. Вместо изношенных монашеских облачений сотрудники РДМК оделись в

²²¹ Там же. С. 211–214.

²²² Там же. С. 328.

²²³ Там же. С. 336–337.

²²⁴ Там же. С. 328 и 330.

²²⁵ Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине... С. 61.

китайские платья. Храмы Миссии снова находились в аварийном состоянии, поэтому в них было невозможно совершать службу. Ветхую колокольню пришлось разобрать из-за опасения ее внезапного обрушения²²⁶.

За распродажу имущества Миссии без согласования с Синодом архимандрит Иакинф был лишен сана по церковному суду и в дальнейшем отправлен в ссылку на Валаам²²⁷.

С 10-й Миссии начинается поэтапное улучшение материального положения РДМК. В 1819 г. император Александр I утвердил новую смету, согласно которой содержание Миссии увеличилось в 10 раз.

Жалование сотрудников было увеличено более чем в два раза: 1) архимандриту полагалось 2 тысячи руб., и еще 1 тысяча руб. на содержание прислуги и двух карет; 2) двум иеромонахам – по 650 руб., 3) иеродьякону – 500 руб., 4) студентам и причетникам – 500 руб., 5) также жалование для новой штатной единицы, лекаря, составляло 700 руб.

Помимо этого, Миссии отпускалось ежегодно: 6) 5 тысяч руб. на общую трапезу, освещение, отопление и прислугу, 7) на церковные потребности – 250 руб., 8) на ремонт зданий Миссии – 500 руб., 9) на покупку книг – 500 руб.

Также отдельные статьи предполагали расходы на образование: 10) на содержание частных учителей – 500 руб., 11) на подарки учителям от Лифаньюань – 500 руб., 12) на учреждение и содержание школы для албазинских мальчиков – 1 тысяча руб.

В итоге Миссия получила ежегодное содержание на общую сумму 16250 руб.²²⁸.

Таким образом, РДМК стала получать (хоть и с периодическими задержками из-за нестабильных русско-китайских отношений) неплохое содержание от российского правительства. Щедрое выплаты позволяли работникам РДМК больше времени и сил уделять выполнению своих задач, в

²²⁶ Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 62.

²²⁷ Мясников В. С. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 1. С. 120–121.

²²⁸ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай чрез Монголию... С. 7–8.

²²⁸ Кяхтинский трактат... С. 19–20.

том числе в области науки и преподавания в учрежденной в этот период албазинской школе.

С 1859 г. в содержании Миссии стали участвовать частные жертвователи. В этом году была создана 1-я миссийская школа для девочек на средства фонда меценатов от Азиатского департамента. Этот фонд был основан супругой российского консула в Пекине – А. А. Баллюзек²²⁹. Два года спустя императорская чата (Александр II Николаевич и Мария Алексеевна) пожаловали на нужды школы для девочек 2 тысячи руб. А с 1866 г. Синод стал выделять пособия женскому училищу размере 2-х тысяч руб. в год²³⁰.

После выведения РДМК из подчинения Министерства иностранных дел (в 1863 г.) ее финансирование стало осуществляться только по Духовному ведомству. При этом выплаты сократились вдвое – так, новая 15-я Миссия получила ежегодное содержание 8875 руб. (хотя у предыдущей оно составляло около 17500 рублей ежегодно)²³¹. Впрочем, это никак не сказалось на материальном достатке РДМК, поскольку сокращение было связано с упразднением светских сотрудников: врача, художника, пристава и студентов.

Также РДМК теряла Южное подворье (Наньгуань), которое перешло к Российской дипломатической миссии. За Духовной Миссией оставалось лишь Северное подворье (Бэйгуань). При этом в ведении начальника РДМК оставались все земли и дома, доход от которых шел на нужды Духовной Миссии.

Новый этап в истории материального положения РДМК начался после подавления восстания Ихэтуань. Несмотря на то, что практически все наследие Миссии было уничтожено мятежниками, владыке Иннокентию (Фигуровскому) удалось в короткий срок не только ее восстановить, но и значительно расширить. Это происходило во многом благодаря

²²⁹ О женском училище для албазинских детей при Духовной Миссии в Пекине (1861 – 1865 гг.) // АВПРИ МИД Ф. 143. Оп. 491. Д. 153. Л. 4, Об.

²³⁰ Там же. Л. 43, Об.

²³¹ Дело об отпуске по 15600 руб. в год на содержание Российской духовной миссии в Пекине (1894–1895 гг.) // РГИА Ф. 565. Оп. 4. Д. 17290. Л. 26.

пожертвованиям из России, увеличенному содержанию от Синода, а также выделяемой от цинского правительства ежегодной контрибуции.

Получаемые от контрибуций средства Синод переводил на специальный счет Русского-Азиатского банка, а проценты с этого счета шли на дополнительное содержание РДМК. Известно, что в 1902 г. эти проценты составили 18 тысяч лянгов (около 36 тысяч руб.). При этом основное содержание Миссии от Синода отпускалось в размере 32400 руб. ежегодно²³².

Этих средств было более чем достаточно для полноценного функционирования Духовной Миссии в пределах Пекина. Однако владыка Иннокентий стремился развернуть масштабную миссионерскую деятельность по всей территории Китая, а также упрочить положение своей кафедры (что предполагало учреждение монашеского института, семинарии, епархиального издательства и т.д.). Для этого было необходимо иметь более прочное финансовое положение РДМК, которое менее зависело бы от частных пожертвований и фиксированной сметы, выделяемой по Духовному ведомству.

Одним из основных источников дохода РДМК стало учреждение в начале XX в. 5-и подворий в городе Дальний (Далянь), на станции Маньчжурия Китайско-Восточной железной дороги, в Харбине, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Наибольший доход приносили последние два.

Основание Санкт-Петербургского подворья для РДМК обошлось относительно недорого. В 1902 г. Духовной Миссии был подарен участок земли на Воронежской улице от вдовы ремесленника И. С. Беляевой²³³. С начала на средства РДМК там были построены деревянные часовня и храм. А затем на средства комитета петербургских меценатов там был возведен храм

²³² Дело о возведении начальника Пекинской Духовной миссии в сан епископа (1902 г.) // РГИА Ф.565. Оп.7. Д.29225. Л. 7.

²³³ Успех и препятствия // Китайский благовестник. Пекин, 1915. Вып. 5–6. С. 2.

Казанской Божией Матери. В среднем подворье приносило доход в 10 тысяч руб. в год²³⁴.

В свете изложенного можно подвести соответствующие итоги. До 1858 г. РДМК содержалась на средства как пекинского императорского двора, так и российского правительства. Хотя оба государства были заинтересованы в присутствии Духовной Миссии в Пекине, выделяемые ими средства на ее функционирование были невелики, а само финансирование направлено, главным образом, на удовлетворение богослужебных нужд албазинцев и обучение языкам русских студентов.

Обращения первых начальников Миссий об увеличении жалования рассматривались Синодом и российским правительством как необоснованные, поэтому размеры выплат сотрудникам РДМК до начала XIX в. существенно не менялись. Также и жалование от палаты Лифаньюань повышалось весьма незначительно, а все обращения сотрудников Миссии о помощи в финансовых затруднениях воспринимались болезненно, как своего рода завуалированный укор цинскому правительству в недостаточной заботе о сотрудниках РДМК.

Денежные средства от российского правительства задерживались (по различным причинам) на месяцы и даже годы, поэтому сотрудникам РДМК приходилось жить на весьма скромное жалование от палаты Лифаньюань, иногда залезая в долги.

Доходов РДМК от аренды небольшого количества пашенных земель и домов, а также прибыли с церковных лавок, было явно недостаточно, чтобы поддерживать строения Духовной Миссии в надлежащем состоянии. При этом Синод не всегда удовлетворял просьбы начальников РДМК о помощи в ремонте миссийских строений.

С другой стороны, денежные средства служили источником для незаконного обогащения некоторых сотрудников РДМК, или же не всегда грамотно расходовались ее начальниками.

²³⁴ См. О состоянии С.-Петербургского подворья Пекинской Духовной Миссии в 1907 году // Китайский благовестник. 1908. Вып. 20. 15 июня. С. 7.

В результате подобных тенденций строения РДМК в период первых 9- и Миссий находились в убогом состоянии, особенно главный миссийский храм – в честь Успения Божией Матери. Скромные средства от российского правительства и китайского императорского двора не могли являться источником для стимулирования активной деятельности РДМК.

Материальное положение РДМК стало меняться с 10-й Миссии. Император Александр I распорядился увеличить содержание Миссии в 10 раз, а жалование сотрудников было увеличено более чем вдвое. При этом появились отдельные статьи расходов на регулярную починку миссийских строений, содержание слуг, общую трапезу, обучение студентов, пополнение библиотеки, материальную помощь албазинцам и содержание миссийской школы. Это позволило сотрудникам РДМК уделять больше внимания и сил выполнению своих непосредственных обязанностей

В конце 50-х и начале 60-х годов XIX в. цинское правительство перестало содержать РДМК, а со стороны России она стала финансироваться только по Духовному ведомству. Также с этого времени в содержании и развитии РДМК начали участвовать русские меценаты (начиная с учреждения первой миссийской школы для девочек в 1859 г.).

Новый этап материального положения РДМК начался после восстания Ихэтуань. За счет увеличенного содержания от Синода, пожертвований из России, а также контрибуции от цинского правительства, РДМК удалось не только в короткие сроки восстановиться, но и начать активную миссионерскую деятельность в провинциях Китая.

Благодаря предприимчивой деятельности епископа Иннокентия (Фигуровского) финансовое положение РДМК и его епископской кафедры стало более стабильным за счет учреждения 5-и миссийских подворий и благотворительного «Братства православной церкви в Китае», а также предпринимательской и издательской деятельности. Таким образом, дополнительные источники доходов позволили планомерно развивать

миссионерскую деятельность как в Пекине, так и во многих провинциях Поднебесной.

ГЛАВА 4. НАУЧНАЯ БАЗА МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КИТАЕ

4.1. Лингвистические исследования сотрудников Русской духовной миссии в Китае

Согласно Кяхтинскому трактату и многочисленным инструкциям от Синода и Коллегии (Министерства) иностранных дел, одной из главных задач РДМК являлось изучение основных языков империи Цинь (китайского и маньчжурского), которая, по сути, являлась ключевым моментом в ее пастырской, миссионерской и научной деятельности.

При этом изучение языков имело не только сугубо практический характер, но и воплощалось у некоторых сотрудников РДМК в форме определенных лингвистических исследований, имеющих, как правило, научно-практический характер. Данные исследования, пожалуй, трудно переоценить, так как они способствовали формированию и развитию российских институтов синологии и изучению восточных языков, подготовке квалифицированного состава в Азиатском департаменте и самом РДМК.

Лингвистические исследования в период первых 9-и Миссий.

В период первых 9-и Миссий (1715–1820 гг.) обязанность изучения языков возлагалась, прежде всего, на учеников РДМК, которых Коллегия иностранных дел рассматривала как потенциальных сотрудников в своем Азиатском департаменте. Поэтому Коллегия в своих инструкциях отдельно предписывала начальникам Миссий следить за прилежанием учеников. В случае их непослушания и непотребного поведения предписывалось учеников «смирять... держанием на посольском дворе во особой палате», и в целом «о науках их и состоянии писать... в коллегия при всяких случающихся оказиях обстоятельно»²³⁵.

²³⁵ Цит. по: Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Казань, 1887. С. 173–176.

Хотя начальникам и остальному духовенству РДМК также предписывалось изучать местные языки, для них это предписание еще не имело столь категоричного характера, так как российское правительство не рассматривало в качестве приоритетных задач РДМК миссионерство и пастырское окормление албазинцев. Во всяком случае, из упомянутых ранее обвинений в церковных судах над миссийским духовенством ни разу не упоминалось обвинение в нерадении в изучении языков.

Очевидно, миссийские ученики для российского правительства представляли большой интерес, так как они по факту являлись ценными источниками информации о империи Цинь, своего рода связующим звеном в дипломатической переписке между Россией и Китаем, а также потенциальными ценными сотрудниками в Коллегии иностранных дел. В свою очередь начальники РДМК были, прежде всего, надзирателями в прилежании учеников, а также важными посредниками в сборе и передаче важной информации российской стороне.

Преподавателями учеников Духовной Миссии были учителя, посылаемые от палаты Лифаньюань и следовавшие классической системе школьного образования Срединной империи. Вначале ученики нараспев изучали по карточкам китайские иероглифы, народные пословицы и афоризмы. Затем они в тетрадях записывали китайские и маньчжурские тексты на разные темы, переводили и заучивали наизусть отрывки из классической китайской литературы («Четверокнижие», «Троесловие», «Сто фамилий» и др.)²³⁶.

Через освоение китайского и маньчжурского языков перед учениками РДМК открывались широкие возможности: знакомство с богатой литературой Китая и западных миссионеров, изучение разговорного языка через общение с жителями Пекина, а также получение практического навыка на должности

²³⁶ Пан Т. А. Изучение маньчжурского языка в Пекинской Духовной Миссии // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб, 1993. С. 120–121.

переводчика в палате Лифаньюань и преподавателя русского языка в школе Дворцовой канцелярии.

Своими многочисленными переводами сотрудники РДМК положили начало русской синологии, а их научно-прикладные пособия (грамматики и словари) были практически единственными работами по изучению китайского и маньчжурского языков.

При этом необходимо заметить, что последние работы в силу разных причин имели, к сожалению, мало практической пользы как для российского института восточных языков, так и для научных исследований РДМК. Как уже было упомянуто ранее, миссийские ученики тратили большую часть периода пребывания в Пекине на изучение языков и их практическое применение. Поэтому на лингвистические исследования, как своего рода отражение вершины знаний и опыта, у студентов практически не оставалось времени. В результате библиотека РДМК не обогащалась собственными лингвистическими изысканиями²³⁷.

Архимандриту Иакинфу (Бичурину) удалось составить несколько учебных пособий еще в годы пребывания в Пекине (о чем будет изложено в дальнейшем), однако его плодотворная работа в синологических исследованиях была совершена за счет явного пренебрежения своими прямыми обязанностями как начальника РДМК²³⁸.

Лингвистические труды сотрудники РДМК начинали составлять, как правило, уже после приезда в Россию. Они создавались для преподавания восточных языков и потому имели сугубо прикладной характер без научных исследований. При этом до первой трети (включительно) XIX века в России не существовало постоянно действующих школ по изучению восточных

²³⁷ В описании библиотеки РДМК, составленном в конце XIX века иеромонахом Алексеем (Виноградовым), нет ни одного лингвистического труда сотрудников первых 9-и Миссий, за исключением «Китайской грамматики» архимандрита Иакинфа (Бичурина). Которая в свою очередь была опубликована в Санкт-Петербурге только в 1835 г. // *Алексий (Виноградов), иером.* Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской Духовной и Дипломатической Миссии в г. Пекин или Бей-Цзине, (в Китае). СПб., 1889. С. 38.

²³⁸ *Мясников В. С.* Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина // *Проблемы Дальнего Востока.* 1986. № 1. С. 120–121.

языков при министерствах или учебных заведениях. Зачастую они открывались по инициативе бывших учеников РДМК и закрывались в случае отправки единственного преподавателя в очередное посольство или же внезапной смерти²³⁹.

После упразднения школ составленные учебные пособия в лучшем случае хранились в рукописном виде в одном из российских архивов, так и не став значительным вкладом в мировую синологию, а иногда и вовсе были утрачены (исключением из правил можно считать некоторые труды архимандрита Иакинфа, о которых будет изложено ниже)²⁴⁰.

Такая ситуация не позволяла полноценно развивать русскую лингвистику восточных языков, так как новые поколения востоковедов практически ничего не знали об исследованиях предыдущих. Примечательным доказательством этому может служить название грамматики О. П. Войцеховского, врача 10-й Миссии, – «Грамматические правила маньчжурского языка, доселе никем не изложенные»²⁴¹, при том, что подобные грамматики по маньчжурскому языку составлялись неоднократно учениками первых 9-и Миссий.

Теперь необходимо привести лингвистические исследования упомянутых сотрудников РДМК с общим анализом их научной ценности.

Прежде всего, стоит отметить труды И. К. Россохина, который стал одним из основоположников русской синологии и руководителем школы китайского и маньчжурского языков при Академии наук. Несмотря на объективные затруднения в изучении языков, пьянство и драки среди многих сотрудников 2-й Миссии, Иларион Калинович проявлял редкое на то время активное участие в деятельности РДМК.

²³⁹ См. Куликова А. М. Проекты востоковедного образования в России (XVIII — первая половина XIX вв.) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 133–139.

²⁴⁰ Попова И. Ф. Становление лексикографии китайского языка в России. // Страны и народы Востока. Коллекции, тексты и их «биографии» / Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. М., 2014. Вып. 35. С. 301.

²⁴¹ Пан Т. А. Изучение маньчжурского языка... С. 143.

По предложению палаты Лифаньюань И. К. Россохин стал основателем русской школы Дворцовой канцелярии, для которой вместе с маньчжурским учителем Фулохэ составил первую грамматику русского языка – «Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка» на основе «Граматики» Мелетия Смотрицкого. «Собрание изречений» составлялось 7 лет (1738-1745 гг.) и стало первым учебным пособием по изучению европейского языка для жителей Китая, будучи изложенным в 14-и тетрадях²⁴².

После возвращения в Россию И. К. Россохин в 1741 г. организовал упомянутую выше школу при Академии наук и создал для нее учебники: «Школьные простыя манджурского и китайского языков разговоры» и «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерерами для их подлинного произношения». Эти учебные пособия, в которых находится самая ранняя русская транскрипция китайских иероглифов и маньчжурских слов, сохранились в записях Якова Волкова, одного из учеников Россохина. Для преподавания маньчжурского языка И. К. Россохин использовал свой перевод грамматики Шоу Пина «Цин-вэнь кимэн» (Начальное обучение маньчжурскому языку), изданной в Пекине в 1730 г. Причем это был первый перевод маньчжурской грамматики на европейский язык, тогда как ее английский аналог сделан лишь в 1855 г.

Архимандрит Иакинф (Бичурин), несмотря на неоднозначную репутацию, стал основателем систематического научного китаеведения в России и академической филологии восточных языков в частности.

В период 14-летнего пребывания в Пекине он составил несколько словарей: 1) «Словарь китайско-латинский (фонетический), расположенный по русскому алфавиту»; 2) «Краткий китайско-русский фонетический словарь, расположенный по русскому алфавиту»; 3) «Маньчжуро-китайско-русский словарь терминов часового производства».

²⁴² Там же. С. 293.

Наряду с этими небольшими по объему работами отец Иакинф составил «Словарь китайско-русский, расположенный по русскому алфавиту» в 12-и томах, который им перерабатывался и дополнялся в течение всей жизни.

К сожалению, упомянутые рукописные работы не были подготовлены к печати, так как архимандрит Иакинф их создавал преимущественно для своего пользования²⁴³.

В дальнейшем отец Иакинф основал школу китайского языка в приграничном городе Кяхта в 1835 г. (просуществовала до 1862 г.), для которой составил первую в России «Китайскую грамматику». Это учебное пособие было напечатано в Санкт-Петербурге и стало широко использоваться как на восточных факультетах Казанского (существовал с 1835 по 1855 гг.) и Петербургского (просуществовал с 1855 по 1819 гг.) университетов, так и в РДМК.

При составлении «Китайской грамматики» был использован большой аналитический материал, суммирующий весь предшествующий опыт изучения китайского языка ведущими европейскими востоковедами (использовались плоды трудов Франсиско Варо, Готлиба Байера, Этьена Фурмона, Жозефа Премара и др.). Таким образом, «Грамматика» отца Иакинфа стала самым полным описанием классического китайского языка начала XIX в.

В 1847 г. отец Иакинф опубликовал через Русское географическое общество статью «О правильном произношении китайских звуков», в котором излагалась система передачи китайских звуков кириллицей. Хотя данная система получила широкое распространение, она вызывала критику со стороны современных ей синологов, которые полагали, что она основывалась не на классическом (пекинском) произношении, а на южном²⁴⁴.

²⁴³ Николай (Адоратский), иером. Отец Иакинф (Бичурин) // Православный собеседник. Казань. 1866. Ч.2. С. 68–70.

²⁴⁴ Там же. С. 70–73.

Таким образом, за период первых 9-и Миссий некоторые сотрудники РДМК (как правило ученики) стали основоположниками русской синологии и института русской лингвистики восточных языков (китайского и маньчжурского) в частности. Они были первыми, кто разрабатывал научно-прикладные пособия, как правило, для собственных школ.

Однако научный потенциал РДМК в XVIII – первой четверти XIX вв. был весьма ограничен в силу ряда причин. Во-первых, многочисленные предписания РДМК, касающиеся изучения языков, с точки зрения российского правительства должны были преследовать прежде всего дипломатические (подготовка опытных переводчиков и информаторов о текущем состоянии Китая в лице учеников) и в определенной степени пастырские задачи. Поэтому задача проведения научных изысканий стояла далеко не на первом месте.

Во-вторых, из-за комплекса недостатков в кадровой политике Синода и материальном финансировании РДМК изучение и тем более лингвистические исследования китайского и маньчжурского языков были весьма затруднены.

В-третьих, из-за отсутствия постоянно действующих школ восточных языков в XVIII – первой трети XIX столетий научно-прикладные работы бывших учеников РДМК оставались невостребованными, и поэтому не могли внести вклад в развитие как мировой синологии, так и русского востоковедения. В своем роде исключением из правил являются некоторые напечатанные труды архимандрита Иакинфа (Бичурина), так как они издавались в более поздний период, когда синология стала предметом приоритетнее для российской науки.

Лингвистические исследования в период с 10-й по 18-й Миссий

Период с 10-й по 15-й Миссию в истории РДМК можно назвать расцветом востоковедения, который был обусловлен упомянутыми ранее факторами: новой кадровой синодальной политикой и существенным

улучшением материального положения Духовных Миссий. Относительно положительных моментов в лингвистических исследованиях необходимо еще раз отметить следующее: 1) в новой инструкции 1819 г. детально прописывалась обязанность всем основным сотрудникам учить языки (начальнику – китайский или маньчжурский, остальным священнослужителям – китайский, студентам – китайский, монгольский или маньчжурский); 2) с 10-й Миссии в финансировании РДМК выделялась отдельная статья на пополнение библиотечного фонда; 3) с 11-й Миссии все новые сотрудники получали предварительную подготовку в языковых школах при Азиатском департаменте или Департаменте духовных дел.

В результате сотрудникам РДМК не нужно было тратить 2-3 года на базовую языковую подготовку. Духовная Миссия могла пополнять библиотечный фонд необходимой научной и учебной литературой, в том числе собственными трудами по филологии (в конце XIX века в миссийской библиотеке насчитывалось более 170 книг по филологии, абсолютное большинство из которых имели учебно-прикладное значение – китайские учебники, словари и хрестоматии²⁴⁵). Это в свою очередь позволяло поэтапно развивать русскую лингвистику за счет предыдущих исследований в РДМК.

В период упомянутых 5-и Миссий в лингвистических исследованиях отличились не только миссийские ученики, но и другие сотрудники РДМК: З. Ф. Леонтьевский, (ученик 10-й Миссии), О. П. Войцеховский (врач 10-й Миссии), Г. М. Розов (ученик 11-й Миссии), В. П. Васильев и И. И. Захаров (ученики 12-й Миссии), архимандрит Палладий (Кафаров) (сотрудник 12-й, 13-й и 15-й Миссий), иеромонах Исая (Поликин) (сотрудник 14-й и 15-й Миссий).

Здесь необходимо отметить, что в научно-переводческой деятельности Духовных Миссий данного периода лингвистические исследования не являлись приоритетной задачей. При этом, начиная с 14-й Миссии, основные

²⁴⁵ См. *Алексий (Виноградов), иером.* Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской Духовной и Дипломатической Миссии в г. Пекин или Бей-Цзине (в Китае). СПб., 1889. С. 98.

усилия сотрудники РДМК стали направлять на переводы богослужебных книг, чтобы тем самым ввести регулярные богослужения на понятном для местных православных прихожан языке. Поэтому лингвистические работы сотрудников РДМК по-прежнему имели преимущественно научно-прикладной характер.

Теперь необходимо привести лингвистические исследования упомянутых сотрудников РДМК с общим анализом их научной ценности.

З. Ф. Леонтьевский составил «Китайский лексикон» на 3560 листах. По свидетельству Захара Федоровича лексикон был создан на основе лексикографических работ, которые находились в распоряжении русских синологов в то время (Базиля де Глемона, М. де Гиня и Ю. Г. Клапрота). При этом для наиболее полного и корректного определения слов З. Ф. Леонтьевский широко использовал маньчжурские переводы с китайского языка, что таким образом сделало его труд новаторским.

Если на начальном этапе развития китайской филологии в России словари упорядочивались по алфавитному либо семантическому принципу, то Захар Федорович впервые составил свой лексикон по графической системе китайских иероглифов. Каждый гнездовой знак словаря сопровождался большим количеством сложных слов, состоящих из 2-х и более иероглифов.

Таким образом, «Китайский лексикон» З. Ф. Леонтьевского стал одним из наиболее удачных новаторских трудов в китайской филологии в первой половине XIX века. К сожалению, данная работа не была напечатана, однако ее рукописный вариант использовался в дальнейшем сотрудниками РДМК²⁴⁶.

Врач О. П. Войцеховский после возвращения в Россию в 1841 г. стал заведующим китайско-маньчжурским отделением при упомянутом ранее Казанском университете. Для своих студентов Осип Павлович составил «Грамматические правила маньчжурского языка, доселе никем не

²⁴⁶ Попова И. Ф. Становление лексикографии китайского языка в России. // Страны и народы Востока. Коллекции, тексты и их «биографии» / Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. М., 2014. Вып. 35. С. 300.

изложенные», а также трехтомный китайско-маньчжуро-русский словарь (работу над которым он начал еще в Пекине)²⁴⁷.

Г. М. Розов составил «Грамматику маньчжурского языка» на 83 листа. Она не была издана, но использовалась в составлении учебных пособий следующими поколениями миссийских учеников²⁴⁸.

В. П. Васильев после приезда в Россию был назначен преподавателем маньчжурского языка сначала в Казанском университете, а затем в Петербургском. В помощь студентам он составил первую опубликованную в России «Маньчжурскую хрестоматию» и «Маньчжуро-русский словарь». В «Хрестоматии» был приведен оригинальный текст (без китайского и русского переводов) с образцами различных стилей маньчжурской речи. В «Словаре» В. П. Васильев создал оригинальную систему расположения и поиска иероглифов, которая легла в основу многих словарей XIX-XX столетий²⁴⁹.

И. И. Захаров еще в период пребывания в Пекине начал составление маньчжуро-русского словаря, работа над которым длилась более 20 лет. Словарь был составлен на основе большого количества китайско-маньчжурских словарей, а также лексикографических работ Г. М. Розова и В. П. Васильева. Современники Захарова давали высокую оценку его работе. Так, В. П. Васильев говорил, что словарь превосходит все предыдущие лексиконы и отличается особенною точностью, и в нужных случаях содержит подробное описание предмета в контексте истории, обычаев и нравов маньчжурского народа.

В 1879 г. в Санкт-Петербурге была напечатана «Грамматика маньчжурского языка» И. И. Захарова, которая состояла из введения, маньчжурского письма, произношения и морфологии.

Даже в новейшее время лингвистические труды Захарова сохраняют актуальность, а его «Грамматика» до сих пор является, пожалуй,

²⁴⁷ Пан Т. А. Изучение маньчжурского языка... С. 143.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. С. 144.

единственным русскоязычным пособием по изучению маньчжурского языка²⁵⁰.

Иеромонах Исая (Поликин) в течение 8 лет (с 1860 по 1868 гг.) трудился над составлением русско-китайского словаря богословских и церковных речений с общим лексиконом свыше 3300 слов. Эта работа стала весьма ценным пособием для перевода Миссией церковных книг, так как в дальнейшем перерабатывалась и дополнялась неоднократно – сперва это сделал архимандрит Палладий (Кафаров)²⁵¹, затем, в 1884 г., – переводчик Миссии Евмений Юй²⁵², а в начале XX в. Переводческая комиссия РДМК издала новую версию словаря²⁵³.

Также отцом Исая были составлены и напечатаны в Пекине первый «Русско-китайский словарь разговорной лексики» и «Краткая грамматика китайского языка». Обе книги были карманного размера в 16-ю долю печатного листа на тончайшей китайской бумаге²⁵⁴.

«Словарь» был составлен по русскому алфавиту, состоял из 1070 страниц и содержал около 9000 иероглифов. На каждой странице было три столбца: в первом – русское слово, во втором – китайские иероглифы и в третьем – произношение китайского слова кириллическим шрифтом.

По словам самого иеромонаха Исая, необходимость издания словаря была вызвана желанием большого числа приезжающих в Китай русских купцов, которые ни слова не знали по-китайски, общаться с местным населением. Именно для купцов и было прибавлено чтение иероглифов кириллицей²⁵⁵.

Приезжих русскоязычным людям, не знающим китайского языка, этот карманный словарь был очень помогал в общении с местным населением, о чем свидетельствовал российский посланник в Пекине А. Г. Влангал. Поэтому

²⁵⁰ Там же. С. 144–145.

²⁵¹ Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение... С. 7.

²⁵² Там же. С. 8.

²⁵³ Отчет Пекинской Духовной Миссии за 1907 год // Китайский благовестник. Пекин, 1908. Вып. 2. С. 18.

²⁵⁴ Русско-Китайский словарь // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. № 16. С. 192.

²⁵⁵ Там же.

словарь отца Исаяи выдержал 3 издания (в последний раз был напечатан в миссийской типографии в 1906 г.²⁵⁶).

Отдельно стоит отметить труд архимандрита Палладия (Кафарова) – «Китайско-русский словарь». Данная работа стала первым полным академическим словарем, предоставившим возможность читать и переводить исторические и литературные тексты на классическом китайском языке. Над ним отец Палладий трудился в течение всей своей жизни, однако не успел закончить из-за преждевременной смерти в 1778 г. Работа была продолжена российским консулом в Пекине П. С. Поповым и напечатана в столице Китая в 1888 г.

Иеромонах Алексей (Виноградов) назвал словарь отца Палладия и П. С. Попова «феноменом в русской литературе». К сожалению, этот труд является библиографической редкостью и доступен только ученым²⁵⁷. Однако до сих пор общепринятая транскрипция китайского языка, которая в используется в любых русскоязычных текстах, носит имя отца Палладия («транскрипция Палладия»)²⁵⁸.

В 1909 г. Переводческой комиссией Духовной Миссии был издан фундаментальный труд – полный китайско-русский словарь в 2-х томах. Словарь включал в себя 16 845 иероглифов, расположенных по алфавиту. В приложения были включены: 1) указатель ключевых знаков, расположенных по количеству черт; 2) указатель иероглифов, расположенных по ключам; 3) указатель к отысканию трудных знаков, расположенных по количеству черт.

Дополнили словарь таблицы: «Отличительные признаки чинов гражданских и военных», «Таблицы числительных знаков», «Китайские династии», «Провинции Китая», «Календарь», «Имена числительные».

²⁵⁶ Отчет Пекинской Духовной Миссии за 1907 год // Китайский благовестник. Пекин, 1907. Вып. 2. С. 18.

²⁵⁷ Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека... С. 58.

²⁵⁸ Попова И. Ф. Становление лексикографии китайского языка в России. // Страны и народы Востока. Коллекции, тексты и их «биографии» / Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. М., 2014. Вып. 35. С. 301.

Можно утверждать, что эта работа стала апофеозом многолетнего опыта в китайской филологии сотрудников РДМК. Только на переписку готового словаря перед изданием потребовалось 566 дней²⁵⁹.

Также в 1910 г. Переводческая комиссия при личном участии владыки Иннокентия (Фигуровского) закончила составление и редакцию «Малого китайско-русского карманного словаря», который по своему удобству не уступал карманному словарю отца Исаяи (Поликина)²⁶⁰.

В свете изложенного можно утверждать, что в период с 10-й по 18-ю Миссию РДМК добились значительно больших результатов в лингвистических исследованиях, чем в эпоху первых 9-и. До сих пор некоторые работы миссийских сотрудников не потеряли свою актуальность (В. П. Васильева, И. И. Захарова, архимандрита Палладия (Кафарова)).

Эти успехи были обусловлены, прежде всего, новой кадровой политикой Святейшего Синода (в Пекин приезжали уже более или менее подготовленные сотрудники Миссий), переходом более значительному материальному содержанию РДМК (появилась, в том числе, возможность обогащать библиотечный фонд лингвистическими исследованиями, печатать свои научные труды), а также новой инструкцией от 1819 г., которая акцентировала внимание сотрудников РДМК на изучении языков и научных исследованиях.

При этом необходимо отметить, что лингвистические исследования РДМК все же не выросли из области научно-прикладного значения в планомерную научно-академическую работу, так как данная сфера деятельности никогда не стояла в приоритетных задачах Духовной Миссии и несла скорее вспомогательный характер. Тем более, с 60-х годов XIX века РДМК перестала быть одним из русских центров востоковедения, прежде

²⁵⁹ Официальный отдел // Китайский благовестник. Пекин, 1910. Вып 5. С. 33.

²⁶⁰ Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1910 год // Китайский благовестник. Пекин, 1911. Вып. 1. С. 5.

всего, из-за вывода из ее состава всех светских сотрудников (в том числе учеников).

Тем не менее, заслуги миссийских синологов в основании и развитии русского института восточных языков трудно переоценить. Многие их труды зачастую реализовывались вопреки многочисленным неблагоприятным обстоятельствам и имели высокие оценки как со стороны современников, так и следующих поколений востоковедов.

4.2. Изучение истории, культуры и современного состояния Китая сотрудниками Духовной Миссии

Помимо лингвистических исследований сотрудники РДМК занимались изучением культурного наследия Китая и его текущего состояния, что в свою очередь было одним из ключевых аспектов деятельности Миссии.

Тематика научных исследований была весьма разнообразна (история, философия, религия, этнография и т.д.) и связана главным образом с изучением основного корпуса китайской литературы, ее переводом и составлением исследовательских статей. Многочисленные переводы обогатили фонды российских библиотек и архивов и позволили основать новое направление в отечественной науке – востоковедение. Особый интерес для российского правительства представляли труды по географии, а также о политико-социальных аспектах истории Китая. Публикуемые статьи в числе прочего стимулировали интерес российской общественности к одной из древнейших цивилизаций мира и поднимали проблему распространения Православия в огромном азиатском регионе.

Согласно многочисленным инструкциям от Коллегии (Министерства) иностранных дел, изучение текущего состояния Китая было одной из главных задач Духовной Миссии. Сотрудничество с палатой Лифаньюань и «соседские» отношения с западными Миссиями открывали широкие возможности приобретения выгодных знакомств, благодаря которым у

Миссии появлялись источники и проводники ценной оперативной информации.

При этом сбор информации облегчался лояльным отношением цинского правительства к РДМК: оно не видело в ней опасного политического резидента, так как православные миссионеры никогда не вмешивались во внутренние дела Китая и не занимались политическими интригами. Таким образом, благодаря сотрудникам РДМК российское правительство могло принимать более взвешенные решения на восточном направлении во внешней политике, обладая эффективным дипломатическим и экономическим инструментарием.

Изучение истории и культуры Китая

Несмотря на неоднократно упомянутые ранее трудности в деятельности первых 9-и Миссий, в данный период научные исследования сотрудников РДМК по истории и культуре Китая оказались более плодотворными, чем лингвистические изыскания.

Прежде всего, необходимо отметить И. К. Россохина – основоположника русского востоковедения. Являясь учеником 2-й Миссии, он по своей инициативе на свое скромное жалование приобретал книги на китайском и маньчжурском языках и несколько карт империи Цинь.

В общей сложности Россохин перевел 79 географических карт, уделяя особое внимание пограничным территориям. Также он составил описание и планы отдельных китайских городов и населенных пунктов, обогатив тем самым русскую географию одними из первых подробных описаний местности и населенных пунктов Восточной Азии. Поэтому современные географы отмечают данную работу как крупный шаг в изучении географии Китая соответствующего периода²⁶¹.

За этот вклад в русскую науку ученик И. К. Россохин, по ходатайству российского дипломата И. Л. Ланга, в 1738 г. удостоился звания прапорщика

²⁶¹ Захаренко И.А. Востоковедческое изучение трансграничных регионов России и Китая: историко-географический и картографический аспект / И.А. Захаренко // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 98.

и повышенной стипендии в размере 150 руб. – редчайший случай награждения миссийского ученика в XVIII столетии.

Также Илариона Калиновича привлекали и технические изобретения китайцев. Он прошел обучение у придворного фейерверкера и подготовил специальный труд по данной теме: «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках, коим образом оные составлять и из каких материй, с ясно изображенными при том фигурами»²⁶².

После возвращения в Россию Россохин был назначен сотрудником Академии наук, где, в том числе, принимал непосредственное участие в формировании и систематизации фонда Академического собрания. По его рекомендации И. Л. Ланг периодически привозил из Китая книги и рукописи, по которым Иларион Калинович составлял каталог и его описание. В ходе этой деятельности в Академическое собрание было передано в общей сложности более 100 книг²⁶³.

Также по указанию Г. Ф. Миллера, конференц-секретаря Императорской академии наук, И. К. Россохин занимался переводами книг на китайском и маньчжурском языках. Так, сохранились в рукописях его переводы, касающиеся истории и культуры Китая:

1) «История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» (1750 г.);

2) «Сокращение китайской истории, называемой всеобщее зеркало, к учреждению добрых порядков в правительстве способствующее» (1750 г.);

3) «Китайская книга Сань дзы гин, то есть троесловное нравоучение, содержащее в себе краткую историю»;

4) «О том, как некоторой мальчик переспорил великого китайского учителя Куньфудзья» (1752 г.),

²⁶² Радовский М.И. Ларион Россохин и начало изучения китайской пиротехники в России (Неопубликованная рукопись Россохина «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках») / М.И. Радовский // Из истории науки и техники в странах Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 91.

²⁶³ Суходолов А.П. И.К. Россохин: иркутское начало российского китаеведения и маньчжуроведения / А.П. Суходолов, В.А. Василенко, Ю.В. Кузьмин // Российско–китайские исследования. 2019. Т. 3, № 2. С. 13.

5) «О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения» (1753 г.),

7) «Известие о шелковых заводах, каким образом они учреждены в Китае» (1755 г.);

8) «Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у Калмыцкого хана Аюки на Волге»²⁶⁴ (1755 г.).

К сожалению, ни один перевод Илариона Калиновича не был напечатан. Во многом это было обусловлено сложными рабочими отношениями с Г.Ф. Миллером, который весьма скептически относился к научно-преподавательской деятельности Россохина. По мнению В. Г. Дацышена, «притеснение» в научной деятельности первого русского синолога было вызвано преобладанием в российской академической среде в XVIII в. немецких ученых, которые «не пропускали» русских синологов на более высокие ступени в официальной русской науке²⁶⁵. При этом известно, что как отечественные, так и зарубежные востоковеды использовали труды И. К. Россохина, не ссылаясь на автора²⁶⁶.

Также заметный вклад в русскую синологию сделал ученик 3-й Миссии А. Л. Леонтьев. После очередной дипломатической поездки в Пекин он активно занялся переводами крупных китайских трактатов:

1) По поручению Сената в 1762 г. был завершён перевод 16-томного труда «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска», который был начат И. К. Россохиным ещё в Пекине. Перевод был издан в 1784 г., за что Алексей Леонтьевич удостоился чина губернского секретаря и денежной премии²⁶⁷.

2) В 1780 г. был завершён перевод свода конфуцианских канонических текстов – «Четверокнижье с толкованиями».

²⁶⁴ *Иориш И.И.* Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика / И.И. Иориш. М.: Наука, 1966. С. 13–14.

²⁶⁵ *Дацышен В.Г.* Изучение истории Китая в Российской империи. М., 2016. С. 19.

²⁶⁶ Там же. С. 19.

²⁶⁷ *Скачков П. Е.* Очерки истории... С. 67.

3) В 1783 г. – «Все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства в трех частях».

4) Важным вкладом в исследование конфуцианской этики были переводы книг «Да хю, то есть Учение великое» и «Джун юн, то есть Закон непреложный», которые были изданы под общим заглавием «Сы Шу Гей» в 1780-1784 гг.²⁶⁸.

Упомянутые фундаментальные труды пополнили библиотечный фонд Российской академии наук. В общей сложности А. Л. Леонтьев перевел на русский язык более 20 китайских и маньчжурских сочинений, которые, в отличие от трудов И. К. Россохина, периодически публиковались в журналах: «Ежемесячные сочинения», «Утренний свет» и «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (очевидно служба в Коллегии иностранных дел, а не в Академии наук, давала больше возможностей Алексею Леонтьевичу в публикациях своих переводов).

Можно утверждать, что А. Л. Леонтьев впервые познакомил широкий круг русских читателей с китайской цивилизацией. При этом выбор литературы Алексеем Леонтьевичем для перевода указывает на его доброжелательное отношение к китайской культуре, стремление отыскать в ней положительные примеры для современников и точки соприкосновения с христианским учением²⁶⁹.

А. Г. Владыкин, ученик 7-й Миссии, в Пекине перевел несколько китайских сочинений: 1) «Речь государя Тана к воинству. Анекдот из истории китайской», 2) «Древняя история мунгалов», 3) «Краткий летописец китайских царей», 4) «Указы китайских царей древних и новейших, переведенные с китайского и маньчжурского языков».

После приезда в Россию труды Владыкина были переданы в библиотеку Азиатского музея при Императорской академии наук. К

²⁶⁸ Скачков П. Е. Очерки истории... М., 1977. С. 67.

²⁶⁹ Там же. С. 68–71.

сожалению, его сочинения, как И. К. Россохина, так и не были опубликованы²⁷⁰.

Весьма плодотворной была научная деятельность 8-й Миссии в лице ее начальника архимандрита Софрония (Грибовского) и П. И. Каменского.

Архимандрит Софроний (Грибовский) после приезда в Россию предоставил Коллегии иностранных дел свои 12 сочинений, самые важные из них: 1) «Хронологическое описание нынешнего манджуро-китайского государства» и 2) «Повествование о главных народах, обитающих ныне в Китае и о настоящем их правлении»²⁷¹. Они были составлены по указанию Коллегии иностранных дел, за что отец Софроний был награжден пенсией и определен в Московский Новоспасский монастырь до излечения болезней.

Труды отца Софрония содержат весьма разнообразные сведения по истории, культуре, этнографии, географии, политическому и социальному устройству Китая. При этом, по замечанию иеромонаха Николая (Адоратского), произведения архимандрита Софрония не самостоятельны и представляют по сути итог столетней деятельности сотрудников РДМК. В них были включены сведения как сотрудников 8-й Миссии, так и их предшественников, особенно иеромонаха Феодосия Сморжевского (сотрудника 4-й Миссии), А. Л. Леонтьева, А. С. Агафонова (ученика 6-й Миссии), а также сведения из латиноязычных трудов католических миссионеров²⁷².

Ученик П. И. Каменский в Пекине переводил различные дипломатические документы XVIII – начала XIX вв., но особенно его интересовала китайская медицина: он составил русско-китайский медицинский словарь на 600 листов, перевел несколько трактатов по фармакологии, диетологии, теории пульсов и т. д.

²⁷⁰ Алексеева П. Э. Востоковед А. Г. Владыкин. // Восток и Запад. Элиста, 1985 г. С. 98–99.

²⁷¹ Чтения Московского общества истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1861. Т. 1. С. 23–119.

²⁷² Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 337.

После приезда в Россию Каменский опубликовал свои переводы по медицине, при этом дав критические суждения о китайской лечебной практике. По замечанию В. Г. Дацышена, современники высоко ценили труды Павла Ивановича, однако полученные им знания так и не нашли практического применения²⁷³.

Первым, кто начал заниматься систематическим изучением истории и культурного наследия империи Цинь, был архимандрит Иакинф (Бичурин), начальник 9-й Миссии.

Уже в Пекине он начал переводить солидные издания китайской литературы. Если верить его письму, адресованному русскому этнографу А. Н. Шергену, за 14-летнее пребывание в Пекине он занимался переводами 17-и книг, посвященных китайской, монгольской и тибетской истории и культуре. Однако многие из них, по признанию отца Иакинфа, были не окончены и поэтому не готовы к печати²⁷⁴.

После возвращения в Россию отец Иакинф был сослан на Валаам и лишен священнического сана. Однако благодаря заинтересованности «Румянцевского кружка» (неофициального научного объединения) в научных трудах монаха Иакинфа, последний смог опубликовать ряд своих сочинений в нескольких журналах и тем самым получить известность в мировой синологии.

Первая его статья «Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшие в Пекине в 1816 году» была опубликована в журнале «Северный архив» в 1825 г. В дальнейшем он выступал на страницах этого издания как критик, корректируя некоторые ошибочные сведения И.Ф. Крузенштерна²⁷⁵.

²⁷³ Дацышен В. Г. Архимандрит Петр (Каменский) и становление русско–китайского взаимодействия в сфере медицины // Сибирское медицинское обозрение. Красноярск, 2012. № 6 (78). С. 98.

²⁷⁴ Мясников В. С. Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию наук // Проблемы Дальнего Востока. М, 1996. № 5. С. 124–132.

²⁷⁵ Благодер Ю.Г. Роль сотрудников Русской духовной миссии в Пекине в формировании представлений о Китае в российском обществе XIX в. С. 36.

Серию крупных трудов отца Иакинфа, опубликованных в России, начинает книга «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», изданная в 1828 г. В 1830-1832 гг., находясь в Иркутске и Кяхте, он регулярно посылал корреспонденцию со своими научными статьями в «Литературную газету» и «Московский телеграф».

В «Журнале Министерства внутренних дел» публиковалась статья монаха Иакинфа о китайской живописи и выделке красок, в «Русском вестнике» – о буддийской мифологии, в «Журнале Министерства народного просвещения» – об образовании в Китае, в «Отечественных записках» – о народном продовольствии, в «Московском телеграфе» – о китайском земледельческом календаре.

Особенно тесно отец Иакинф сотрудничал с журналом «Московский вестник», где писал по целому спектру тем: о просвещении в Китае и государственном строе, китайской философии и религии, сельском хозяйстве и торговле, живописи, архитектуре и декоративно-прикладном искусстве²⁷⁶.

Также архимандрит Иакинф был хорошим художником. Он писал портреты китайцев, делал зарисовки костюмов народов Китая, собирал рисунки местных художников по этим же темам. Собрание его зарисовок китайских костюмов было пожертвовано в 1824 г. в Императорскую Публичную библиотеку²⁷⁷.

В целом можно утверждать, что в первой половине XIX столетия статьи отца Иакинфа оказали наибольший вклад в развитие и популяризацию русской синологии благодаря его глубоким знаниям фундаментальных трудов китайской литературы. Однако, как отмечали современники, его статьи отличались излишней детализацией, перенасыщенностью фактов, что затрудняло восприятие общего смысла изложения; а также порой нарочитым

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Моллер Н. С. Архимандрит Иакинф Бичурин. Воспоминания его внуки. Русская старина. СПб, 1888. № 8. С. 274.

китаецентризмом и необоснованными параллелями между Европой и Азией²⁷⁸.

Период с 10-й по 15-ю Миссию можно считать наиболее продуктивным периодом в плане научной деятельности. Это было обусловлено иными (неоднократно упоминаемыми ранее) условиями материального обеспечения и организации Духовной Миссии.

Из числа сотрудников 10-й Миссии, пожалуй, самым примечательным востоковедом являлся З. Ф. Леонтьевский. Благодаря его стараниям в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого был создан кабинет китайских редкостей, в котором были собраны портреты, картины с изображением сцен частной жизни, карты, книги, различного рода вещи, много одежды, головных уборов, обуви, украшений, как мужских, так и женских²⁷⁹.

Также Захар Федорович собрал значительную коллекцию монет, которую впоследствии подарил Императорской академии наук.

З. Ф. Леонтьевский периодически публиковал статьи в журналах: «Северная пчела», «Энциклопедический лексикон», «Военный энциклопедический лексикон», которые преимущественно были посвящены вопросам этнографии империи Цинь²⁸⁰.

Ученик 11-й Миссии А. И. Кованько опубликовал в журнале «Отечественные записки» 10 статей (в 1841-1846 гг.), посвященных быту китайцев, под общим названием «Поездка в Китай». Его очерки вызвали живейший интерес как в России, так и за рубежом, и до сих пор являются важным материалом для изучения культуры и быта различных социальных слоев китайского общества²⁸¹.

²⁷⁸ *Благодер Ю. Г.* Роль сотрудников... С. 36.

²⁷⁹ *Васильева О. В.* Собрание китайских рисунков З. Ф. Леонтьевского. – Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг ГПБ. Сборник научных трудов. Л., 1988. С. 84.

²⁸⁰ *Благодер Ю. Г.* Роль сотрудников... С. 35.

²⁸¹ Там же. С. 37.

В период этой же Миссии занимался научными изысканиями иеромонах Аввакум (Честной). Отца Аввакума глубоко интересовал китайский фольклор, им были собраны «Китайские народные пословицы и поговорки», «Пекинские народные предания и поверья». Для этнографов немалый интерес представляют его заметки по истории монголов и о древних брачных обрядах маньчжуров²⁸².

После возвращения в Россию отец Аввакум занялся описанием и систематизацией библиотеки Азиатского ведомства МИДа (которая впоследствии вошла в состав библиотечного фонда Восточного отдела Императорской академии наук). В ней содержались книги на 5 языках (китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском) большинство из которых (кроме санскритского) отец Аввакум знал весьма неплохо.

После кропотливой работы в 1843 г. им был составлен «Каталог книг, рукописей и карт на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящихся в библиотеке Азиатского департамента». В нем было описано 609 книг и рукописей на 102-х страницах.

Этот «Каталог» публиковался дважды, причем оба раза без указания имени составителя. В нем книги и рукописи были разделены по языкам написания, и отдельно приводился перечень географических и астрономических карт. Работа отца Аввакума стала ценнейшим путеводителем в недра истории и культуры азиатских народов, за что автор, по ходатайству МИДа, был возведен в архимандриты и назначен членом Санкт-Петербургской Духовной консистории и духовной цензуры²⁸³.

Особое место в истории научных изысканий РДМК занимает ее давний сотрудник архимандрит Палладий (Кафаров), который провел в Китае 33 года

²⁸² Решетов А. М. Значение трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине для этнографии. // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск I: 275-летие Российской Духовной миссии в Китае. С. 109.

²⁸³ Кнорре Б. К. Аввакум (Честной), иером. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 87.

в 3-х Миссиях (12-й, 13-й и 15-й). Его вклад в мировую синологию можно сравнить с таковым у отца Иакинфа (Бичурина).

При этом, архимандрит Палладий в большей степени был известен не как переводчик, а как автор множества исследований на различные темы, преимущественно буддологии, этнографии и археологии. Отличное знание китайского и маньчжурского языков позволили ему собрать солидный материал по культуре и быту народов империи Цинь, который он вводил в научный оборот в своих научных исследованиях.

Его перу принадлежат такие исследования как: «Жизнь Будды» и «Исторический очерк древнего буддизма», «Описание Манчжурии», «Описание Кореи». Исключительный интерес для востоковедения того времени представляли сведения о русском поселении в Монголии XIV в., изложенные в сочинении «Русское поселение в Китае в первой половине XIV в.»; а также сведения о китайцах-мусульманах в сочинении «Китайская литература мусульман»²⁸⁴.

В 1870-1871 гг. отец Палладий по поручению Русского географического общества принял участие в археологической экспедиции по Маньчжурии и Амурско-Уссурийскому краю, в результате которой были открыты остатки старинных городов и укреплений, морских портов и торговых путей, а также собраны этнографические данные о маньчжурском народе.

При содействии Русского географического общества отец Палладий опубликовал в российской печати результаты своих научных исследований в сочинениях: «Старинное китайское сказание о Чингисхане», «Старинные следы христианства в Китае», «Дорожные заметки из Пекина до Благовещенска», «Исторический очерк Уссурийского края».

В этих заметках были изложены примечательные сведения о многих народах Азии. Например, оказалось, что маньчжуры почитают воров, видя в

²⁸⁴ Скачков П. Е. Очерки истории... М., 1977. С. 73.

них своих предков; также архимандрит Палладий был одним из первых, кто осветил культуру и быт корейцев, отмечая у этого народа нередкие случаи долголетия старцев²⁸⁵.

Знаменательным событием в научной деятельности РДМК стало издание четырехтомника «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине», который был напечатан в Санкт-Петербурге по инициативе архимандрита Палладия в 1852-1866 гг. (в дальнейшем «Труды» были переизданы типографией РДМК в 1909-1910 гг.).

В сборнике, помимо сочинений отца Палладия, публиковались исследования сотрудников 12-й и 13-й Миссий: 2 сочинения о цинской династии В. В. Горского, 2 этнографических исследования И. И. Захарова, 1 сочинение об обрядовой стороне буддизма архим. Гурия (Карпова), 1 сочинение о династии Минь М. Д. Храповицкого, 4 сочинения иеромонаха Павла Цветкова о религиозных аспектах язычества и христианства в Китае.

К сожалению, «Труды» РДМК стали первым и единственным дореволюционным русским изданием, посвященным вопросам изучения Китая.

В результате реорганизации РДМК в 1864 г. ее научная деятельность практически прекращается: сокращение штата, акцентирование на церковно-переводческую деятельность не позволяли уделять должное внимание научным исследованиям.

Впрочем, здесь можно упомянуть некоторые труды сотрудников 16-й и 17-й Миссий иеромонахов Николая (Адоратского) и Алексея (Виноградова), чьи работы были посвящены не столько истории и культуре Китая, а истории распространения христианства в Поднебесной.

Иеромонах Николай был одним из первых дореволюционных исследователей деятельности РДМК. После возвращения в Россию в 1887 г. он защитил диссертацию в Казанской духовной академии на тему

²⁸⁵ Там же. С. 74–75.

«Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования». В которой, как уже отмечалось в 1-й главе данной работы, была использована богатая и во многом уникальная база источников: ранее неопубликованные труды миссионеров, устные воспоминания членов Духовной Миссии, а также ее документы и материалы архива. В том числе в ней затрагиваются определенные аспекты российско-китайских взаимоотношений, история албазинской диаспоры и западных Миссий. В силу использования уникальной базы источников фундаментальный труд отца Николая до сих пор сохраняет свою актуальность в истории христианства в Китае.

В дальнейшем большинство статей отец Николай (Адоратский) публиковал в журнале «Православный собеседник» при той же Казанской духовной академии, которые были посвящены как отдельным аспектам истории РДМК, так и католическим и протестантским Миссиям, например: «Положение миссионерства в Китае» (1885 г.), «Исторический очерк католической пропаганды в Китае» (1885 г.), «Протестантская пропаганда в Китае и современные гонения на ее миссии» (1886 г.) и др.²⁸⁶.

Труды иеромонаха Алексея (Виноградова) были посвящены главным образом истории распространения западного христианства и Священного Писания в Китае. Так в 1886 г. он опубликовал в Пекине свою первую исследовательскую статью – «Исторический очерк западных христианских миссий в Китае» (1886), затем в том же году – «Труды западных христианских миссий в Китае».

После возвращения в Россию в 1889 г. он публикует в Санкт-Петербурге исследовательскую работу, посвященную миссионерской западной литературе: «Миссионерские диалоги М. Риччи с китайским ученым о христианстве и язычестве и обзор китайско-церковной, римско-католической литературы с XVI по XVIII в.».

²⁸⁶ Хохлов А. Н. Николай Адоратский (1849-1896) – миссионер и историограф Пекинской духовной миссии / Православный собеседник. Казань, 1997. №3. С. 12–15.

В этом же году публикуется 1-й том его фундаментального труда, посвященный распространению христианства на Востоке: «История Библии на Востоке: С обзором метода и условий, благоприятных и неблагоприятных ее переводам и распространение у китайцев, монголов, маньчжуров, тибетян, корейцев, японцев: у персов, турок, арабов, абиссинцев, армян, грузин».

Книга разбита на 6 глав, в которой на более чем 1100 страниц излагается в 1-й части история несторианства, иудаизма и мусульманства на Востоке, в том числе в Китае, а во 2-й (начиная с 4-й главы) – вероучение и этика даосизма, буддизма и конфуцианства. При этом в 6-й главе в контексте доктрин конфуцианства автор описывает этнографию и культуру Китая.

После публикации упомянутых научных трудов иеромонах Алексей (Виноградов) снова назначается в состав РДМК в 1895 г. Однако в скором времени из-за психического заболевания он покидает Пекин и становится насельником Оптиной пустыни, где и прожил всю оставшуюся жизнь.

Здесь он готовил к печати 2-й том «История Библии на Востоке», и некоторые материалы, собранные в Пекине. Однако в связи с его социальной изоляцией, ни один в период пребывания в Оптиной пустыни так и не был опубликован²⁸⁷.

Отдельно стоит отметить исследования отца Иакинфа (Бичурина), которые стали в своем роде переходным этапом в научной деятельности РДМК. Он был первым, кто стал заниматься систематическим изучением истории и культурного наследия Китая, при этом делая упор не на публикацию переводов, а написание сочинений на различные темы, в процессе изучения которых он вводил в научный оборот множество источников.

Период с 10-й до 15-й Миссии можно назвать расцветом научной деятельности миссийских сотрудников, связанной в большей степени не с переводами литературы Китая, а изучением различных аспектов его культурного наследия. При этом исследования стали опираться на

²⁸⁷ Чигринский. М. Ф. Иеромонах Алексей (Виноградов) в Оптиной пустыни // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб, 1993. С. 54-61.

разнообразные виды источников (письменные, археологические, устные (фольклорные), этнографические и т.п.) и имели различные тематические направления: история, география, этнография, политика, религоведение, правоведение, медицина и т.д. В большей степени исследования были посвящены этнографии (судя по публикациям в печати, они вызывали наибольший интерес в русском обществе), а также истории Китая.

В отличие периода первых 9-и Миссий, значительное большинство исследований миссийских синологов публиковались в различных изданиях (в том числе в Пекине), некоторые из них переводились на европейские языки, тем самым оказывая вклад в развитие мировой синологии.

Также в этот период русское востоковедение обогащалось не только китайской литературой и исследованиями миссийских синологов, но и различными артефактами (монетами, картинами, украшениями, одеждой и прочими предметами быта), которые стали неотъемлемой частью экспозиций русских музеев. Эти предметы зрительно дополняли сочинения ученых-китаеведов о древней цивилизации Центральной и Восточной Азии, а также способствовали популяризации относительно нового направления в российской науке – синологии.

После реорганизации РДМК в 1864 г. ее научная деятельность практически прекращается (за исключением некоторых работ по истории христианства в Китае иеромонахов Николая (Адоратского) и Алексея (Виноградова)).

Имея в прошлом основополагающее значение в формировании и развитии института русского востоковедения, теперь РДМК уступила свое научное первенство Императорской академии наук и Санкт-Петербургскому университету. С этого времени РДМК сосредотачивает свою деятельность на наиболее приоритетных направлениях, связанных с пастырской и миссионерской деятельностью, что вполне логично для церковной, а не научной или дипломатической организации.

Исследование современного состояния Китая сотрудниками Духовной Миссии

Сбор информации о текущем положении Китая сотрудниками РДМК имел большое значение для российского правительства как в дипломатическом, так и экономическом плане. Ввиду того, что эта обязанность имела зачастую секретный характер, сведений о данном аспекте деятельности Духовной Миссии не так много. Тем не менее, из имеющихся фактов можно сложить общее представление об этом.

Очевидно, начальники Миссий являлись организаторами и посредниками в передаче соответствующих сведений российскому правительству. Так, начальник 11-й Миссии архимандрит Вениамин (Морачевич) в очередном конфиденциальном донесении Министерству иностранных дел излагал свое видение о секретных функциях РДМК: «В приятельских только связях с китайскими чиновниками миссия наша могла в свою очередь приобретать правильные сведения об образе правления, и образе жизни благородного класса людей в Китае. В тесных только сношениях с понимающими и стоящими внимания людьми, объяснять можно и опровергать главные предрассудки китайской политики на счет всесветного ее и большого преимущества китайского двора пред другими»²⁸⁸.

Иногда функции начальников Миссии возлагались на приставов, если получение информации имело неотлагательный характер. Так, по инициативе пристава М. В. Игумнова ученики 6-й Духовной Миссии – А. Агафонов, А. Парышев и Ф. Бакшеев, вели «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год»²⁸⁹.

В этом журнале были изложены рассказы и сведения о войне китайцев с инородцами и мятежах в провинциях Ганьсу и Шаньдун. Примечательно, что здесь также отмечался обычай учеников ходить в Лифаньюань 1-го числа каждого месяца за жалованием, где они имели возможность беседовать с

²⁸⁸ Николай (Адоратский), иером. Краткая история... С. 115.

²⁸⁹ Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 167.

китайскими чиновниками о политических и торговых делах. В свою очередь цинские чиновники также проявляли интерес ко всему, что происходило за пределами Поднебесной, так что подобные контакты были бесполезны для обеих сторон²⁹⁰.

Иногда сбором конфиденциальных сведений занимались дипломатические курьеры в сотрудничестве с РДМК. Например, в период 5-й Миссии это были В. С. Братищев и И. К. Якоби. Последнему было поручено собрать сведения о китайском войске и спросе российских товаров на рынках Китая. Для выполнения этого поручения Иоанну Карловичу были выданы казенные средства (очевидно в качестве средства подкупа) и предписано в этом деле сотрудничать с начальником РДМК – архимандритом Амвросием (Юматовым)²⁹¹. В свою очередь В. С. Братищев занимался сбором сведений о состоянии католической Миссии в Китае и репутации РДМК среди местного населения²⁹².

Связь между российским правительством и РДМК осуществлялась чаще всего через палату Лифаньюань (до подписания Пекинского трактата в 1860 г.). В редких случаях, когда предоставлялась возможность, секретные донесения доставлялись через дипломатических курьеров или же представителей торговых караванов. В случае неотложной необходимости важная корреспонденция отправлялась через представителей западных Миссий²⁹³.

Вся иностранная корреспонденция просматривалась чиновниками Лифаньюань и приграничными властями. Вследствие тщательных проверок миссийская почта задерживалась на значительные сроки, что затрудняло деятельность РДМК. Например, в феврале 1857 г. письмо архимандрита Палладия (Кафарова), в котором начальник Миссии просил разрешения

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же. С. 227.

²⁹² Там же. С. 226.

²⁹³ *Лапин П.А.* Секретная переписка российской духовной миссии в Пекине с Россией (начало XVIII – вторая половина XIX вв.): методы, принципы, содержание. // *Общество и государство в Китае.* 2014. С. 425.

отправить в Россию 4-х своих сотрудников по причине серьезной болезни, было задержано на 80 дней²⁹⁴.

При возникновении каких-либо опасений почта могла арестовываться. Так, в период 15-й Миссии пограничными властями была обнаружена среди отправляемых вещей РДМК книга с непонятными рисунками. Об этом было доложено самому императору Цзяцину, который повелел книгу с «таинственными» изображениями изъять из почты. В ответ на жалобы в палату Лифаньюань от архимандрита Палладия о потере почты та лишь предоставила ему общую инструкцию по пересылке корреспонденции²⁹⁵.

Чтобы защитить секретную корреспонденцию от обнаружения и изъятия, Коллегия (Министерство) иностранных дел разрабатывала соответствующие инструкции. В 1780 г. она предписывала РДМК сообщать конфиденциальную информацию «с намеренною неясностью и не полною мыслей выразительностью»²⁹⁶. Не позднее периода 13-й Миссии (1850-1858) новый глава РДМК принимал от предыдущего начальника специальные шифры, которые он использовал в секретных донесениях. Зашифрованный текст проставлялся между строк в обычных письмах симпатическими чернилами. При этом на отправляемые в Россию письма не ставилась печать РДМК, формально их отсылали частные лица – миссийские сотрудники, чтобы тем самым снизить интерес проверяющих китайских чиновников к корреспонденции²⁹⁷.

Только после подписания Пекинского трактата (в 1860 г.) вся миссийская корреспонденция была поставлена под российский контроль: отныне особо важные послания доставлял курьер российского подданства. А после учреждения Российской дипломатической миссии в Пекине (1863 г.)

²⁹⁴ *Сы го синь дан*. Новые архивные документы четырех государств. Архив по России. Тайбэй, 1966. С. 314.

²⁹⁵ Там же. С. 315.

²⁹⁶ *Шубина С.А.* Пекинская духовная миссия как орган дипломатического представительства России в Китае // *Путь в науку*. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Ярославль, 1995. Вып. 2. С. 37.

²⁹⁷ *Барановский М.* Пекинская духовная миссия (Из деятельности царской России в Китае) // *Атеист*. 1930, № 49. С. 15.

РДМК была освобождена в том числе и от секретных донесений, за исключением острой необходимости. Известно, что после прокладки первых телеграфных линий в Пекине в конце XIX века начальнику Миссии предписывалось через специальный шифр «в случае опасности или затруднений» сообщать «всю правду, не опасаясь, что телеграмму задержат»²⁹⁸.

Основными источниками конфиденциальной информации являлись придворные чиновники, западные миссионеры и отчасти местное население, с которыми сотрудники РДМК старались установить доверительные отношения.

Сотрудничество с палатой Лифаньюань открывало «широкие двери» для поиска выгодных знакомств с придворными мандаринами. Они могли передавать конфиденциальные сведения устно или предоставить (за определенное вознаграждение) копии документов политического и экономического характера.

Преобладающее количество соответствующей информации имело конфиденциальный характер, так как официально Цинская империя всегда позиционировала себя в качестве центра Поднебесной, окруженной варварами, поэтому любые «неприглядные» сведения, собираемые и распространяемые иностранцами, были крайне нежелательны для престижа империи. Палате Лифаньюань и пограничным властям приходилось тщательно проверять любую иностранную корреспонденцию, что значительно замедляло ее доставку и существенно затрудняло деятельность РДМК.

Учитывая данное обстоятельство, Духовная Миссия пользовалась мерами предосторожности (шифры, симпатические чернила и т.д.) при использовании каналов связи (главным образом через палату Лифаньюань) с российским правительством.

²⁹⁸ Цит. по: *Обручев В.А.* От Кяхты до Кульджи. М., 1950. С. 56.

Только после Пекинского трактата российскому правительству удалось полностью взять под свой контроль доставку корреспонденции, имеющей конфиденциальный характер, что в свою очередь устраняло множество соответствующих проблем.

Очевидно, начальник Миссии был главным ответственным лицом при сборе и передаче конфиденциальной информации. Впрочем, эта обязанность иногда возлагалась на приставов Миссии, а также дипломатических курьеров.

Основными источниками информации для миссийских сотрудников являлись придворные чиновники (главным образом, служащие в палате Лифаньюань), западные миссионеры и отчасти местное население. Сама информация, как правило, имела устный характер, либо передавалась в форме копии документов, чаще всего социально-политического или правового характера.

4.3. Оценка советскими и современными синологами научной деятельности РДМ в Китае

Научная деятельность Русской Духовной Миссии в Китае на протяжении всей истории последней сталкивалась с рядом трудностей и преград: недостаток финансирования, сложности в административном управлении, непростые отношения с местными властями. К тому же, научная деятельность как таковая не являлась приоритетным направлением Миссии, ключевыми целями которой были, собственно, миссионерская, а также дипломатическая. Одной из проблем также являлось то, что установление научных контактов с китайскими учеными не увенчалось успехом из-за запрета китайского правительства на любые контакты с иностранцами²⁹⁹.

Тем не менее, научные изыскания сотрудников РДМК все же позволили обогатить отечественную и частично зарубежную синологию, особенно в поздний период – начиная с 10-й миссии, по причине улучшения

²⁹⁹ Феклова Т. Ю. Под сенью Церкви: научная деятельность Русской духовной миссии в Китае в XIX в. // Вестник Исторического общества СПбДА. СПб., 2020. № 2(5). С. 148.

организационных условий (вместе с тем, уступая с середины XIX в. роль центра научных исследований университетским заведениям).

В раннем СССР интерес советской науки к деятельности Миссии был практически равен нулю. В 1920-е годы можно отметить т.н. «теорию торгового капитала», согласно которой деятельность миссионеров сводилась к промышленному шпионажу. Игнорируя действительные цели и задачи РДМК, труды такого рода (за авторством М. Барановского и некоего Г. Л.) тем не менее способствовали рассмотрению аспекта изучения миссионерами современного им Китая, что было рассмотрено в конце главы 4.2.

Ведущим исследователем истории русского китаеведения в советский период стоит считать П. Е. Скачкова. В фундаментальном труде «Очерки истории русского китаеведения» исследователь обращается к наследию сотрудников Миссии И. К. Рассохина и А. Л. Леонтьева, которые до него были забыты в официальной историографии³⁰⁰, тем самым раскрывая в тогдашней науке заслуги РДМК перед отечественной синологией. П. Е. Скачков подробно описывает труды И. К. Рассохина и А. Л. Леонтьева, а также других участников Миссии – о. Ф. Сморжевского, л. Софрония (Грибовского), архим. Петра (Каменского), архим. Палладия (Кафарова) и др., описывает деятельность миссийских художников, приставов и докторов. Исследователь видел преемственность в дореволюционной и советской синологии, придерживаясь принципа миссийских ученых, согласно которому для глубокого изучения Китая необходимо, в первую очередь, знать китайскую историю³⁰¹.

Особенное место занимает в книге П. Е. Скачкова имя о. Иакинфа (Бичурина), которому посвящена вся 3-я глава вышеуказанной монографии. Исследователь высоко оценивает вклад «одного из первых русских синологов», что «составляет славу и гордость отечественной науки», отмечает

³⁰⁰ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. С. 8-9.

³⁰¹ Чжан Бин. Исторический очерк российского китаеведения. // Общество и государство в Китае. Пекин. 2018. С.

его новаторство и важное значение переводческой деятельности, однако предостерегает от идеализации данного сотрудника Миссии³⁰² (в советское время личность о. Иакинфа была популярнее других миссийских ученых по конъюнктурным соображениям: критика Опиумных войн и политики «империалистического Запада» в целом, общение с декабристами и т.п.³⁰³).

В общем и целом, в СССР сформировался приоритет в изучении именно научного аспекта деятельности РДМК, что позволило сохранить и приумножить ее научные наработки. Советские ученые особенно выделяли т.н. «триаду востоковедов»: о. Иакинфа (Бичурина), В.П. Васильева и архим. Палладия (Кафарова), остальные же оставались в их тени и упоминались скорее вскользь. Оценка научной деятельности Духовной Миссии как формы обслуживания политически-финансовых нужд Российской империи, сохранялось в той или иной мере на протяжении существования советской историографии, включая сборник 1990 г. «История отечественного востоковедения до середины XIX века»³⁰⁴.

В постсоветскую эпоху интерес к синологии в отечественной науке возрастает по причине развития торгово-дипломатических связей с Китаем. Одновременно с этим по причине ухода чисто материалистической парадигмы повышается внимание к роли представителей Церкви в различных сферах деятельности, включая научную. Одним из первых образцов современного российского китаеведения является сборник «Православие на Дальнем Востоке. Выпуск I: 275-летие Российской Духовной миссии в Китае» 1993 г. выпуска, включающий в себя немало статей о научной деятельности РДМК. В начале XXI в. активно выходят исследования на данную тематику, как в рамках монографий, так и в форме отдельных статей.

³⁰² Там же. С. 123.

³⁰³ Бичурин Н. Я. Советская историческая энциклопедия. // Государственное научное издание «Советская энциклопедия». М.: 1973-1982. Т. 2. С. 342.

³⁰⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX века. / Редкол.: А. П. Базиянц и др. М., 1990. 439 с.

При этом нельзя сказать, что существует обширный корпус статей: тематика научного вклада РДМК по-прежнему остается недостаточно разработанной. Как пишет один из выдающихся исследователей китайской Духовной Миссии А. М. Решетов, «выявить всех членов двадцати составов Миссии, отличившихся знанием культуры и быта народов Китая, – большая и сложная задача, для решения которой потребуются многие годы кропотливой работы многих поколений ученых»³⁰⁵.

Из современной литературы по истории РДМК можно сделать вывод о высокой, хотя и не первостепенной роли научной деятельности в работе Миссий. В статье Е. И. Кычанова утверждается существенный вклад миссийских сотрудников в развитие не только русской, но и мировой синологии³⁰⁶. По мнению А. М. Решетова, научные заслуги РДМК «и поныне вызывают уважение, восхищение и преклонение»³⁰⁷. В другой статье Б. Г. Доронин утверждает, что Миссией «заложены основы отечественного китаеведения, там выросла плеяда блестящих ученых, первым среди которых был отец Иакинф (Бичурин)»³⁰⁸. Для некоторых исследователей РДМК было свойственно понимание важного принципа: изучать Китай нужно, понимая его специфику, что не всегда принимают к сведению даже современные синологи³⁰⁹.

Помимо традиционного рассмотрения трудов выделенной при СССР «триады востоковедов», современные исследователи уделяют внимание и другим участникам Миссий, как-то: И. К. Россохин, З. Ф. Леонтьевский, иером. Аввакум (Честной), архим. Гурий (Карпов), иером. Алексей (Виноградов), В. В. Горский, П. С. Попов. Некоторым из перечисленных

³⁰⁵ Решетов А. М. Значение трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине для этнографии. // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск I: 275-летие Российской Духовной миссии в Китае. С. 116.

³⁰⁶ Кычанов Е. И. Владимир Васильевич Горский (1819—1847). // Православие на Дальн. Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 30.

³⁰⁷ Решетов А. М. Значение трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине для этнографии. // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск I: 275-летие Российской Духовной миссии в Китае. С. 116.

³⁰⁸ Доронин Б. Г. История империи Цин в трудах членов Российской духовной миссии (XVIII – середина XIX в.) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 105.

³⁰⁹ Там же. С. 100.

личностей посвящены отдельные статьи. В ряде работ уделяется внимание трудам миссийских приставов, художников, врачей, учеников, обогативших российскую науку.

Спектр дисциплин внутри синологии, в развитие которых внесли вклад сотрудники Духовной Миссии, весьма широк. В немалой степени это выразилось в сборе данных о китайской природе, культуре, народе. Как пишет в одной из статей Т. Ю. Феклова, сотрудниками РДМК «были собраны богатейшие этнографические, ботанические и зоологические коллекции, проведены лингвистические, магнетические и астрономические исследования, а также привезены многочисленные книги, манускрипты и рукописи на китайском, монгольском, маньчжурском и тибетском языках»³¹⁰. О сборе ценных сведений по языкам, истории, идеологии и быту Китая (н примере изучения народа маньчжуров) говорится и в статье Т. А. Пан, также указывается на роль РДМК в распространении этих знаний на территории России³¹¹. Помимо, собственно, китаеведения, сотрудники миссии вносили вклад в изучение сопредельных культур: Тибета, Кореи, Монголии

Больших результатов добилась Духовная Миссия на поприще языковедения. Здесь научный вклад включает в себя, помимо, собственно, изучения китайского и маньчжурского языков, переводческую деятельность и подготовку переводческих кадров, издание словарей. Фундаментальной вехой в отечественной синологии является создание Большого русско-китайского словаря П. С. Поповым и архим. Палладием (Кафаровым)³¹². Большой вклад в изучение Китая внесла «Грамматика китайского языка» иером. Алексия (Виноградова). Переводческая деятельность сотрудников РДМК рассматривается в статьях Е. И. Кычанова (о деятельности В. В. Горского), А.

³¹⁰ Феклова Т. Ю. Под сенью Церкви: научная деятельность Русской духовной миссии в Китае в XIX в. // Вестник Исторического общества СПДА. СПб., 2020. № 2(5). С. 148.

³¹¹ Пан Т. А. Изучение маньчжурского языка в Пекинской Духовной Миссии // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб, 1993. С. 122.

³¹² Пайчадзе С. А. Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Очерки истории второй половины XIX – нач. XX столетия). Новосибирск, 1995. С. 52.

Н. Хохлова (на примере вклада стажеров и стипендиатов), Т. А. Пан (о маньчжуроведении).

Высока роль Миссии в изучении истории и этнографии Китая. Велик вклад в изучение этих дисциплин иером. Алексия (Виноградова), деятельности которого посвящена статья М. Ф. Чигринского³¹³. Иером. Алексей создал труды по китайской истории, в частности – истории христианских миссий в Поднебесной. Этнографическим изысканиям сотрудников Духовной Миссии посвящена отдельная статья А. М. Решетова. Более всего он выделяет труды архим. Палладия (Кафарова), который в числе прочего ввел в научный оборот множество классических китайских источников³¹⁴. Отмечаются труды на ниве китайской этнографии иером. Аввакума (Честного), И. К. Россохина, З. Ф. Леонтьевского. Сотрудниками разных Миссий был внесен существенный вклад в сбор китайского фольклора, сведений о религиях и быте местных народов, брачных обрядах и т.д. Русские исследователи из РДМК внесли вклад в изучение китайского права, в том числе познакомили с правовой культурой Китая европейские страны, заложив основы для ее исследования в странах Запада³¹⁵. В свою очередь, миссийские художники поспособствовали тому, чтобы ознакомить русское общество с Китаем и его культурой и суметь проникнуть в профессиональные секреты китайских мастеров³¹⁶.

Отметились миссийские работники и на поприще естественнонаучных дисциплин. Среди их заслуг можно отметить: сбор информации о китайских растениях, включая лекарственные, а также чайных семян и ростков, шелковичных червей для нужд как науки, так и промышленности³¹⁷. Сюда же

³¹³ См. *Чигринский М. Ф.* Иеромонах Алексий (Виноградов) в Оптиной Пустыни // *Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае.* СПб., 1993. С. 54-61.

³¹⁴ П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. Ч. 1–3. М., 1979. С. 122.

³¹⁵ *Даньшин А.В.* Вклад Российской духовной миссии в исследование права Китая. *Lex russica (Русский закон).* 2016. №8. С. 152-167.

³¹⁶ *Нестерова Е. В.* Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства. // *Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае.* СПб., 1993. С. 132.

³¹⁷ *Феклова Т. Ю.* К истории ботанических исследований Российской Духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. // *Историко-биологические исследования.* 2016. СПб. № 8(4). С. 55.

можно внести деятельность миссийских докторов, изучавших и применявших на практике средства китайской народной медицины, принимавших участие в создании ботанических и зоологических коллекций. Сотрудники РДМК принимали участие в работе обсерватории в Пекине, собирали наработки по метеорологии, создавали карты звездного неба.

Благодаря научным трудам Духовных Миссий пополнялись фонды российских академий, китайская культура популяризировалась в русском обществе. Такие сотрудники РДМК, как о. Иакинф (Бичурин), архим. Аввакум (Честной), архим. Палладий (Кафаров), архим. Гурий (Карпов), активно участвовали в пополнении библиотеки Духовной Миссии, сокровищами которой, в свою очередь, пользовались как русские, так и зарубежные востоковеды³¹⁸. И. К. Россохин участвовал в формировании коллекции китайских предметов в Кунсткамере. З. Ф. Леонтьевский собрал в Санкт-Петербурге целый кабинет китайских редкостей, включавший в себя портреты, карты, книги, одежду, обувь и т.д. Иером. Алексей (Виноградов) выдвигал предложения просветительского характера: об учреждении в Академии художеств восточного уголка, аналогичного венскому, о посылке русских художников в Китай, о создании под покровительством Академии художеств художественных школ в России³¹⁹. Трудом миссийских ученых середины XIX в. (К. А. Скачкова, Д. А. Пещурова, Г. Фрицше) из Российской обсерватории при Пекинской миссии, которыми собрано значительное число специальных книг и брошюр, русских и иностранных, ими были произведены важные астрономические, топографические и метеорологические исследования, существенно обогатившие российскую и мировую науку³²⁰.

³¹⁸ *Августин (Никитин), архим.* СПбДА и Российская духовная миссия в Пекине: Архим. Гурий (Карпов), 1814–1882 // *Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае.* СПб., 1993. С. 41.

³¹⁹ *Чигринский М. Ф.* Иеромонах Алексей (Виноградов) в Оптиной Пустыни // *Православие на Дальн. Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае.* СПб., 1993. С. 59.

³²⁰ *Векишина Н. М.* Религия, политика и наука в истории российской духовной миссии в Пекине. // *Вестник ВятГУ.* 2018. № 1. С. 35.

Таким образом, можно отметить высокую оценку научных трудов РДМК со стороны советской и современной российской историографии. В советское время научные занятия Духовной Миссии изучались в первую очередь, поскольку по идеологическим причинам ее религиозная деятельность не популяризировалась. Советский подход был несколько ограничен и предвзят в выборе аспектов изучаемой темы, с начала 1990-х и до нашего времени он характеризуется большей объективностью и более широким охватом.

Несмотря на то, что занятия наукой для миссионеров не были приоритетной областью, они велись по целому спектру дисциплин: большей частью гуманитарных, а также естественнонаучных. Миссийские сотрудники – как духовные лица, так и врачи, студенты, художники, приставы, способствовали популяризации китаеведения в России и за рубежом, участвовали в сборе информации и материальной базы по истории, этнографии, религиоведению народов Китая, природоведению его земель. Изданная РДМК литература (переводная и энциклопедическая) способствовала повышению интереса к культуре китайцев в России и вошла в сокровищницу российской и мировой синологии, играя в ней роль и в наше время.

Тем не менее, как отмечают некоторые исследователи, окончательно раскрыть вклад многих из миссийских работников в российскую и международную синологию, еще предстоит в будущем, поскольку тема, долгое время не имевшая приоритетной роли при изучении, нуждается в дополнительной разработке.

ГЛАВА 5. БОГОСЛУЖЕНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК МЕТОДЫ МИССИИ В КИТАЕ

5.1. Православное богослужение и храмостроительство в Китае

Первый православный храм в Пекине появился после поселения албазинских казаков в Северном подворье (Бейгуань). Ранее это была небольшая ветхая кумирня, посвященная богу войны. Император Канси распорядился отдать здание новым поселенцам. Силами албазинской общины кумирня была переделана в православную часовню, где начал служить иерей Максим Леонтьев (уведенный в плен с албазинскими казаками).

В скором времени митрополит Тобольский Игнатий через священника Георгия и дьякона Лаврентия послал все необходимое для освящения пекинской часовни в храм: антиминос, святое миро, богослужебные книги и соответствующую грамоту. Церковь была освящена в 1696 г. в честь Софии Премудрости Божией³²¹.

Неофициально первый православный храм в Китае назывался Никольским, так как там находилась чтимая казаками икона святителя Николая Мирликийского, которую они взяли с собой из острога Албазин.

После смерти отца Максима (в 1711–1712 гг.) албазинцы попросили прислать им нового священника, что было поводом для российского правительства начать переговоры с богдыханом Канси и его императорским двором об отправке 1-й миссионерской экспедиции в Пекин.

Поначалу первые сотрудники РДМК жили в казенных квартирах рядом с Никольским храмом, где время от времени совершали богослужение.

В 1730 г. Никольский храм был разрушен из-за землетрясения, но в скором времени заново отстроен албазинцами и в 1732 г. освящен – но уже не в честь Софии Премудрости Божией, а во имя Успения Божией Матери³²².

³²¹ Николай (Адоратский), иером. История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) ... С. 54–55.

³²² Там же. 126.

В это же время в Южном подворье (Наньгуань), куда были переселены сотрудники РДМК, строится новый храм (1728-1730 гг.) на средства цинского правительства. Согласно донесениям российского дипломата Лоренса Ланга, его возводили местные мастера по китайским технологиям, а образец архитектуры был взят от местного французского храма Бэйтан³²³.

Архимандриту Антонию (Платковскому), начальнику 2-й Миссии, китайские господа советовали, чтобы престольный праздник храма был в 6-м белом месяце, т. е. в феврале, когда в Китае отмечается Новолетие. Учитывая их совет, отец Антоний просил Синод освятить церковь во имя Сретения Господня, на что было получено согласие³²⁴.

Несколько лет духовенство Миссии ожидало от Святейшего Синода выделения средств на обустройство нового храма и благословения на его освящение.

В 1735 г. Синод распорядился выделить 1 тысячу руб. на приобретение церковной утвари и колоколов, а также прикомандировать к сибирскому каравану священника Ивана и иеродиакона Виктора для написания ими храмовых икон.

В декабре 1736 г. Сретенский храм был освящен миссийским и караванным духовенством, и с этого времени Южное подворье становится мужским монастырем РДМК³²⁵.

До середины XVIII в. Миссия владела только Сретенским храмом, а Никольский принадлежал албазинской общине. При этом, по замечанию иеромонаха Николая (Адоратского), отношения между миссийским духовенством и албазинцами были не всегда доброжелательными. В период 4-й Миссии албазинцы не давали служителям РДМК ключи от Никольского храма, да и в целом охладели к православной вере³²⁶.

³²³ Там же. С. 121.

³²⁴ Там же. С. 125.

³²⁵ Там же. С. 154–155.

³²⁶ *Николай (Адоратский), иером.* Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 186–187.

Согласно донесениям в Синод архим. Амвросия, Духовной Миссии удалось обратить в Православие 35 человек, 15 православных албазинцев были обучены славянской грамоте и во время службы пели и читали³²⁷.

В результате новых доверительных отношений Никольский храм был передан в ведение РДМК³²⁸.

Состояние храмов значительно улучшилось в связи с ростом материального обеспечения РДМК, начиная с 10-й Миссии (1821-1830 гг.). В содержании Духовной Миссии от российского правительства появилась отдельная статья расходов на починку ее строений – 500 руб. в год³²⁹. Сдаваемые в аренду пашенные земли и дома Миссии также способствовали поддержанию храмов в должном порядке.

На выделенные средства архимандрит Петр (Каменский) отреставрировал Сретенский и Никольский храмы, в них обновили иконостасы. Некоторые иконы были написаны китайскими художниками в «народном вкусе». Купол Сретенского храма покрыли позолотой³³⁰.

Службы в обоих храмах стали проходить регулярно по воскресным и праздничным дням.

Вместе с тем по ходатайству начальника 10-й Миссии Святейший Синод благословил некоторые изменения в церковном обиходе: при крещении водой обливалась только голова крещаемого, разрешалось в посты употребление молока и масла (кроме Святой Четырнадцатницы)³³¹.

Судя по донесению архимандрита Петра в Святейший Синод от 1 июля 1824 г., первое нововведение было обусловлено тем, что албазинцы отказывались обнажать тело во время Таинства крещения. Послабление же поста было вызвано непривычным сухим климатом и недостатком постных продуктов, традиционных для русской кулинарии, прежде всего: рыбы,

³²⁷ Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 217.

³²⁸ Там же. С. 214.

³²⁹ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай чрез Монголию... С. 7.

³²⁹ Кяхтинский трактат... С. 19–20.

³³⁰ Дацьшен В. Г., Чегодаев А. Б. Архимандрит Петр (Каменский). М., Гонконг, 2013. С. 228–230.

³³¹ Там же. С. 235.

грибов, сухих овощей, кваса и т.д. Без них, по словам архимандрита Петра, пост становился «для здоровья совершенно изнурительным»³³².

При этом РДМК имела большую проблему: службы шли по-прежнему на церковнославянском языке (кроме молитвы «Отче Наш» – ее иногда пели за Литургией на китайском)³³³, который албазинцы не понимали, и это служило препятствием для их реального воцерковления.

Тем не менее, согласно воспоминаниям иеромонаха Николая (Адоратского), посещали воскресные службы преимущественно крещеные албазинки и некоторая часть их детей. Несмотря на увещевания на исповеди и в проповедях, далеко не все мужчины ходили на богослужение. Только на Пасху, Рождество и Успение Божией Матери (престольный праздник албазинской церкви), масса православных наполняла Никольский храм³³⁴.

В период с 14-й по 16-ю Миссию сотрудники РДМК активно принялись за перевод богослужебных книг (о чем будет более подробно изложено в 6-й главе). Одним из начинателей на этом нелегком поприще был иеромонах Исая (Поликин), который свои переводы использовал «сколько потребно для клиросного употребления», перекладывая их на ноты церковных распевов³³⁵.

В дальнейшем обучение клиросному пению крещеных китайцев продолжит иеромонах Николай (Адоратский). В августе 1883 г. при Успенском храме он создал новый хор в 20 человек, который пел на 2-х клиросах – на правом (по-славянски) и на левом (по-китайски)³³⁶.

В 1861 г. произошло важное событие в деревне Дуньдинань, располагавшейся от Пекина в 50 верстах. Там жило 10 православных христиан, которые обратились к иеромонаху Исаяе (Поликину), в то время исполнявшему обязанности начальника Духовной Миссии, с просьбой о

³³² О Пекинской духовной миссии (1818 г.) // РГИА Ф. 796. Оп. 99. Д. 877. Л. 295–295, Об.

³³³ *Гурий (Карпов), архим.* Русские и греко-российская церковь в Китае, в XVII–XIX вв. // Русская старина. СПб., 1884 г. Т. 43. С. 662.

³³⁴ Деятельность Православной Духовной Миссии в Китае // Китайский Благовестник. Пекин. 1912. Вып. 3 С. 8–20.

³³⁵ Из Пекина // Иркутские Епархиальные Ведомости. 1866. №45. С. 508.

³³⁶ Там же. 497.

крещении их жен и детей. В октябре этого года жители деревни приняли крещение от иеромонаха Исаяи. В ноябре здесь была открыта православная школа, в которой преподавал православный китаец Владимир. А 10 марта для жителей деревни была совершена первая Литургия в походном храме в честь святителя Иннокентия Иркутского, который был сооружен на пожертвования местных жителей и кяхтинских купцов³³⁷.

В 1863 г. в свете учреждения Российской дипломатической миссии в Пекине Южное подворье (Наньгуань) перешло в ее ведение, а мужской монастырь Духовной Миссии переместился на Северное подворье с храмом Успения Божией Матери. С тех пор богослужения РДМК стали совершаться священнослужителями в 3-х храмах – Успенского монастыря (Северное подворье), Южного подворья Дипломатической миссии, а также периодически в деревне Дуньдинань.

В период 16-й Миссии (1865-1878) в храмах РДМК стали совершать богослужения на китайском языке на основе переведенного основного корпуса богослужебных текстов³³⁸, а также была введена регулярная практика произношения проповедей миссийскими катехизаторами – выпускниками мужской школы РДМК. В качестве пособия для произнесения проповедей сотрудники 16-й Миссии создали сборник поучений на целый год под названием «Почтения и беседы на дни Воскресные и двенадцатые праздники, в течение годового круга, избранные из разных проповедников»³³⁹.

В конце XIX в. география пастырской деятельности РДМК расширилась за счет появления филиалов российских фирм в важных торговых пунктах Китая, которые в основном были связаны со сбором и продажей кирпичного чая. Так, в рапорте архимандрита Палладия (Кафарова) за 1875 г. говорилось, что иеромонах Геронтий (Левицкий) «командирован

³³⁷ Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 166.

³³⁸ Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение и современная деятельность православной духовной миссии в Китае // Православное обозрение. 1884. Т. 3. С. 8.

³³⁹ Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека и Ученые труды членов Императорской Российской Духовной и Дипломатической Миссии в г. Пекин или Бей-Цзине, (в Китае). СПб., 1889. С. 29.

был к нашим христианам в ... город Тяньцзинь, где проживают несколько русских купцов и стоят наши военные лодки»³⁴⁰.

В городе Калган (200 верст на северо-запад от Пекина) в 1894 г. была построена церковь на средства купца М. Д. Батуева, которую он передал в ведение РДМК. При этом М. Д. Батуев открыл специальный счет в Русско-Азиатском банке, чтобы на получаемые проценты от вклада содержать миссийского священника³⁴¹.

В 1885 г. была открыта церковь Александра Невского в Ханькоу (1500 верст на юг от Пекина), в которую был прикомандирован священник Николай Шастин³⁴².

Судя по отчетам начальника 17-й Миссии архимандрита Амфилохия (Лутовинова), богослужения в храмах за пределами Пекина совершались редко. Например, в отчете за 1888 г. отец Амфилохий сообщал Святейшему Синоду: «В течение отчетного года иеромонах три раза ездил в деревню Дуньдинань... два раза в Ханькоу, где с 1884 г. освящена была каменная церковь...»³⁴³. Очевидно, редкость служб была связана с острой нехваткой сотрудников РДМК из-за новой кадровой политики Синода (о чем было упомянуто в 3-й главе).

В связи с этим становится понятным, почему далеко не все священнослужители РДМК были согласны с решением нового начальника 18-й Миссии, архимандрита Иннокентия (Фигуровского), ввести ежедневное богослужение на китайском языке в Успенском соборе. Не каждый из них хорошо знал китайский язык – на это нужно было достаточное количество свободного времени, что в свете быстрой ротации кадров и исполнения ряда обязанностей, возложенных Синодом, было сложно осуществить. К тому же единственный китайский священник Митрофан Цзи не был способен совершать богослужения из-за тяжелой болезни.

³⁴⁰ Отчет начальника Духовной Миссии за 1875 г. // РГИА Ф. 797. Оп. 46 Д. 141. Л.3.

³⁴¹ *Дацышен В. Г.* Христианство в Китае... С. 128.

³⁴² Там же. С. 78.

³⁴³ Отчет начальника Духовной Миссии за 1888 г. // РГИА Ф. 797. Оп. 6. Д. 3. Л. 5.

Для решения данной проблемы архимандрит Иннокентий подал прошение в Святейший Синод о посвящении 2-х кандидатов из китайцев-катехизаторов в священный сан: Павла Вана в иерея, а Иннокентия Фана в дьякона³⁴⁴.

Новый период в истории храмового богослужения РДМК начался после восстания Ихэтуань, которое нанесло тяжелый урон всему наследию 18-й Миссии. Мятежниками было осквернено православное кладбище в пригороде Пекина, сожжены храмы в Калгане и Дуньдинани, а также Успенский монастырь. При этом самый значительный ущерб заключался в убийстве нескольких сотен ни в чем не повинных православных китайцев.

По благословию Святейшего Синода на территории Успенского монастыря был построен храм Всех святых мучеников в 1903 г., где в его подклете был устроен склеп с останками 222-х китайских мучеников³⁴⁵.

Согласно отчету «Китайского Благовестника», за 1906 год были освящены 4 храма: 1) Преображенский на станции Хайлар, 2) церковь преподобного Серафима Саровского на пекинском православном кладбище, 4) храм святителя Иннокентия Иркутского на миссийском подворье на станции Маньчжурия³⁴⁶.

В 1907 году были заложены храмы: в Харбине в честь иконы Иверской Божией Матери³⁴⁷ и в деревне Дуньдинань в честь святого Евангелиста Иоанна Богослова³⁴⁸.

К 1916 г. РДМК имела 19 храмов и 3 часовни (не считая молитвенных домов в 32-х миссионерских станах), где совершали богослужения и требы 20 миссийских священнослужителей³⁴⁹.

³⁴⁴ Николай (Адоратский), иером. Краткая история... С. 189.

³⁴⁵ Ковалева Е. В. Иннокентий (Фигуровский), митрополит... С. 31.

³⁴⁶ Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1906 год // Китайский благовестник. Пекин. 1907 г. Вып. 7–8. С. 8.

³⁴⁷ Мина Лянь. Рассказ пекинского миссионера. // Китайский благовестник. Пекин. 1907 г. Вып. 5–6. С. 23.

³⁴⁸ Хроника церковной жизни // Китайский благовестник. Пекин. 1907 г. Вып. 7–8. С. 26.

³⁴⁹ Ковалева Е. В. Иннокентий (Фигуровский), митрополит... С. 32.

Таким образом, появление первых православных храмов в Китае было обусловлено поселением пленных албазинских казаков в Пекине в 1685 г. В создании первых церквей принимали непосредственное участие богдыхан и его правительство, которые были заинтересованы как в наличии на службе русских казаков, так и сама РДМК.

До середины XVIII века Миссии принадлежал только Сретенский храм в Южном Подворье, а в период 5-й Миссии (1755—1771) Никольский храм перешел от албазинской общины в ведение архимандрита Амвросия (Юматова).

До начала XIX века миссийские храмы часто находились в плачевном состоянии из-за слабого финансирования РДМК со стороны Синода, не всегда грамотного пользования наличными средствами со стороны начальства Миссии, а также некачественного ремонта миссийских строений местными китайскими мастерами.

Службы в этих храмах проводились по воскресным и праздничным дням, если они не находились в опасном аварийном состоянии. При этом убогое состояние церквей влияло на отношение к сотрудникам РДМК как со стороны албазинцев, так и инославных миссионеров.

В связи с повышением уровня материального обеспечения и с проведением грамотной кадровой политики РДМК в начале XIX века улучшилось и состояние миссийских храмов. При этом православных албазинцев и китайцев сотрудники РДМК стали периодически привлекать к богослужению: лучшие ученики миссийской школы читали и пели на клиросе; иеромонахи Исая (Поликин) и Николай (Адоратский) были регентами китайских хоров в Успенском храме; с 16-й Миссии китайские катехизаторы стали регулярно произносить проповеди за богослужением.

Участие в церковных службах миссийских прихожан, несомненно, являлось одним из эффективных средств их воцерковления, наряду с введением богослужения на китайском языке, также произошедшим в период 16-й Миссии (1865—1878).

Со второй половины XIX века в ведение РДМК появляются 4 православных прихода – в деревне Дуньдинань, городах Тяньцзинь, Калган и Ханькоу. Возникновение этих приходов было связано, главным образом, с появлением филиалов российских фирм в важных торговых пунктах Китая после заключения Тяньцзиньского трактата в 1858 г. В связи с малочисленностью 17-й Миссии службы в этих приходах совершались редко (2-3 раза в год на каждом из них).

В конце XIX века в составе РДМК стали появляться священнослужители из китайцев: священники Митрофан Цзи и Павел Ван, а также дьякон Иннокентий Фан. Это позволило начальнику 18-й Миссии, архимандриту Иннокентию (Фигуровскому), ввести ежедневное богослужение на китайском языке в Успенском соборе.

После восстания Ихэтуань РДМК удалось в короткие сроки не только восстановиться, но и приумножить количество храмов, часовен и молитвенных домов в ходе развертывания миссионерской деятельности во многих провинциях Китая.

5.2. Почитание православных китайских мучеников

До конца XIX столетия РДМК, в отличие от других христианских Миссий, никогда не подвергалась преследованиям со стороны властей и местного населения. Это было связано с отсутствием у православных миссионеров колониальных амбиций и склонности к политическим интригам. Определенного рода ограничения в деятельности РДМК и порой усиленный полицейский надзор (о чем упоминалось в 3-й главе данной работы) были связаны скорее с политикой изоляционизма цинского правительства.

Однако из-за вспыхнувшего восстания Ихэтуань РДМК предстояло пережить тяжелые испытания. Как уже отмечалось во 2-й главе, данное восстание было направлено против иностранного вмешательства во внутренние дела Китая, которое значительно усилилось после Опиумных

войн. При этом мятежники были настроены полностью искоренить христианство в Поднебесной.

Расправы над православными христианами начались в деревне Дуньдинань 25 мая 1900 г. Мятежники сожгли местную церковь, школу и несколько домов на глазах диакона Сергия Чана, которому удалось убежать. По сведениям иеромонаха Авраамия (Часовникова), сотрудника 18-й Миссии, жертвами ихэтуаней стало 9 или 10 жителей деревни³⁵⁰.

На следующий день все сотрудники РДМК укрылись в Посольском квартале (южная часть старого города, где располагалась значительная часть иностранных Миссий), который оборонял международный военный отряд численностью 450 человек. Под защитой отряда оказалось около тысячи иностранцев и 3 тысяч китайцев-христиан³⁵¹.

В Пекине 31 мая начались поджоги кварталов, где жили европейцы, и домов христиан. В ночь на 11 июня мятежники перешли к массовым расправам над христианскими жителями столицы (которых насчитывалось несколько десятков тысяч). Это был день памяти апостолов Варфоломея и Варнавы, поэтому данное событие впоследствии было названо «Варфоломеевской ночью в Пекине»³⁵².

Ихэтуани заставляли местных христиан отречься от Христа под угрозой пыток и жестокой смерти. Многих из жертв выдавали их знакомые, которые симпатизировали повстанцам. В результате некоторые христиане отреклись от своей веры или откупались деньгами, но были и те, кто принял мученическую смерть.

Свидетельство владыки Иннокентия (Фигуровского) красноречиво описывает эти дни: «Еще накануне по улицам расклеены были прокламации, призывавшие язычников к избиению христиан и угрожавшие смертью каждому, кто осмелился их укрывать, в ночь ... боксеры с горящими факелами,

³⁵⁰ *Авраамий (Часовников), иером.* Пекинское сиденье: из дневника члена православно-русской миссии в Китае // Христианское чтение. 1901. № 1. С. 72.

³⁵¹ *Дацьшен. В. Г.* Русско-китайская война 1900 года. Поход на Пекин. СПб., 1999. С. 59.

³⁵² *Поздняев Д., прот.* Китайские мученики // Православная энциклопедия. М., 2019. Т.35. С. 153.

появившись во всех частях Пекина, нападали на христианские жилища, хватали несчастных христиан и истязали их, заставляя отречься от Христа. Многие в ужасе перед истязаниями и смертью отрекались от православия, чтобы спасти свою жизнь, и воскуряли фимиам перед идолами. Но другие, не страшась мучений, мужественно исповедовали Христа. Страшна была их участь. Им распарывали животы, отрубали головы, сжигали в жилищах. Розыски и истребления христиан продолжались и все последующие дни восстания. После разрушения жилищ христиан их самих выводили за городские ворота в языческие кумирни боксеров, где производили им допрос и сжигали на кострах»³⁵³.

При этом часть своей ненависти ихэтуани обратили на зажиточное население столицы, отбирая имущество и сжигая дома тех, кто, как им казалось, «нарушал священный порядок движения духов по городу». Повязав голову красными, черными или желтыми повязками, ихэтуани смерчем проносились по улицам, убивая не только иностранцев и китайских христиан, но и тех китайцев, у которых обнаруживали «западные нововведения»: часы, спички, лампы западного образца. Все телеграфные и электрические линии в Пекине и его окрестностях были обрезаны, железнодорожные пути разобраны, а сама станция неподалеку от центральных ворот Запретного города целиком сожжена³⁵⁴.

Погромы и убийства в столице Китая прекратились лишь в августе 1900 г., после подавления восстания мятежников военной международной коалицией.

Во время восстания ихэтуаней погибло около 32 тысяч христиан (в основном католиков и несколько тысяч протестантов). Согласно поименному списку владыки Иннокентия (Фигуровского), который он представил Синоду, в ходе погромов погибло 222 православных христианина, из них 47 албазинцев

³⁵³ Поздняев Д., *прот.* Православие в Китае // Россия и современный мир. 2001. № 1. С. 177.

³⁵⁴ Калужная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1091). М., 1978.

и 104 китайца. Значительная часть убитых принадлежала к военному сословию – цижэнь³⁵⁵.

Среди погибших стоит упомянуть священника Митрофана Цзи, давнего сотрудника РДМК, и его семью. О. Митрофан был жестоко убит многочисленными ножевыми ранениями у своего дома около 10 часов вечера 10 июня³⁵⁶. Вместе с ним стали жертвами расправы около 70 христиан (в основном женщины и дети), укрывавшихся в его доме. Тела убитых разрубали на куски, поскольку ихэтуани верили, что через три дня христиане могут воскреснуть.

В дальнейшем мятежники жестоко расправились с семьей священника. Его жена, Татьяна Ли, была убита за городскими воротами Андиньмэнь вместе с 19-ю христианами. Старшему сыну Исайе отсекли голову у ворот Пинцэмэнь. Младшему сыну Иоанну, которому было 8 лет, отрезали нос и уши, а затем отсекли голову.

В живых остался только средний сын, Сергей Чан, ставший впоследствии священником³⁵⁷.

Чтобы увековечить память православных христиан, убитых за веру, владыка Иннокентий (Фигуровский) обратился в Святейший Синод с прошением возвести новый храм в честь Всех святых мучеников и установить им празднование в начале июня, на что Синод дал благословение. При этом убиенные были причислены к лику мучеников как местночтимые святые³⁵⁸.

Можно утверждать, что праздник в честь Всех святых мучеников стал одной из наиболее значимых дат Православной Церкви в Китае, при этом он отмечался 2 дня – 10 и 11 июня. Первый день, в который проходили поминальные службы по убиенным, был постным. Во второй день совершались торжественные церковные службы с крестным ходом на места

³⁵⁵ Дацышен В. Г. Христианство в Китае... С. 113.

³⁵⁶ Святые мученики // Китайский благовестник. 1911. Вып. 8. С. 14.

³⁵⁷ Поздняев Д., прот. Китайские мученики... С. 152–153.

³⁵⁸ Дело о необходимости возвращения в Российскую духовную Миссию (1900-1902 гг.) // РГИА Ф.797. Оп.70. Д. 310. Л. 8.

избиения православных христиан, в которых принимали участие все сотрудники РДМК и их православная паства.

В свою очередь храм Всех святых мучеников был построен в 1903 г. на территории Северного подворья. Его архитектура была выполнена в древнерусском стиле, имелся придел в честь святителя Николая Чудотворца на втором этаже.

В подклете храма был устроен склеп для останков убиенных, которые торжественно перенесли в туда после совершения Литургии 10 июня 1903 г. с малым крестным ходом³⁵⁹. На торжественном погребении присутствовало множество православных христиан, где каждый, по словам очевидца, «узнавал имя своего отца, матери, брата...».³⁶⁰ После этого на местах убийства мучеников были совершены Литии.

Вечером того же дня совершалась заупокойная всенощная во главе с епископом Иннокетием (Фигуровским). Попеременно звучало пение на церковнославянском и китайском языках. Проповедь на кафизмах произнес Сергей Чан, средний сын убиенного отца Митрофана, напомнив присутствующим, что испокон веков кровь мучеников была «живительной влагой Церкви Христовой»³⁶¹. А на следующий день, 11 июня, была совершена соборная Литургия с крестным ходом.

Теперь необходимо подвести итог к вышеизложенному. В 1900 г. РДМК пережила значительные потрясения в результате восстания Ихэтуань. С одной стороны, самой тяжелой утратой для Духовной Миссии были сотни убитых православных христиан, при этом многие отреклись от Христа из-за страха пыток и мучительной смерти. Но с другой стороны Православная Церковь в Китае приобрела самое ценное – своих первых мучеников. Их память, отмечаемая ежегодно 10 и 11 июня, стала одной из духовных скреп

³⁵⁹ Праздник православной церкви в Китае в честь святых мучеников // Китайский благовестник. 1904. Вып. 6. С. 12–17.

³⁶⁰ Александров Б. Г. Бэй–Гуань: Краткая история Российской Духовной Миссии в Китае. СПб.: Из–во Альянс Архео, 2006. С.186.

³⁶¹ Цит. по: Известия православной церкви в Китае. Харбин, 1905. Вып. 2. С. 12.

для православных христиан, живущих в Поднебесной, а храм Всех святых мучеников, где были погребены останки убиенных, – символом духовного мужества и православного благочестия.

5.3. Благотворительность Русской духовной миссии в Китае

В сравнении с Миссиями западных исповеданий благотворительная деятельность РДМК была весьма незначительной, прежде всего, из-за ограниченного финансирования деятельности РДМК (особенно в период первых 9-и Миссий).

Иеромонах Николай (Адоратский) отмечал, что иностранные Миссии были прекрасно обеспечены в материальном отношении, что позволяло им вести миссионерскую работу с широкой благотворительностью. Устройство больниц, оказание медицинской помощи, выдача различных денежных пособий, материальная помощь беднейшим и пособия родителям, чьи дети обучались в христианских школах, – все это было, пожалуй, наиболее привлекательными моментами для потенциальных обращенных из китайцев³⁶².

Конечно, из-за возможности получить материальную, медицинскую и даже социальную помощь зачастую китайцы принимали крещение по корыстным мотивам (о чем было упомянуто во 2-й главе данной работы) у католических или протестантских миссионеров, особенно во второй половине XIX столетия. Однако все же необходимо признать, что активная благотворительность западных Миссий приводила к значительному росту числа христиан из местного населения.

В силу ограниченных средств даже в период 18-й Миссии РДМК была вынуждена акцентировать свою миссионерскую деятельность на проповедническом служении и просвещении (в различных его аспектах) для жителей Поднебесной, что требовало значительно меньших денежных затрат.

³⁶² Деятельность Православной Духовной Миссии в Китае // Китайский Благовестник. Пекин, 1912. Вып. 3. С. 8–20.

При этом нельзя утверждать, что благотворительность не была присуща РДМК, даже в начальный ее период.

Не позднее периода деятельности 4-й Миссии (1744-1755) в РДМК было установлено правило выдавать денежное пособие около 1-2 лан серебра (около 40 коп. – 1 руб.) для принимающих крещение «на крест и одеяние». Размер выдаваемой суммы зависел от материального состояния новокрещаемого, который мог быть немного увеличен для малоимущих³⁶³.

В любом случае данное пособие было незначительным по двум конкретным причинам. Во-первых, оно выплачивалось из скромных доходов от сдаваемых в аренду миссийских домов и пашенных земель (при этом основная часть этих средств расходовалась на починку зданий Духовной Миссии).

Во-вторых, у сотрудников РДМК существовало опасение, что из-за солидных для простого населения Китая размеров денежных пособий они будут принимать крещение, по словам архимандрита Николая (Цвета), «не для Иисуса, а для хлеба куса»³⁶⁴. Хотя известно, что по расходно-приходским книгам архимандрит Амвросий (Юматов), начальник 5-й Миссии, выдавал небольшие пособия «...сверх того, при оглашении, больным, бедным и умершим на гроб, также за причащение и бывшим в праздник на обедни, на обед и прочее, а какому числу людей, не указано...»³⁶⁵.

С 1801 г., по предложению ученого-востоковеда А. И. Владыкина (ученика 7-й Миссии), денежные пособия для крещаемых и на угощения посещающим праздничные службы стали выдаваться российским правительством до 300 руб. ежегодно. Чем, естественно, пользовались малоимущие православные албазинцы и китайцы³⁶⁶.

В результате увеличения состава и финансирования РДМК в первой четверти XIX века, благотворительность стала играть более заметную роль.

³⁶³ Николай (Адоратский), иером. Вып. II. История Пекинской духовной миссии... С. 265.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Там же. С. 208.

³⁶⁶ Там же. С. 337.

Так, в учрежденной 1-й миссийской школе для мальчиков выдавалось ежемесячное пособие от 40 коп. до 1 руб. серебром, в зависимости от их прилежания. Правда, по замечанию иеромонаха Николая (Адоратского), эти деньги отбирались родителями, и вдобавок «Беднейшие и слабые из них получали еще ежемесячные и временные пособия деньгами и платьем от духовной миссии...»³⁶⁷.

Более существенным событием в истории благотворительности РДМК стало введение должности врача. К их услугам впоследствии обращались не только именитые чиновники, но бедняки, составлявшие основную массу пациентов.

Первым врачом при Духовной Миссии был О. П. Войцеховский – выпускник Киевской духовной и Медико-хирургической академий. Поначалу его услуги, как представителя европейской медицины, не внушали доверия китайскому населению. Однако после того, как Осип Павлович смог вылечить тяжелобольного китайца-католика Ли Цинвана, он получил общественное признание. К нему стали обращаться представители маньчжурской знати, а затем и простые китайцы³⁶⁸.

Самоотверженный труд Войцеховского спас значительное количество китайцев по время эпидемии холеры, вспыхнувшей в 1820-1821 гг., а также через проведение вакцинации от оспы. Востоковед РДМК В. П. Васильев писал о Войцеховском: «Ни в какое время дня и ночи, ни отдаленность места жительства больного, ни непогода, ни ненастье – ничто не могло удержать его подать руку помощи там, где в ней нуждались»³⁶⁹.

Доверие к услугам миссийского врача еще больше возросло, когда П. Е. Кириллов (сотрудник 11-й Миссии) вылечил мать управляющего врачом приказом И Цзи. В дальнейшем Порфирия Евдокимовича в

³⁶⁷ Деятельность Православной Духовной Миссии в Китае // Китайский Благовестник. Пекин, 1912. Вып. 3. С. 8.

³⁶⁸ Скачков П.Е. Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине // Советское китаеведение, 1958, №4. С. 140.

³⁶⁹ Цит. По: Скачков П.Е. Русские врачи... С. 150.

качестве исключения из правил приглашали лечить китайнок в женскую часть дома; тогда как обычно китайские медики ставили им диагноз лишь по руке больной, высунутой из занавески³⁷⁰.

Участие русских врачей в деятельности РДМК трудно переоценить с точки зрения восприятия последней китайским населением, которое всегда большое внимание уделяло медицине. Так, врач А. А. Татаринов (сотрудник 12-й Миссии) отмечал, что местное население с детства знакомо с классическими медицинскими трактатами, а на улицах Пекина располагалось огромное количество аптек, хотя стоимость лекарств, по свидетельствам жителей столицы, была баснословно высокой³⁷¹.

После учреждения Российской дипломатической миссии (1864 г.) должность врача была выведена из состава РДМК, но это никак не отразилось на ее деятельности, поскольку врач по-прежнему исполнял свои обязанности в Пекине как для сотрудников российских Миссий, так и для местного населения.

С момента учреждения миссийской школы для девочек (1859 г.) в деятельности РДМК начали участвовать русские меценаты. В первые годы существования школы она содержалась сугубо на средства благотворительного фонда при Азиатском департаменте МИДа, организованного по инициативе супруги русского консула в Китае – А. А. Баллюзек³⁷².

В 1904 г. по инициативе владыки Иннокентия (Фигуровского) было создано благотворительное «Братство православной церкви в Китае», в которое вошли все духовные лица Миссии, а также русские меценаты во главе с начальником РДМК. Согласно утвержденному уставу оно было призвано

³⁷⁰ Скачков П.Е. Русские врачи... С. 145–146.

³⁷¹ Силакова С. А. Деятельность врачей при Русской духовной Миссии в Пекине и изучение традиционной медицины Китая // Международный научный журнал. 2019, № 3. С. 67–68.

³⁷² О женском училище для албазинских детей при Духовной Миссии в Пекине (1861 – 1865 гг.) // АВПРИ МИД Ф. 143. Оп. 491. Д. 153. Л. 4, Об.

организовывать школы и просветительские чтения для взрослых, а также «помогать нуждающимся и благотворить неимущим»³⁷³.

С момента основания миссийского братства оно оказывало непосредственную помощь российской армии в Русско-японской войне 1904-1905 гг. С этой целью был образован «Комитет для попечения о больных и раненых и нуждающихся воинах и их семей» с несколькими отделениями в ряде населенных пунктах: Пекине, Маньчжурии, Цицикаре и Ханьдаохэцзы. Известно, что в отделении Маньчжурии существовала больница на 20 мест для раненых солдат, в которую было пожертвовано из средств Миссии 14 тысяч руб., а в Пекине была построена богадельня на 16 человек³⁷⁴.

Кроме открытия больницы, Миссия оказывала материальную помощь пострадавшим в ходе военных действий солдатам. Для этой цели всеми членами Миссии было принято решение удерживать из своего жалования ежемесячно по 5% на нужды раненых и больных солдат. Что касается китайцев, которые состояли в Миссии, то они выделяли по 3% и самостоятельно осуществляли сбор пожертвований для солдат и их семей³⁷⁵.

В свете изложенного можно утверждать, что благотворительность была неотъемлемым аспектом в деятельности РДМК. Она осуществлялась, начиная с первых Миссий, в виде разного рода денежных пособий православному населению Китая, оказания врачебной помощи (с первой четверти XIX века), участия русских меценатов в деятельности РДМК со 2-й половины XIX столетия. Естественно, все это не могло не влиять на положительное восприятие РДМК, и как следствие Православия в целом, со стороны жителей Китая. Благотворительность Духовной Миссии, как выражение христианской деятельной любви, несомненно, в той или иной степени укрепляла в вере православную паству, а также привлекала некоторое количество желающих принять христианство.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Там же. Л.6.

³⁷⁵ Известия православной церкви в Китае. Харбин, 1904. Вып. 2. С. 2.

При этом необходимо признать, что в сравнении с другими иностранными Миссиями благотворительность РДМК была весьма незначительной из-за ее ограниченного финансирования. Что в свою очередь вынуждало РДМК акцентировать свою миссионерскую деятельность на проповедническом служении и просвещении (в различных его аспектах) местного населения.

ГЛАВА 6. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ

6.1. Создание православной литературы для православных жителей Китая

Миссионерская деятельность Православной Церкви среди язычников всегда была тесно связана и переплетена с просветительской. Просветительская деятельность не идентична миссионерской: миссия ставит целью обращение людей ко Христу и церковной жизни, просвещение же носит более светский характер и заключается в прививании народам, среди которых ведется миссия, сопутствующей культуры. Просветительской деятельностью Церкви можно определить ту, которая направлена на развитие как умственных, так и духовных начал общества, на формирование нравственных качеств и патриотических чувств. Некоторые исследователи выделяют три направления просветительской деятельности Церкви: образовательное, воспитательное, научное³⁷⁶. Когда просвещение соединено с миссией, оно несет не только пользу само по себе, но и помогает в усвоении религиозных истин и традиций.

История Церкви в нашей стране не является исключением из общего правила. Крещение Руси привело к существенному повышению уровня грамотности и образования ее населения, занимались просвещением миссионеры в среде финно-угорских и тюркских народов, далее – и азиатских. В случае с Китаем православные миссионеры столкнулись, конечно, не с малоразвитым народом, требующих базового просвещения, однако и эта сфера деятельности требовала внимания сотрудников РДМК.

В связи с тем, что наука и миссионерская деятельность в XVIII столетии не являлись приоритетными задачами для РДМК, ее сотрудниками

³⁷⁶ *Горожанина М. Ю.* Просветительская деятельность РПЦ в казачьих районах Кубани: основные этапы и их специфика. // // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. 2015. № 000(05). С. 41.

предпринимались лишь эпизодические попытки перевода православной литературы на китайский и маньчжурский языки. При этом необходимость переводов религиозной литературы становилась все более очевидной: если первые поколения албазинцев были русскоговорящими, то их потомки полностью ассимилировались среди местного населения, и для их просвещения требовалась соответствующая литература.

Начальник 2-й Миссии, архимандрит Антоний (Платковский) по возвращении в Россию в октябре 1738 г. сообщал в Канцелярию Святейшего Синода, что по приезде в цинскую столицу он с помощью местного учителя обучался китайскому языку для проповеди Слова Божия, с помощью которого перевел для новокрещенных албазинцев Десятисловие³⁷⁷.

Первым полноценным переводом на местный язык можно считать книгу Нового Завета Степана Линовцева, ученика 8-й Миссии (1794–1807). Этот перевод был ориентирован на христиан-маньчжур, проживающих в Пекине. По неизвестным причинам, перевод не получил санкции от Святейшего Синода на издание, однако был издан Британским и Иностраным Библейскими Обществами³⁷⁸.

Несомненно, первопроходцем в профессиональной переводческой деятельности РДМК является архимандрит Иакинф (Бичурин), начальник 9-й Миссии (1807–1821), который, не смотря на эпатажное поведение и весьма неординарный характер, был признан выдающимся основоположником русской синологии.

Помимо множества переводной литературы с китайского языка, ему принадлежит и переводы с русского на китайский. Согласно рапорту отца Иакинфа Священному Синоду от 1809 г. он переводил: 1) «Изложения греко-русского православного учения», 2) Краткую священную историю и 3) некоторые фрагменты Литургии³⁷⁹.

³⁷⁷ Хохлов А. Н. Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг // «Китайское языкознание». VIII международная конференция. Материалы. М., 1996. С. 161. С. 168.

³⁷⁸ Китайская библиотека... С. 26.

³⁷⁹ Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Изд. 2-е, доп. Чебоксары, 2007. С. 59.

В 1810 г. архимандрит Иакинф, в соответствии с желанием митрополита Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова), составил первый православный катехизис на китайском языке «Тяньшэнь хуэй кэ» (Ангельская беседа)³⁸⁰.

Исследователь И. П. Карезина утверждает, что катехизис был изначально создан на китайском языке и являлся компиляцией из католических катехизисов: Франческо Бранкати и, возможно, «Краткого катехизиса католических Миссионеров»³⁸¹. Несмотря на возможную компилятивность, эту работу для миссионерской деятельности РДМК трудно переоценить. Архимандрит Иакинф в своем рапорте Святейшему Синоду писал, что его катехизис православные албазинцы приняли с крайней благодарностью как книгу, «содержащую изложение той самой веры, которую до этого исповедовали они, совершенно не ведая, в чем она состояла...»³⁸².

Необходимо отметить, что первые начинатели РДМК в создании переводной литературы столкнулись с рядом затруднений (не считая проблем чисто организационного характера РДМК):

Переводчики сталкивались с проблемой адекватного перевода христианских богословских терминов на китайский и маньчжурский языки.

Оказалось, что у китайцев было своеобразное отношение к чтению книг: для них крайне важно совершать усилие при прочтении книг, сложность восприятия здесь характеризует книгу положительно. Как вспоминал в дневниках синолог В. М. Алексеев, один старый китаец отзывался о Евангелии следующим образом: «...там обычные вещи, написанные без всякой учености, простым разговорным языком. Я читал – неинтересно, приторно, обыкновенно»³⁸³.

³⁸⁰ Карезина И. П. Катехизис на китайском языке о. Франческо Бранкати как источник катехизиса архимандрита Иакинфа (Бичурина) // Материалы международной научно-практической конференции «Христианство на Дальнем Востоке. Хабаровск. 19–21 сентября 2006. Хабаровск, 2006. С. 31.

³⁸¹ Там же. С. 32.

³⁸² Цит. по: Там же. С. 31.

³⁸³ Алексеев В.М. В старом Китае. Дневники путешествий. 1907 г. М, 1958 г. С. 71.

Оказалось, что «Ученый» китайский язык (вэньянь) не воспринимался народными массами, а простонародный (байхуа) считался недостойным использования при переводе священных текстов.

Новой страницей в истории Православия в Китае является 10-я Миссия (1821–1830). В 1818 г. была принята новая инструкция для последующей деятельности РДМК на основе конструктивных предложений архимандрита Петра (Каменского). В этой инструкции впервые предписывалось не только изучение различных аспектов синологии, но и прямо указывалось «заняться переводом Литургии, молитв, употребляемых при совершении других таинств, катехизиса на китайский или маньчжурский языки»³⁸⁴.

Также необходимо отметить, что начиная с 10-й и до 16-й Миссий (включительно) их начальниками будут назначаться сотрудники предыдущих Миссий. Их накопленный опыт, а также самостоятельный поиск и, в ряде случаев, предварительная языковая подготовка будущих сотрудников окажет значительные результаты на ниве переводческой деятельности РДМК.

Сам архимандрит Петр в 1825 г. составил и перевел на китайский язык «Краткую Священную Историю», содержащую события по книге Бытия, с присоединением родословия Спасителя³⁸⁵.

На ниве переводов православной литературы на китайский и маньчжурский языки трудился и другой сотрудник 10-й Миссии, иеромонах Даниил (Сивиллов). Вместе с учителем Миссии Чэци он перевел следующие книги: 1) Зерцало Православной Веры святителя Димитрия Ростовского, 2) Утренние и вечерние молитвы, 3) Молитвы для верующих, заимствованные из Литургий Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Двоеслова, 4) Краткий катехизис святителя Филарета Московского, 5) Послания апостола Павла, 6) Деяния святых Апостолов, переведены Иеромонахом Даниилом в 1830 г. в литературном среднем стиле.

³⁸⁴ Инструкция Архимандриту Петру, Начальнику 10-й Пекинской Миссии // Китайский благовестник Пекин. 1915. Вып. 13–14. С. 21–22.

³⁸⁵ Шаталов О. В. Архимандрит Петр (Каменский) – начальник 10-й Российской Духовной Миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. Вып.3. СПб., 2001. С. 94.

В 1850 г. православные албазинцы обращались к сотрудникам РДМК и в Азиатский департамент МИДа с просьбой о переводе Священного Писания и богослужебной литературы на китайский язык³⁸⁶, однако только со следующей Миссии развернется активная переводческая деятельность православной богослужебной литературы.

По всей видимости, учитывая просьбы албазинцев, архимандритом Палладием все же был начат перевод Псалтыри. Об этом в «Китайской библиотеке» иеромонаха Алексия (Виноградова), сотрудника 16-й и 17-й Миссий, была сделана следующая запись: «Шэн-юн-цзин» («Псалтырь»), начатая архимандритом Палладием, в ученом высоком стиле, несколько упрощена для Пекинских Христиан трудами о. иеромонаха Исаии и затем архимандрита Флавиана, при котором и издана в 1879 г.»³⁸⁷.

Наиболее продуктивными в области переводов станут последующие 3 Миссии. Среди их сотрудников можно выделить наиболее плодотворных в данном направлении: архимандрит Гурий (Карпов), иеромонах Исайя (Поликин) и архимандрит Флавиан (Городецкий), каждый из которых перевел более десятка книг (главным образом богослужебной литературы) для местного православного населения. Что в свою очередь позволило более эффективно вести просветительскую деятельность для православных албазинцев, а также начать с 16-й Миссии совершать регулярные богослужения на китайском языке.

В итоге к концу 1864 г. был полностью переведен весь Новый Завет с указанием Евангельских и Апостольских чтений в 12 книгах под общим заглавием «Синь и чжао шэнцзин». Перевод был сделан на классический китайский язык. Однако «правильный» классический язык стал препятствием для изучения текста Нового Завета, так как его мог понимать только узкий круг людей – китайская интеллигенция и чиновники и людям.

³⁸⁶ Там же. С. 127.

³⁸⁷ *Алексий (Виноградов), иером.* Китайская библиотека... С. 24.

Несмотря на эту особенность перевода, Новый Завет отца Гурия стал отражением высокого мастерства сотрудников РДМК, он также ценен сам по себе как один из памятников высокой китайской словесности, что признавали даже европейские синологи³⁸⁸.

В 1865 г. из под руки архимандрита Гурия вышли в свет еще две переводные книги, касающиеся Священного Писания: «Исагогика» учителя Вологодской семинарии Алексея Хергозерского под общим заглавием «Шэнцзин си и» (Введение в новозаветные книги св. Писания в вопросах и ответах), и «Указатель евангельских и апостольских чтений на все дни года»³⁸⁹.

Также из вероучительных книг архимандриту Гурию принадлежат следующие книги и переводы:

- 1) «О посте, молитве, исповеди и свят. Причащении»³⁹⁰;
- 2) «Беседа о достойном приготовлении к принятию Св. Тайн»;
- 3) «Зерцало православного исповедания» Святителя Димитрия Ростовского;
- 4) «Краткий катехизис, составленный по Символу Веры»³⁹¹;
- 5) «О четырех духовных подвигах»;
- 6) Наставления духовным детям: «О благочестивой жизни»;
- 7) «О посещении храма», 8) «О поведении перед друзьями»;
- 9) «О крестном знамении и священническом благословении»³⁹².

Кроме того, в «Краткой истории русской православной Миссии в Китае» иеромонаха Николая указывается, что архимандритом Гурием «переведены:

³⁸⁸ *Алексий (Виноградов), иером.* Китайская библиотека... С. 25.

³⁸⁹ Известия Восточного Института. Т.1. Владивосток, 1900. С. 3.

³⁹⁰ *Николай (Адоратский), иером.* Краткая история... С. 144

³⁹¹ Известия Восточного Института... С. 3.

³⁹² *Алексий (Виноградов), иером.* Китайская библиотека... С. 28.

10) Псалтырь, 11) Требник, 12) Служебник, 13) Пространный катехизис, 14) разговор между испытующим и уверенным, 15) Священная история Ветхого и Нового Завета с краткою церковной историей и другие»³⁹³.

Немалую переводческую работу выполнял сотрудник 14-й и 15-й Миссии, иеромонах Исаия (Поликин). После него осталось огромное переводческое наследие в рукописном виде, которое было тщательно собрано и пересмотрено архимандритом Флавианом (Городецким).

Необходимо заметить, что если архимандрит Гурий передавал Евангельский текст не близко к подлиннику и слишком ученым языком, то иеромонах Исаия в переводах старался держаться середины между ученой и разговорной речью. Но к концу жизни он, наоборот, впал в другую крайность — увлекся общепонятным разговорным языком сухуа. При этом, в следствии поспешности переводов, он допустил много неточностей в своих работах³⁹⁴.

Отцом Исаией были осуществлены переводы:

1) «Евангелия на воскресные и праздничные дни» на разговорный пекинский;

2) в 1862 г. им окончен перевод «Шэньюнцзин» (Псалтыри) (при чем, иеромонах Алексей (Виноградов) пишет, что отец Исаия здесь лишь упростил перевод отца Палладия (Кафарова));

3) в 1865 году был переведен «Краткий требник»;

4) в 1866 г. — «Ирмологий».

После этого иеромонах Исаия начал переводы: 5) служебника; 6) а также текстов Всенощного Бдения и Божественной Литургии Иоанна Златоуста³⁹⁵.

7) Кроме того, отец Исаия переложил Великий Канон Св. Андрея Критского в двух вариантах: на литературном и разговорном китайском языках.

³⁹³ Николай (Адоратский), иером. Краткая история... С. 140.

³⁹⁴ Хохлов А. Н. Стажеры и стипендиаты при Пекинской духовной миссии // Православие на Дальнем Востоке. 1993. С. 352.

³⁹⁵ Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека... С. 24–32.

8) Перевел «Молебное пение на новый год и о получении прощения»³⁹⁶.

9) В Отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1868 г. мы находим, что иеромонах Исаия, по предложению начальника 15-й Миссии, занимался переложением Пространного катехизиса святителя Филарета на разговорный китайский язык³⁹⁷.

Также известно, что к 1869 г. иеромонах Исаия перевел: 10) «Историю Христианской Церкви двух веков»;

11) «Сокращенные жития Святых за месяц Январь»;

12) «Жития Святого Пророка Илии и Святой Марии Магдалины»,

13) «О праздниках православной Церкви» протоиерея Григория Сергеевича Дебольского;

14) «Обличительное слово против язычников» Тертулиана³⁹⁸.

К сожалению, отец Исаия (Поликин) рано ушел из жизни – в 40 лет (1871 г.), РДМК потеряла в нем одного из самых активных миссионеров и плодотворных переводчиков на китайский язык.

Начальником 15-й Миссии (1668–1680) снова был назначен архимандрит Палладий (Кафаров).

Одной из приоритетных задач РДМК по-прежнему являлось введение в богослужение китайского и маньчжурского языков. В этом членам Миссии помогали православные учителя Павел Ши и Луна.

В своем отчете за 1876 г. архимандрит Палладий приводит данные о переводческой деятельности членов Миссии: «Иеромонах Флавиан составил при моем содействии на русском и китайском языках краткие изъяснения на Св. Евангелие от Матфея; русский текст их вместе с сим представляется на благоусмотрение Святейшего Синода. Он же кончил перевод на китайский язык великопостных паремий»³⁹⁹.

³⁹⁶ Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение... С. 7

³⁹⁷ Толстой Д. А. Состояние Духовной Миссии в Пекине // Иркутские Епархиальные Ведомости. 1870. №16. С. 191.

³⁹⁸ Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека... С. 28–29.

³⁹⁹ Отчет начальника Духовной Миссии за 1876 г. // РГИА Ф. 796. Оп. 158. Д. 810. Л.2.

Он также поручил иеромонаху Флавиану (Городецкому) составить и перевести на китайский язык краткие комментарии на Евангелие. Отчасти этот труд сделан самим архимандритом Палладием, а закончен уже отцом Флавианом в период 16-й Миссии.

В 1876 г. под наблюдением иеромонаха Флавиана китайский учитель Миссии Иннокентий Фан перевел Паремии на все праздники и Великий пост. Правда, для этого перевода была использована Библия протестантского издания польского еврея Шерешевского, а потому перевод местами серьезно отступал от греческого и славянского текстов⁴⁰⁰.

В марте 1883 г. обновленный состав Духовной Миссии из шести человек организовал слаженную работу по переводу богослужебных книг. Иеромонахи Николай (Адоратский) и Алексей (Виноградов) сопоставляли славянский текст с греческим подлинником. Тщательно проверяя и уясняя себе славянский текст, иеромонахи передавали точный смысл переводимого места на русский язык архимандриту Флавиану (Городецкому), который в простой китайской речи диктовал его отцу Митрофану. Отец Митрофан Цзи, уловив смысл славянского текста, излагал его научным (вень-хуа), но понятным большинству китайским языком. После этого учитель Миссии Осия Чжан редактировал получившийся китайский текст и давал ему правильную грамматическую конструкцию. Переводчик Евмений Юй служил для справок и проверки точного понимания священником Митрофаном и учителем Осией смысла переводимого текста.⁴⁰¹

В итоге, совместными усилиями сотрудников 16-й Миссии были осуществлены переводы в 1883 г.: 1) «Краткое изложение православной веры» настоятеля посольской церкви в Копенгагене протоиерея Николая Ивановича Волобуева;

⁴⁰⁰ Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение и современная деятельность православной духовной миссии в Китае // Православное обозрение. 1884. т. 3. С. 10.

⁴⁰¹ Тихвинский С. Л. История Русской духовной миссии в Китае. М.: 1997. С. 236.

2) «Указание пути в царство небесное» святителя Иннокентия Митрополита Московского;

3) 1884 г. был переведен в 2-х томах Октоих под китайским заглавием — «Чжужи бадяо цзаньцы»;

4) далее они приступили к переводу полных служб всех двенадцатых праздников⁴⁰².

Этим же составом были переработаны и дополнены переводы богослужебных книг отца Исаии (Поликина):

5) молитвословия Страстной и Светлой Седмицы,

6) Пасхи, Литии и Панихиды⁴⁰³.

Также были сделаны переводы тропарей и кондаков святой 7) Четырдесятницы и 8) Пятидесятницы, 9) Октоиха (с богородичными), 10) из общей Минеи молитвы двенадцатых праздников и особо чтимых святых⁴⁰⁴.

В процессе перевода встречалось немало трудностей, прежде всего, касавшиеся богословских понятий, особенно связанных с вероучительными истинами о Святой Троице, Боговоплощении и т.д. В этих случаях помогал «Словарь церковных речений» того же иеромонаха Исаии и архимандрита Палладия, на который в первую очередь и полагались переводчики. Также помогали разные симфонии на Ветхий и Новый Завет, облегчавшие поиск параллельных мест Священного Писания, и разные словари, включая иностранные.

Благодаря Переводческой комиссии РДМК, в 1907 г. были закончены переводы: евангелия от Марка, пространной Священной истории протопресвитера Михаила Богословского, а также «Правило монашеской жизни» епископа Игнатия (Брянчанинова).

В 1913 г. сотрудниками РДМК были начаты работы по: 1) переводу комментария на книгу пророка Иеремии, 2) пересмотру перевода Русской

⁴⁰² Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение и современная деятельность православной духовной миссии в Китае // Православное обозрение. 1884. т. 3. С. 9.

⁴⁰³ Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека... С. 30

⁴⁰⁴ Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение... С. 9.

церковной истории Н. М. Карамзина, 3) пересмотру перевода книги «Каноническое устройство Православной Церкви», которое было составлено для руководства китайскому православному клиру самим епископом Иннокентием (Фигуровским).

В этом же году Переводческая комиссия РДМК выработала оптимальный способ перевода книг, в котором использовался «язык понятный для народа и в то же время не шокирующий интеллигентных людей».

По свидетельству синолога С. Н. Недачина, в течение нескольких лет кропотливой и усидчивой работы этой комиссии были переведены следующие книги новым способом: 1) Новый Завет, 2) комментарии к 4-м Евангелиям, 3) краткий Ветхий Завет, 4) книги Бытия, 5) Исход с комментариями, 6) служебник, 7) Октоих, 8) различные варианты Минеи (краткая, общая, на двенадцать праздников), 11) Триоди постная и цветная, 12) Псалтырь, 13) круг поучений на год, 14) молитвослов, 15) катехизис, 16) канонические правила, 17) русская церковная история, 18) краткая история Китайской Церкви, 19) краткая история Японской Церкви⁴⁰⁵.

Таким образом, переводческая деятельность РДМК за 200 лет ее существования прошла путь поэтапного развития. В XVIII столетии сотрудниками РДМК (архимандритом Антонием (Платковским), учеником Степаном Линовцевым, а также архимандритом Иаканфом (Бичуриным)) осуществлялись переводы на китайский и маньчжурский языки лишь эпизодически.

По мере усовершенствования организационных моментов РДМК, ее переводческая деятельность стала одной из приоритетных, она должна была создать необходимую просветительскую и богослужебную литературу, прежде всего, для православных албазинцев.

В период работы 14-й, 15-й и 16-й Миссий был создан необходимый корпус богослужебных и вероучительных книг на китайском и маньчжурском

⁴⁰⁵ Труды и переводы Пекинской Духовной Миссии // Китайский благовестник. 1931. № 5–6. С. 33.

языках. Наибольший вклад в соответствующие переводы сделали: архимандрит Гурий (Карпов), иеромонах Исая (Поликин) и архимандрит Флавиан (Городецкий).

При этом 16-я Миссия показала наиболее слаженную командную работу. До этого переводы осуществлялась по большей части индивидуальным образом, а здесь 6 сотрудников Миссии (архимандрит Флавиан (Городецкий), иеромонахи Николай (Адоратский) и Алексей (Виноградов), священник Митрофан Цзи, учителя Миссии Осия Чжан и Евмений Юй) отредактировали и перевели 10 книг на весьма высоком профессиональном уровне.

В период 18-й Миссии, не смотря на тяжелые потрясения в начале XX века, переводческая деятельность РДМК достигла максимального развития. Благодаря стараниям владыки Иннокентия (Фигуровского) была создана специальная Переводческая комиссия, которая должна была в командной работе осуществлять переводы и анализ существующих христианских книг на основных языках жителей Поднебесной. Эта комиссия выработала наиболее оптимальные средства перевода на китайский язык, а также произвела переводы более двух десятков книг различной тематики: богослужебной, катехизаторской, исторической, канонического права РПЦ, библейской истории и т.д.

6.2. Издательская деятельность Русской духовной Миссии в Китае

Пожалуй, первой изданной работой РДМК являлся катехизис «Тяньшэнь хуэй кэ» (Ангельская беседа) архимандрита Иакинфа (Бичурина). Он был напечатан в Пекине в 1810 г. по поручению митрополита Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова) в 400 экземплярах⁴⁰⁶.

⁴⁰⁶ Карезина И. П. Катехизис на китайском языке о. Франческо Бранкати как источник катехизиса архимандрита Иакинфа (Бичурина) // Материалы международной научно-практической конференции «Христианство на Дальнем Востоке. Хабаровск. 19–21 сентября 2006. Хабаровск, 2006. С. 31.

Издательской деятельностью в 1860-е годы активно занимался архимандрит Гурий (Карпов), начальник 14-й Миссии. Книгопечатание (вместо принятого до этого переписывания) стала для него делом принципа. Широкое распространение православной литературы по его мнению было необходимо, так как грамотные китайцы «приучены на книгу смотреть, как на что-то священное» и «никем не замечаемый китаец с большой охотой и удобством прочитает книгу и без помехи подумает о написанном»⁴⁰⁷.

Вначале отец Гурий напечатал свой перевод Нового Завета в Пекинской типографии, а затем и другие свои труды: Исагогика Алексея Хергозерского, Указатель евангельских и апостольских чтений на все дни года⁴⁰⁸, История Нового и Ветхого Завета, Требник, Пространный катехизис, Псалтирь, Служебник. Печатание производилось ксилографическим способом и общий тираж книг не превысил 100 экземпляров⁴⁰⁹. Контроль за процессом печати начальник 14-й Миссии осуществлял лично.

Также подвизался на ниве издательского дела иеромонах Исая (Поликин). В 1860-е годы он издал часть своих переводов: Краткий требник, Ирмологий, а также часть молитвословий Всенощного Бдения и Божественной Литургии Иоанна Златоуста⁴¹⁰.

В 1867 г. он издал в столице Китая Русско-китайский словарь разговорного языка (пекинского наречия)» объемом 565 страниц. Книга была издана на средства кяхтинских купцов Ф. Ф. Чемякина и М. О. Осокина, которые были заинтересованы в этом словаре для облегчения коммуникации с местным населением.

Существенное развитие в издательской деятельности РДМК сыграла 16-я Миссия, которая была связана с завершением работы по созданию основного корпуса богослужбных и вероучительных книг на китайском и маньчжурском языках. Самоотверженный труд сотрудников 3-х Миссий (14-

⁴⁰⁷ Отчет начальника Императорской миссии в Пекине (1864 г.) // ОР РНБ Ф. 1457. Оп. 1. Д. 178. Л. 3336.

⁴⁰⁸ Известия Восточного Института. Т.1. Владивосток, 1900. С. 3.

⁴⁰⁹ Николай (Адоратский), иером. Краткая история... С. 140.

⁴¹⁰ Алексий (Виноградов), иером. Китайская библиотека... С. 24–32.

й, 15-й и 16-й) трудно переоценить: их переводческая и издательская деятельность позволила удовлетворить не только богослужebные и просветительские нужды православных жителей Китая, но и других жителей Азиатских регионов (албазинцев, китайцев, маньчжуров, японцев и корейцев).

В общей сложности было издано свыше 20 книг по 100 экземпляров каждая⁴¹¹. Книгопечатание началось в 1884 г., при этом расходы РДМК составили 2 тысячи руб. серебром. Часть изданных книг была послана архимандритом Флавианом (Городецким) в православные Миссии Японии, Туркестана, а также Амурского края⁴¹².

В работе иеромонаха Николая (Адоратского) мы видим следующее высказывание святителя Николая Японского: «Пекинская Миссия – мать Японской, без Пекина японцы неопытны и немь». ⁴¹³ О том же иеромонахе Николай упоминал в письме к архимандриту Палладию. ⁴¹⁴ Японская Миссия получала из Китая Новый Завет на китайском языке, краткую Священную Историю, Катехизис и многие другие книги, как богослужebные так и нравоучительные.

В отчете о деятельности Амурской духовной миссии протоиерея Симеона Боголюбского можно прочесть следующее: «Прежде всего, нужно было позаботиться о средствах духовного общения с маньчжурами. В этом помогла нам Пекинская Духовная Миссия. Через нее выписаны мною из Пекина в значительном количестве экземпляров Новый Завет на маньчжурском языке и разного содержания христианские книги на китайском. Как маньчжурские, так и китайские переводы оказались понятными для амурского, маньчжурского и китайского населения и ими-то и пользуется

⁴¹¹ Отчет начальника Духовной Миссии за 1886 г. // РГИА Ф. 796. Оп. 166. Д. 2269. Л.4.

⁴¹² Официальное извещение епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского Мартиниана начальнику 16-й духовной Миссии архимандриту Флавиану (Городецкому) // РГИА Ф 797. Оп. 6. Д.31. Л. 2.

⁴¹³ *Николай (Адоратский), иером.* Православная Миссия в Китае за 200 лет ее существования. Казань: 1887. С. 16.

⁴¹⁴ См.: Там же. С. 20.

Амурская Миссия для распространения христианских понятий между живущими около Благовещенска язычниками».⁴¹⁵

В 1888 г. был издан большой русско-китайский словарь архимандрита Палладия (Кафарова) и русского дипломата П. С. Попова. Печать велась в Пекине в типографии Тун-Вэн-Гуань, находившейся в соседнем квартале от русской дипломатической миссии, где служил П. С. Попов. Издание этой книги имело большое значение в развитии российско-китайских отношений, так как денежные средства на издание словаря были изысканы общими усилиями чиновников: А. Г. Влангалем (заместителем министра иностранных дел) и И. А. Зиновьевым (начальником Азиатского департамента МИДа)⁴¹⁶.

Следующий этап развития печатного дела РДМК был связан с 18-й Миссией. При содействии российского дипломата А. И. Павлова, дальневосточный предприниматель и меценат А. Д. Старцев пожертвовал РДМК ручной печатный станок в 1897 г. и также помог Миссии открыть переплетную мастерскую⁴¹⁷.

Теперь РДМК имела возможность сама печатать книги, а не заказывать их в посторонних типографиях. При этом принцип работы нового печатного станка был основан на методе набора шрифта (при наличии русского шрифта и до 30 тысяч китайских знаков), а не на ксилографических формах, что позволяло увеличить объем выпускаемых книг РДМК.

Однако в скором времени типография, как и большинство зданий Миссии, была разгромлена в июне 1900 г. ихэтуаньскими мятежниками.

Благодаря усилиям владыки Иннокентия, издательское дело РДМК стало быстро восстанавливаться. В донесении Святейшему Синоду он писал, что «Так как в некоторых книгах чувствовалась неотложная необходимость, то некоторые книги печатались в Шанхае, где начали переиздавать наши книги

⁴¹⁵ Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям». // Иркутские епархиальные ведомости. Иркутск. 1871. № 32. С. 631.

⁴¹⁶ *Пайчадзе С. А.* Русская книга в странах Азиатско–Тихоокеанского региона (Очерки истории второй половины XIX – начала XX столетий). С. 81.

⁴¹⁷ *Дацышен В.Г.* Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг, 2011. С. 131.

еще до моей поездки в Россию, т. е. до восстановления собственной типографии...»⁴¹⁸.

Уже в 1903 г. в стенах Успенского монастыря были отстроены заново как типография, так и переплетная мастерская⁴¹⁹. Руководством печати занялся иеродиакон Никон, который был переведен в Пекин из Троице-Сергиевской Лавры⁴²⁰.

Новая типография РДМК стала печатать полное житие святого Иоанна Златоуста, переведенное учениками катехизаторского училища РДМК по случаю 1500-летнего юбилея святителя⁴²¹.

Кроме богослужебной и религиозно-нравственной литературы, Миссия издавала труды прежних своих членов, причем на многие из их работ впервые было обращено внимание, например: «Описание религии ученых» Иакинфа (Бичурина), «Изложение сущности Конфуцианского учения» Кондрата Крымского, «Брак у китайцев» иеромонаха Александра (Кульчицкого), переводы Павла (Цветкова).

Особо следует отметить второе издание «Трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине», выполненное в 1908–1910 гг. Первое издание стало к тому времени библиографической редкостью. Активно печатала РДМК словари и справочную литературу в помощь миссионерам, вновь приезжающим в Китай.

Известно, что книги Миссии издавались не только в Пекине, но и в Харбине, Шанхае, Ханькоу, Тяньцзине и Порт-Артуре⁴²². Например, в 1904 г. РДМК стала издавать свой первый журнал «Известия православной церкви в Китае» (позже переименован в «Китайский благовестник») благодаря

⁴¹⁸ Цит. по: Там же. С. 176.

⁴¹⁹ Отчет начальника Духовной Миссии за 1903 г. // РГИА Ф. 796. Оп. 184. Д. 5310. Л. 6.

⁴²⁰ Духовная Миссия в Пекине. Беспорядки в ней и жалобы на епископа Иннокентия (1914-1915 гг.) // АВПРИ МИД Ф.143. Оп. 491. Д. 206. Л. 171.

⁴²¹ Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии в прошедшем 1907 году // Китайский благовестник. 1908. Вып. 9-10. С. 2–3.

⁴²² См.: *Пайчадзе С.А.* Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Новосибирск: 1995. С. 84–85.

братству РДМК, которая в свою очередь имела типографию в Харбине⁴²³. В журнале публиковали текущую информацию о жизни китайского общества, научные статьи о миссионерской деятельности в Китае, истории страны, ее религий и философских школ и т. п.

Тематика издаваемой литературы в последние годы рассматриваемого периода данной работы была весьма разнообразна: политическая, религиозная, историческая, географическая и т.д. Авторы книг были не только священники и члены Миссии, но и представители русской интеллигенции.

Среди множества книг, вышедших под грифом Духовной Миссии, следует обозначить некоторые из них: брошюра «Провинции, губернии, округа, уезды и области Китая» (1912 г.); перевод К. Ловцова книги Х. Потта «Очерк китайской истории» (1914 г.); труд И. С. Бруннерта и В.В. Гагельстрема «Современная политическая организация Китая» (1910 г.); работа Д. Фергюсона «Кое-что о китайской банковской системе» (1908 г.) в переводе поручика В. Н. Шаренберга.

Стоит также упомянуть об издании книги Вэй Бо «Русский в Китае и китаец в России: Пособие для русских путешественников в Китае и китайцев - путешественников в России, заключающее в себе самое необходимое в пути» (Пекин, 1911 г.) и «Адресную книжку русских лиц и учреждений в пределах Китая, исключая Маньчжурию», изданную в Пекине в 1905 г. Братством православной церкви в Китае⁴²⁴.

Значительную долю издаваемой литературы составляли словари, т.к. уровень синологических исследований при Миссии был достаточно высок. Например, в 1909 г. епископом Иннокентием был выпущен «Полный китайско-русский словарь» в двух томах. В нем содержалось 16926

⁴²³ Определение Синода об издаваемом в Пекине журнале (1904 г.) // РГИА Ф. 796. Оп. 185. Д. 5912. Л.3.

⁴²⁴ См.: *Пайчадзе С.* Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Новосибирск: 1995. С. 84–85.

иероглифов и 160 тысяч их сочетаний. При составлении этого словаря были использованы труды архимандрита Палладия и П.С. Попова⁴²⁵.

Таким образом, первое издание РДМК (катехизис Иакинфа (Бичурина)) вышло в начале XIX века. Полноценная издательская деятельность началась в период 14-й Миссии (1858—1864) и была связана, главным образом, с переводами минимального корпуса богослужебных и вероучительных книг на китайском и маньчжурском языках. При этом данная литература имела важное миссионерское значение не только для РДМК, но и других православных Миссий в Азиатских регионах.

До периода 18-й Миссии печать производилась в пекинской типографии Тун-Вэн-Гуань методом ксилографии на средства РДМК.

В конце XIX века у РДМК появилась своя типография и переплетная мастерская. Не смотря на практически полное уничтожение Духовной Миссии во время восстания Ихэтуань, стараниями владыки Иннокентия (Фигуровского) издательское дело было восстановлено в короткие сроки и в дальнейшем стремительно развивалось.

До конца исследуемого периода РДМК издавала книги разнообразной тематики (политической, религиозной, исторической, географической и т.д.) как в столице Китая, так и в некоторых ее провинциях.

Также необходимо отметить, что в истории дореволюционной издательской деятельности РДМК особое значение имело издание словарей, в котором принимали участие сотрудники МИДа и русские предприниматели в Китае. Несомненно, эти словари отражали многолетний опыт и знания выдающихся ученых РДМК и поэтому были весьма ценным пособием как для востоковедов, так и для тех, кто участвовал в развитии российско-китайских отношений.

⁴²⁵ Отчет о состоянии Пекинской духовной Миссии за 1907 год // Китайский благовестник. 1908. Пекин. Вып. 9. С. 2.

6.3. Институт образовательных учреждений Русской духовной миссии в Китае

Начало развития института образовательных учреждений РДМК было положено 10-й Миссией. Согласно инструкции от 1819 г., новая миссионерская экспедиция должна была учредить школу для албазинских мальчиков и учить их за счет средств РДМК. На это Духовной Миссии выделялось по 1 тысяче руб. ежегодно⁴²⁶.

В результате 1-я приходская школа РДМК была открыта в Северном подворье для 10-и мальчиков. Она находилась под руководством начальника Миссии архимандрита Петра (Каменского), в которой преподавал он сам и иеромонах Вениамин (Мочаревич). Основными предметами в школе, помимо преподавания религиозных основ, были: чтение, письмо, арифметика, а также пение. Чтением и пением с албазинскими школьниками занимался (ученик РДМК) Г. М. Розов⁴²⁷.

В декабре 1842 г. Святейший Синод предписал обучать албазинских мальчиков русскому языку, причем не только в целях проповеди Православия, но и в чисто политических: «чтобы через них можно было получать сведения о Китае»⁴²⁸.

Под руководством отца Гурия (Карпова), в то время сотрудника 12-й Миссии, албазинские мальчики в школе начали изучать русский язык, чтение по-церковнославянски и церковное пение. На этом поприще отец Гурий достиг немалых успехов, «На рождественских святках в 1843 г. хор албазинских учеников, руководимый отцом Гурием, пел в Сретенской церкви, вызывая всеобщий восторг и слезы умиления»⁴²⁹. В результате ученики миссийской школы были допущены к чтению в церкви за богослужением по церковно-славянски.

⁴²⁶ См. Инструкция Архимандриту Петру, Начальнику 10-й Пекинской Миссии // БК. Пекин. 1915. Вып. 13–14. С. 21–22.

⁴²⁷ Николай (Адоратский), иером. Краткая история... С. 111.

⁴²⁸ Там же. С. 117.

⁴²⁹ Там же. С. 118.

Основные методы учебного процесса, заложенные во время 10-й и 12-й Миссий, сохранялись практически без изменений вплоть до 60-х гг. XIX века. Правда школа периодически закрывалась и открывалась снова. Отец Гурий (Карпов) был свидетелем как школа закрывалась дважды, в период 12-й и 14-й Миссий. Согласно его воспоминаниям, первый раз школа была закрыта из-за того, что «русские требовали прилежания, то училище осталось пустым, ни один албазинец не хотел посещать его»⁴³⁰.

Второй раз школа была закрыта из-за того, что албазинские дети обокрали миссийскую церковь. По свидетельству архимандрита Петра: «В мое время снова открыто было училище; я взялся было выучить нескольких мальчиков церковному чтению и пению. Пока я давал деньги, платил за то, что они учились у меня, дело шло довольно успешно. В два года мальчики привыкли читать и петь в церкви. Мне удалось им растолковать, и они поняли и разбирали партитуру; но как-то нужно было наказать их за неисправность, я лишил их обыкновенной праздничной награды, а они постарались вознаградить себя за такой убыток, и чем же? Обокрали церковь! С этих пор, вот уже год – училище закрыто и кажется надолго, если не навсегда. Албазинцы совершенно окитаились; кроме обличья и какой-то отваги, в них русского ничего не заметно»⁴³¹.

Таким образом, воспоминания архимандрита Гурия свидетельствовали о глубокой комплексной проблеме воцерковления детей, чьи родители принадлежали к простому военному сословию и потому не были приучены к культуре книжности и образования. Оно им было не нужно, так как они итак находились на регулярном содержании, хоть и не большом, от цинского правительства. Сами родители албизинских детей знали о православном вероучении на весьма поверхностном уровне и поначалу не имели особого рвения к религиозному самообразованию, чему немало способствовали

⁴³⁰ Русские и греко-российская церковь в Китае в XVII–XIX вв. // Русская старина. СПб, 1884 г. Сентябрь. Т. 43. С. 658.

⁴³¹ Там же.

бесчинства сотрудников первых 9-й Миссий. Однако после образования приходской школы у них постепенно стал появляться и соответствующий интерес: в период 13-й Миссии они изъявили желание читать Священное Писание на понятном для них языке, а в период 14-й Миссии они даже обратились в Азиатский департамент МИДа с просьбой ввести богослужение на китайском языке⁴³².

Поэтому в первые десятилетия существования миссийской школы единственным стимулом посещаемости занятий было скромное пособие для школьников, в которых родители были заинтересованы, однако и оно не всегда было эффективным средством.

Для того чтобы изменить данную ситуацию коренным образом, было необходимо решить несколько задач: проводить регулярные катехизаторские беседы для взрослых (особенно перед крещением), переводить основную православную литературу, начать вести богослужение на понятном для албазинцев языке. В таком случае у родителей мог появиться естественный интерес к реальному воцерковлению, и в новой семейной церковной атмосфере дети стали бы посещать школу и без денежных вознаграждений.

Катехизаторские беседы для взрослых более или менее стали проводиться с 10-й Миссии; а все остальное требовало немалых усилий многих сотрудников РДМК, и только в период с 14-й по 16-ю Миссию удастся решить эти задачи.

С 60-х гг. XIX века (период 14-й миссии), когда паства РДМК в Пекине несколько расширилась за счет живущих в непосредственной близости от Миссии китайцев и маньчжур, стало возможным и увеличение числа учащихся за счет последних. В середине ноября 1861 г. в деревне Дундинань была открыта православная школа, в которой стали обучаться 6 мальчиков и 1 девочка. Им руководил один из жителей этой деревни по имени Владимир, в детстве обучавшийся в течение 2-х лет в Пекинской школе. Идея открытия

⁴³² Николай (Адоратский), иером. Краткая история... С. 127.

школы и назначения ее преподавателем Владимира принадлежала члену РДМК иеромонаху Исайте (Поликину), который крестил жителей деревни по их просьбе. Владимир обучал детей молитвам, грамоте и письму, а также использовал в учебном процессе несколько книг, переведенных архимандритом Гурием (Карповым): «Краткая священная история» и «Зерцало православного исповедания»⁴³³.

В 1859 г. была создана 1-я школа для албазинских девочек на средства частных пожертвований, которые были собраны супругой российского консула в Китае – А. А. Баллюзек. Указом МИД она была назначена начальницей женского училища, и в дальнейшем содержание школы предполагалось осуществлять через фонд меценатов от Азиатского департамента МИДа⁴³⁴.

Помимо указанного источника средств в 1861 г. императором Александром II и императрицей Марией Алексеевной было пожаловано на нужды школы для девочек 2 тысячи руб., которые позволили школе более или менее достойно просуществовать несколько лет.

Тем не менее, отпущенные средства были не столь значительны, чтобы иметь большое помещение и содержать большое число учениц. Поначалу учениц было около 13, которым, так же как и мальчикам выплачивалось ежемесячное пособие в размере 2-х рублей.

Довольно полную и достоверную картину деятельности женской школы дает отчет от 1 января 1862 г. А. А. Баллюзек директору Азиатского департамента МИДа Н. П. Игнатьеву:

«При приезде моем в Пекин я застала в училище 14 девочек, при мне поступило в него 4: Агафья и Акулина Хой, Дарья Хоа и Унюр-Хоан. Последняя - дочь язычников, изъявивших желание креститься. При училище по-прежнему состоят три учительницы: Марья Суй, Мелания, сестра ее и

⁴³³ Письма об успехах Православия в Китае // Иркутские Епархиальные Ведомости. 1863. № 19. С. 274.

⁴³⁴ О женском училище для албазинских детей при Духовной Миссии в Пекине (1861 – 1865 гг.) // АВПРИ МИД Ф. 143. Оп. 491. Д. 153. Л. 4, Об.

Евфимия, двоюродная сестра первых; все три - христианки и албазинки, и всеми ними тремя я очень довольна.

До сих пор девочкам преподавали Священную историю, Ветхий и Новый Завет, Катехизис и китайскую грамоту - это классы дообеденные. После обеда их занимают рукоделием. Дети учатся не машинально, не наизусть – стараются более объяснять предметы, знакомить их с ними, так чтобы они усваивали себе правила, истекающие из Христианской религии, а не вытверживали одни изречения, смотря на них как только на урок и на мертвые языки...»⁴³⁵.

В этом же отчете сообщается, что родители охотно приводят своих дочерей в школу, забыв о прежнем недоверии к сотрудникам РДМК, но при этом существует проблема в недостатке места и средств для обучения⁴³⁶.

После отъезда А. А. Баллюзек из Пекина в 1862 г. наблюдение за женским училищем было передано начальнику РДМК архимандриту Гурию (Карпову), и с тех пор светских лиц в руководстве школой не было.

Архимандрит Гурий, взявший на себя частичную материальную поддержку школы, считал это учреждение весьма полезным с точки зрения распространения христианства и делал все возможное для ее поддержания. В сообщении Н. П. Игнатьеву о состоянии дел в женской школе он выражал уверенность в том, что по мере ее развития женская школа будет играть заметную роль в деле просвещения и поддержания в православной вере женщин из местного населения⁴³⁷.

После прибытия в Пекин новой 15-й Миссии (1865–1878 гг.) ее начальник архимандрит Палладий (Кафаров) обратился к обер-прокурору Синода с ходатайством о необходимости радикального преобразования школы для девочек и об увеличении средств на его содержание. Результатом стало постановление Синода о выделении пособия женскому училищу в Пекине в

⁴³⁵ Там же. Л. 17–19, Об.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Там же. Л. 19, Об.

размере 2 тыс. руб. в год, что было утверждено его Императорским Величеством 21 сентября 1866 г. В том же году на женскую школу было собрано частных пожертвований в генерал-губернаторстве Восточной Сибири 1109 руб.

При этом прошение архимандрита Палладия о назначении начальницы училища из числа русских дам было отклонено за неимением средств на выплату требуемого оклада в 1500 руб⁴³⁸.

Таким образом, финансовое положение женской школы при РДМК в Пекине стало несколько более определенным, однако, по существу, ее состояние осталось на прежнем уровне.

В последующие годы воспитанием девочек по-прежнему занимались учительницы из православных албазинок, а общее руководство школой осуществлялось начальником РДМК. Значимой частью образования (помимо чтения и изучения китайского языка) являлось изучение основ православной веры. При этом такие предметы, как катехизис и Священное Писание, преподавались учителями-китайцами – выпускниками мужского училища РДМК. В свободное от основных занятий время девочки факультативно могли заниматься русским языком. Немалое время отводилось под обучение рукоделию и ведению хозяйства.

В 1868 г. школа для мальчиков была реорганизована, и учащиеся разделены на два класса. В первом, самом многочисленном, остался прежний способ обучения. В нем сотрудник Миссии преподавал русскую грамоту и церковное пение, под его руководством китаец Павел Ши вел обучение китайской грамоте, письму и изучению православных руководств на китайском языке. Во второй, старший класс, выбраны четыре лучших ученика 16-17 лет и им на смену несколько даровитых мальчиков 10-13 лет. Над образованием старших учеников трудился один из членов духовной миссии – китайский ученый Лун. Павел Ши преподавал объяснения пространного

⁴³⁸ Там же. Л. 43, Об.

катехизиса, а Лун знакомил учеников с правилами китайской словесности и занимался с ними письменными упражнениями. В течение одной недели ученики писали по два сочинения: одно в духе китайской учености, другое на христианскую тему.

В период 16-й и 17-й Миссий (1879–1896) школы продолжали существовать без каких-либо радикальных изменений. Общее руководство лежало на начальнике РДМК, однако, преподавателями все чаще становились выпускники миссийских школ.

Обучение в школах производилось по традиционному звуковому методу с заучиванием нараспев китайских иероглифов на отдельных карточках, народных китайских пословиц и философских афоризмов. В мужской школе также занимались чтением книг классической национальной литературы. Преподавание религиозных дисциплин велось по переводам сотрудников Духовной Миссии. Ученики привлекались к участию в церковных богослужениях. Некоторые из выпускников училища становились переводчиками при РДМ⁴³⁹.

К концу XIX в. при РДМК училось около 50 детей. В 1892 г. Святейший Синод по просьбе архимандрита Амфилохия (Лутовинова) разрешил посылать в Иркутскую духовную семинарию лучших выпускников миссийской школы, которым выдавалась стипендия от Святейшего Синода⁴⁴⁰.

После восстания Ихэтуань наступил новый период в сфере образовательных учреждений РДМК. Хотя все миссийские школы были уничтожены мятежниками, владыке Иннокентию (Фигуровскому) удалось не только их восстановить, но и развернуть сеть учебных заведений в Пекине и многих провинциях Китая.

В 1907 г. при РДМК была образована духовная семинария, куда поступали лучшие ученики мужской школы с целью подготовки

⁴³⁹ Циперович И. Э. Академики–востоковеды Эдуард Шаванн (1865–1918) и Поль Пеллио (1878–1945) // Петербургское востоковедение. Вып. 9. 1997. С. 455.

⁴⁴⁰ Там же. С. 178.

катехизаторов и священников. Здесь семинаристы изучали наряду с богословием – церковную историю, всеобщую историю, китайскую историю, китайских классиков, физику и географию. Церковное пение китайцам преподавал родной брат владыки Иннокентия, священник Павел Фигуровский⁴⁴¹.

Поскольку Миссия остро нуждалась в катехизаторах для намеченных планов епископа Иннокентия, подготовка китайцев в семинарии занимала всего 1 год, после чего они сразу распределялись для ведения миссионерской работы в различных местах Китая. Лишь к 1914 г. в семинарии было введено трехгодичное обучение.

В начале XX века владыка Иннокентий (Фигуровский) принялся образовывать в провинциях Китая так называемые миссионерские станы (небольшие катехизаторские школы), которые должны стать эффективным средством для распространения Православия в Поднебесной. Преподавателями в них были, как правило, православные китайцы – выпускники мужской школы и семинарии при Миссии.

При этом необходимо отметить, что жители китайских провинций были заинтересованы в открытии бесплатных школ для их детей, что служило одним из эффективных средств распространения Православия в Поднебесной.

Одним из первых станов появился в селении Фынкоу в 1907 г. Здесь открылась школа, в которой преподавали монах Антоний и воспитанник Миссии – учитель Иван Гао. К сожалению, в 1912 г. школа закрылась из-за постепенного охлаждения местных китайцев к вере⁴⁴².

Постепенно открывались станы и в других селениях, например: в провинции Хэнань миссионерские станы разворачивались в городах, расположенных вдоль линии железной дороги Пекин – Ханькоу: Вэйхуэйфу,

⁴⁴¹ Дацзышен В.Г. Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг, 2011. С. 127.

⁴⁴² Корреспонденция // Китайский благовестник. Пекин, 1907. Вып. 5-6. С. 25–26.

Кайфыне, Чжандэ (с 1909 г.)⁴⁴³; в провинции Хубэй были открыты школы в селениях Дафуцзе и Синькоу (в 1911 г.), Лоуцзуй и Лугуаньмяо (в 1912 г.).

Не смотря на то, что материальное положение РДМК все более укреплялось в начале XX века, тем не менее, ее сотрудники не имели достаточное количество финансовых средств, что бы регулярно посещать все открывавшиеся станы. Из-за чего иногда происходили переходы православной паствы в протестантство или католицизм, поскольку европейские проповедники обладали большими средствами и проявляли большую активность.

Зачастую наиболее жизнеспособными оказались те станы, которые были основаны по инициативе местных жителей и/или получали от них материальную поддержку. Так, например школа в городке Сяньтяочжэнь получила финансирование от местных православных торговцев Евгения и Капитона Чэнь⁴⁴⁴. В Нинлинсяне основателем православной школы стал местный учитель Се Юйчэн. До сорока лет он не имел детей, от чего безмерно страдал. По совету знакомых стал молиться христианскому Богу, и вскоре у него родился сын. Под влиянием происшедшего учитель обратился в Православие и основал школу в 1909 г.⁴⁴⁵ Основатель стана в Кайфыне Матфей Хуан, еще в бытность свою учителем китайской традиционной школы через протестантов ознакомился с Библией. Оказавшись без работы, некоторое время посещал православные проповеди в Вэйхуэйфу. Потом решил вместе с сыном, оставившим службу писца в губернской канцелярии, открыть стан в Кайфыне в 1907 г.⁴⁴⁶

Несмотря на трудности в просветительской деятельности, связанных с недостатком материального обеспечения, холодностью и переменчивостью многих китайцев в вопросах веры, конкуренцией с католиками и

⁴⁴³ Отчет о состоянии Шанхайского отделения за 1916 год // Китайский благовестник. Пекин, 1917. Вып. 1–2. С. 9.

⁴⁴⁴ Там же.

⁴⁴⁵ Отчет Павла Тань о поездке в Ханьчжоу // Китайский благовестник. Пекин, 1908. Вып. 23. С. 29.

⁴⁴⁶ Там же. С. 30.

протестантами, станы РДМК оказались настоящим прорывом в развитии образования в Китае для местных жителей. В 1914 г. во всех станах обучалось 423 ученика, в среднем от 9-и до 24-х учеников в каждом стане. Подавляющее большинство преподавателей составляли китайцы⁴⁴⁷.

По отчету за 1916 год РДМК имела миссионерские станы в 32-х населенных пунктах, Пекинскую семинарию, 18 мужских и 3 женских школы⁴⁴⁸.

Таким образом, институт образовательных учреждений РДМК стал развиваться в начале 1820-х гг. Первые школы для мальчиков и девочек функционировали не без затруднений, которые были связаны с недостаточным финансированием и отсутствием изначальной заинтересованности албазинцев и их детей в религиозном образовании. Последнее в свою очередь было обусловлено изначальным недоверием к сотрудникам РДМК в свете непотребного поведения многих сотрудников первых миссионерских экспедиций, отсутствием православной литературы и богослужения на китайском языке.

Тем не менее, в период 10-й, 12-й и 14-й Миссий были заложены основы образовательного процесса, в котором выпускники школ стали постепенно занимать ключевую роль в качестве школьных преподавателей. Школы существовали как на средства РДМК, так и за счет частных жертвователей.

После восстания Ихэтуань институт образовательных учреждений РДМК переживает свой расцвет. Была основана Пекинская семинария, ориентированная на обучение будущих катехизаторов и священнослужителей. Были образованы многочисленные миссионерские станы, в которых преподавали выпускники миссийской мужской школы и Пекинской семинарии. При этом жители провинций Китая были заинтересованы в

⁴⁴⁷ Отчет о поездке в провинцию Хэнань для образования станов Миссии (сентябрь 1914 год) // Китайский благовестник. Пекин, 1914. Вып. 17-18. С. 25.

⁴⁴⁸ Православный благовестник. М., 1917. Май–декабрь. С. 182.

организации бесплатных школ, что служило веским основанием для активного развертывания миссионерских станов РДМК.

Несмотря на определенные проблемы с финансированием миссионерской деятельности, а также не всегда постоянный интерес китайцев к Православию, количество православных школ при РДМК продолжало увеличиваться в многочисленных провинциях. Они функционировали во многом благодаря самоотверженному и зачастую бескорыстному труду китайских православных учителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошлое РДМК открывает перед исследователем целый ряд вопросов, которые необходимо осветить для понимания феномена Православной проповеди в Китае в XVIII–XX вв. Эти вопросы можно разделить на несколько крупных блоков, каждый из которых раскрывает свою сторону проповеднической деятельности. Все они были рассмотрены в рамках данной диссертации и выводы, полученные в результате исследования, нуждаются в резюмировании.

Исследование истории РДМК показало, что ее организация и развитие было чрезвычайно тесно связано не только с собственно миссионерскими задачами. Дипломатическая работа являлась важной частью деятельности православного представительства в Китае. Это обстоятельство обуславливало особый колорит миссионерской деятельности. Оценить однозначно дипломатический аспект в деятельности РДМК нельзя. С одной стороны, исполнение представительских политических функций ограничивало широту деятельности миссионеров: крайне консервативное китайское правительство рассматривало деятельность православных миссионеров как фактор иностранного, русского, влияния на своей территории. С другой стороны, именно государственная поддержка закладывала фундамент стабильной миссионерской деятельности. От нового чужеродного культа, не поддерживаемого какой-то значительной политической силой, императорскому правительству избавиться было бы очень просто, в том числе и силовыми методами. С миссией, за спиной которой стояло другое государство, осуществить тоже самое было бы крайне сложно. Показательно, что за почти двухвековую историю РДМК угроза физической расправы нависла только однажды в рамках восстания боксеров.

Важное значение в успешности работы миссионеров имел способ организации и методы подбора кадров для служения в Китае. Изначально, на Миссии лежали не только религиозные, но и политические задачи. И если сразу после своего учреждения они способствовали развитию РДМК,

поскольку привлекали внимание китайцев по служебным делам, не религиозного характера, что само по себе уже служило началу диалога и взаимного познания. Вместе с тем, и Российское правительство год от года активно пеклось о материальной составляющей РДМК. Однако к концу XVIII столетия положение меняется и Миссия начинает тяготиться дипломатическим статусом из-за торможения религиозной проповеди.

Организация РДМК, представляющая собой коллектив тружеников разного иерархического статуса и разного уровня образования, с одной стороны выглядит предельно логичным и взвешенным, с другой – вызывает массу вопросов. По-видимому, китайское направление церковного, да и государственного служения не пользовалось популярностью в Российской империи, поэтому единственным способом иметь в Поднебесной постоянное представительство было сделать его временным для личного состава. Анализ жизненного пути бывших сотрудников РДМК показывает, что стимулом для поездки в Китай была перспектива карьерного роста после возвращения. Вместе с тем, очевидно, что такое решение проблемы порождало серьезную проблему в виде отсутствия преемственности в опыте служения среди миссионеров. В то время как опыт в деле проповеди представляется едва ли не определяющим фактором в достижении успеха.

Последнее обстоятельство указывает и на несовершенство кадрового состава. Вместе с блестящими учеными, составившими основание изучения Китая не только в России, но и за рубежом, ярких проповедников, которые были бы готовы посвятить свою жизнь работе в РДМК, к сожалению, не нашлось. Кроме того, очередные миссии были сравнительно небольшими по составу. Если же учесть, что среди них были «светские» специалисты, вроде врачей и профессиональных дипломатов, то количество активных проповедников становится еще меньшим. Наконец, сложные условия, как в климатическом, так и в психологическом плане, часто выбивали сотрудников РДМК из работы.

Конечно, вопрос личности проповедника – один из самых сложных в миссиологии. Тот, кто несет слово Божие должен обладать колоссальным количеством положительных черт. Воспитать такого человека в полной мере, похоже, невозможно. Поэтому в кадровом отношении успех миссии всегда определяется Божиим благоволением.

Первая важная сторона для миссионерской работы – теоретическое осмысление почвы, на которой необходимо нести служение. Эта часть миссионерской деятельности в Китае оказалась связана с научными исследованиями.

Определение культурных, социальных, политических и экономических особенностей существования сообщества – первый шаг для понимания каждой отдельной души, с которой придется говорить. Если же разговор идет о такой сложной стране как Китай, то здесь прибавляется и необходимость знания языка. Сравнивая современную информацию о состоянии Китая со времен проникновения на его территорию первых христианских проповедников и исследования русских миссионеров об истории и культуре Китая, можно прийти к выводу, что в целом их знания верно отражали действительную картину. Впрочем, это обстоятельство не всегда верно направляло усилия проповедников. Китай отличала жесткая общественная стратификация, в основе которой лежал не столько принцип родовитости, сколько образованности и факта служения государству. При этом чиновничество в народе было развито достаточно сильно. Вместе с этим, китайцы ценили грамотность и традицию. При фактическом отсутствии индивидуализированного божества, религиозная жизнь в Китае определялась рядом правил духовно-нравственного характера, а наличие иного мира понималось как почитание предков.

Православные миссионеры, как следует из их культурологических исследований, популярных текстов, написанных специально для китайцев, и подхода к проповеди, верно поняли приоритеты в культурной и религиозной составляющей. В дальнейшем поминовение мертвых играло важную роль, а в

Православном учении подчеркивалась его гармоничность и согласие с природой. Разумеется, основы триадологии, христологии и сотериологии при этом искусственно не затушевывались. При этом войны с идолами православные миссионеры никогда не устраивали, предполагая постепенное переучивание китайцев в отношении религиозных ценностей. Вероятно, в таком подходе православные миссионеры могли руководствоваться опытом католической миссии, начавшейся в Китае еще с XVII в. в лице Маттео Риччи и его сотрудников. Именно Риччи первым предложил подход проповеди через культуру. Научно доказывать преемственность взглядов иезуитских миссий и русских проповедников в данной работе не предполагалось, поскольку это уже историческое исследование, а не практическое.

Изъян в теоретическом осмыслении окружающей действительности со стороны православных миссионеров все же мог быть. Он касается социальной составляющей. Проповедь главным образом сосредотачивалась на простом населении: крестьянах, ремесленниках, мелких торговцах. Обращения образованных китайцев происходили нечасто. В то время как работа с представителями верхушки социума при китайском чиновничестве могла дать более обильный и прочный результат. Такое умозаключение можно сделать, сравнивая православную миссию с католическим опытом проповеди. Разумеется, объяснения этому могут быть иные. Например, изначальная нехватка ресурсов для проповеди как материального, так и интеллектуального свойства, ибо снабжение РДМК далеко не всегда было подходящим.

Просветительские учреждения РДМК были направлены на укрепление или развитие веры в уже заинтересовавшихся христианством китайцах. Несмотря на то, что образовательные учреждения создавались уже XVIII в., стать действительно институциональными они смогли только в следующем столетии. Это указывает на отсутствие на начальном этапе деятельности РДМК достаточного количества достаточно заинтересованных, готовых к серьезному изучению Православия китайцев. Просветительская работа, таким образом, являлась вторым этапом проповеди христианства и одновременно

показателем укорененности вновь пришедших к Церкви. Способствовали развитию этого направления работы качественные переводы как учебных пособий, так и популярной литературы о вере.

Социальные учреждения при миссии, напротив, не отличались широтой организации и эффективностью. Причиной этого являлось сначала весьма скромное финансирование деятельности на начальном этапе и все возростающие затраты на поддержку пастырской работы в более поздний период.

С начала XX в. в работе РДМК по проповеди Православия стал приобретать значение культ китайских мучеников, засвидетельствовавших свою веру в период восстания ихэтуаней. Наличие святых из числа того же народа активно использовалось миссионерами для демонстрации православной культуры и вероучения. Традиционно семейственно настроенные китайцы положительно воспринимали образы мучеников из своей собственной среды.

Составы Миссии менялись и каждый из них уносил с собой большую часть наработок в практической части миссии. Возможно, именно поэтому наиболее успешными в арсенале русских миссионеров оказались учреждения постоянного действия, в которых человеческий фактор был меньше, чем при индивидуальной работе. Школы, благотворительные организации и храмы, действовавшие с определенной постоянностью, оказались самым действенным, хотя и весьма медленным методом проповеди. Благодаря им китайцы постепенно привыкали просвещались и одновременно привыкали к вере. В конечном итоге, поколения жителей Поднебесной, выросшие в Православии, утвердили китайскую паству достаточно, чтобы дать мучеников, претерпевших страдания за веру, а это показывает, что старания сотрудников РДМК были не напрасными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел (АВПРИ МИД)

1. Духовная Миссия в Пекине. Переписка по отдельным делам (1915 г.) // АВПРИ МИД. Ф.143. Оп. 491. Д. 197.
2. Духовная Миссия в Пекине. Беспорядки в ней и жалобы на епископа Иннокентия (1914–1915 гг.) // АВПРИ МИД. Ф.143. Оп. 491. Д. 206.
3. О женском училище для албазинских детей при Духовной Миссии в Пекине (1861–1865 гг.) // АВПРИ МИД. Ф. 143. Оп. 491. Д. 153.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

4. Отчет начальника Императорской миссии в Пекине (1864 г.) // ОР РНБ. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 178.

Российский Государственный Исторический Архив (РГИА)

5. Дело о возведении начальника Пекинской Духовной миссии в сан епископа (1902 г.) // РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29225.
6. Дело о необходимости возвращения в Российскую духовную Миссию (1900–1902 гг.) // РГИА. Ф. 797. Оп. 70. Д. 310.
7. Дело об отпуске по 15600 руб. в год на содержание Российской духовной миссии в Пекине (1894–1895 гг.) // РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 17290.
8. Дело Синода об обращении Пекинской женской общины в монастырь (1907–1908 гг.) // РГИА. Ф. 797. Оп. 77. Д. 580.
9. О назначении нового начальника и состава Русской духовной миссии в Пекине (1864 г.) // РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Д. 77.
10. О Пекинской духовной миссии (1818 г.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 99. Д. 877.
11. О разрешении годового отпуска члену Пекинской Духовной Миссии архимандрита Палладия (1878–1879 гг.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 159. Д. 141.

12. Определение Синода об издаваемом в Пекине журнале (1904 г.) // РГИА. Ф. 796. Оп. 185. Д. 5912.
13. Отчет начальника Духовной Миссии за 1863 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 146. Д. 1358.
14. Отчет начальника Духовной Миссии за 1875 г. Отчет начальника Духовной Миссии за 1875 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 46. Д. 141.
15. Отчет начальника Духовной Миссии за 1876 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 158. Д. 810.
16. Отчет начальника Духовной Миссии за 1886 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 2269.
17. Отчет начальника Духовной Миссии за 1888 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 3.
18. Отчет начальника Духовной Миссии за 1903 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 184. Д. 5310.
19. Отчет начальника Духовной Миссии за 1904 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 5955.
20. Официальное извещение епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского Мартиниана начальнику 16-й духовной Миссии архимандриту Флавиану (Городецкому) // РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 31.
21. Письмо архимандрита Флавиана (Городецкого) иеромонаху Николаю (Адоратскому) // РГИА. Ф. 797. Оп. 53. Д. 67.
22. Прошение Начальника Пекинской Миссии Святейшему Синоду от 24 июля 1881 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 164. Д. 8.
23. Сношения Министерства государственных имуществ с Императорской духовной миссией в Пекине // РГИА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1.

Опубликованные источники

24. *Аввакум (Честной), архим.* Наша китайская миссия в 1834 году. Письмо Аввакума Честного из Пекина в Архангельск // Русский Архив. СПб., 1884. № 5. С. 152–161.

25. *Авраамий (Часовников), иером.* Пекинское сиденье: из дневника члена православно-русской миссии в Китае // Христианское чтение. СПб., 1901. № 1. С. 65–112.
26. *Алексеев В. М.* Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982. 535 с.
27. *Алексеев В.М.* В старом Китае. Дневники путешествий. 1907 г. М., 1958. 312 с.
28. *Васильев В. П.* Воспоминание об И. И. Захарове // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1885. Ч. 242. С. 94–110.
29. *Веселовский Н. И.* Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине. СПб., 1905. 97 с.
30. Дополнение к прежней инструкции нашей Духовной Миссии // Китайский благовестник. 1916. Вып. 7–8. С. 16–17.
31. *Дюгальд Ж. Б.* Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии Китайская. Ч. 2. СПб., 1901. 280 с.
32. Епископия в Китае // Китайский благовестник. 1916. Вып. 17–18. С. 7–17.
33. Из Пекина // Иркутские Епархиальные Ведомости. 1866. №45. С. 587–520.
34. Известия православной церкви в Китае. Харбин, 1904. Вып. 2. 16 с.
35. Инструкция Архимандриту Петру, начальнику 10-й Пекинской Миссии // Китайский благовестник. 1915. Вып. 13–14. С. 21–32.
36. Ихэтуань даньань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т.1. Пекин, 1959. 155 с.
37. *Ковалевский О.М.* Монгольская хрестоматия. Т. I. Казань, 1836. 591 с.
38. *Коростовец И. Я.* Китайцы и их цивилизация. СПб., 1896. 628 с.
39. *Коростовец И.Я.* Россия на Дальнем Востоке. Пекин: Восточное просвещение, 1922. 204 с.
40. Корреспонденция // Китайский благовестник. 1907. Вып. 5–6. С. 25.
41. *Корсаков В.В.* В старом Пекине: очерки из жизни в Китае. СПб.: Труд, 1904. 368 с.

42. *Корсаков В.В.* Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде Пекина, май – август 1900 г. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1901. 394 с.
43. Кяхтинский трактат с условиями политических и экономических взаимоотношений между Россией и Китаем // Русско-китайские отношения, 1689–1916: офиц. док. / Акад. наук СССР, Ин-т китаеведения; сост. П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М., 1958. С. 17–22.
44. *Мао Ли.* Враг желтого дракона // Дунфан цзачжи. 1863. Вып. 7. С. 5–11.
45. *Марко Поло.* Книга о разнообразии мира // Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны; Книга Марко Поло / Пер. И. М. Минаев. М.: Мысль, 1997. 285 с.
46. Мина Лянь. Рассказ пекинского миссионера. // Китайский благовестник. 1907 г. Вып. 5–6. С. 15–24.
47. О деятельности христиан в Пекине // Дунфан цзачжи. Пекин, 1883. Вып. 6. 85 с.
48. О преобразовании пекинской миссии // Странник. СПб., 1864. Т.1. С. 33–34.
49. Об изменении штата православной духовной миссии в Пекине // Ведомство православного исповедания. Хозяйственное управление при Святейшем Синоде. Отделение 2-е. Стол 2. 19 апреля 1902 г. № 9860. СПб. С. 6–7.
50. Отчет о поездке в провинцию Хэнань для образования станом Миссии (сентябрь 1914 год) // Китайский благовестник. 1914. Вып. 17–18. С. 24–25.
51. Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии в прошедшем 1907 году // Китайский благовестник. 1908. Вып. 9–10. С. 1–6.
52. Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1906 год // Китайский благовестник. 1907 г. Вып. 7. С. 8–10.
53. Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1910 год // Китайский благовестник. 1911. Вып. 1. С. 1–6.
54. Отчет о состоянии Шанхайского отделения за 1916 год // Китайский благовестник. 1917. Вып. 1–2. С. 6–9.

55. Отчет Павла Тань о поездке в Ханьчжоу // Китайский благовестник. 1908. Вып. 23–24. С. 21–22.
56. Отчет Пекинской Духовной Миссии за 1907 год // Китайский благовестник. 1907. Вып. 2. С. 1–5.
57. Официальный отдел // Китайский благовестник. 1910. Вып 5. С. 32.
58. Пекинская Духовная Миссия в 1902–1913 годах // Китайский благовестник. 1914. Вып. 1–2. С. 11–25.
59. Письма об успехах Православия в Китае // Иркутские Епархиальные Ведомости. 1863. № 19. С. 260–320.
60. Позднеев Д.М. 56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни: рассказ очевидца. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1901. 199 с.
61. Праздник православной церкви в Китае в честь святых мучеников // Китайский благовестник. 1904. № 6. С. 4–5.
62. Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям» // Иркутские епархиальные ведомости. 1871. № 32. 601–631 с.
63. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. 139 с.
64. Русско-Китайский словарь // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. № 16. С. 12–18.
65. Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг. СПб., 1889. 271 с.
66. Святые мученики // Китайский благовестник. 1911. Вып. 8. С. 11–14.
67. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Тяньзинь, 1940. 695 с.
68. Сы го синь дан. Новые архивные документы четырех государств. Архив по России. Тайбэй, 1966. 515 с.
69. Толстой Д. А. Состояние Духовной Миссии в Пекине // Иркутские Епархиальные Ведомости. 1870. №16. С. 172–199.
70. Хроника церковной жизни // Китайский благовестник. 1907. Вып. 7–8. С. 25–28.
71. Хулители Конфуция // Дунфан цзачжи. 1863. Вып.16. С. 4–7.

72. Юй Ли Бо. Злые силы в Поднебесной // Дунфан цзачжи. 1863. Вып. 14. С.
73. Юй Цзе. Место Кяхтинского договора 1728 г. в становлении российского Китаеведения (окончание) // Проблемы Дальнего Востока. М., 2007. № 5. С. 148–156.
74. Ян Хиншун. Древнекитайская философия: собрание текстов в двух томах. Том 1. М., 1972. 361 с.

Литература

75. Августин (Никитин), архим. Россия и Китай: становление и развитие отношений (Пекинская Духовная миссия в XVIII столетии) // Миссионерское обозрение. 2001. №6. С. 16–20.
76. Августин (Никитин), архим. СПбДА и Российская духовная миссия в Пекине: Архим. Гурий (Карпов), 1814–1882 // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 39–42.
77. Авраамий (Часовников), архим. Краткая история русской православной миссии в Китае. М., 2006. 223 с.
78. Автономова А. С. Дипломатическая деятельность русской православной миссии в Пекине в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. 2005. №7. С. 100–111.
79. Александров Б. Г. Бэй-Гуань: Краткая история Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 2006. 217 с.
80. Алексеева П. Э. Востоковед А. Г. Владыкин. // Восток и Запад. Элиста, 1985. С. 98–99.
81. Алексей (Виноградов), иером. Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской Духовной и Дипломатической Миссии в г. Пекин или Бей-Цзине, (в Китае). СПб., 1889. 202 с.
82. Артемьев А. Р. Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Сибирь в XVII–XX

- веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения, 1999–2000 гг. С. 44–52.
83. *Артемьев А. Р.* Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. 1998. № 5. С. 140–147.
84. *Архангелов С. А.* Наши заграничные миссии. Очерк о русских духовных миссиях. СПб., 1899. 208 с.
85. *Афиногенов Г. Д., Королев А. А.* Католицизм в Китае в XIII–XIV вв. // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 35. С. 103.
86. *Барановский М.* Пекинская духовная миссия: Из деятельности царской России в Китае // Атеист. 1930. №49. С. 10–35.
87. *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 236–239.
88. *Бичурин Н. Я.* // Советская историческая энциклопедия Государственное научное издание «Советская энциклопедия». М., 1973–1982. Т. 2. С. 342.
89. *Богатырев С. И.* Аввакум (Честной), архимандрит // Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 22–23.
90. *Боград В. Э., Рифтин Б. Л.* Русский китаевед Дэмин, его «Поездка в Китай» и перевод из «Сна в Красном тереме» // Народы Азии и Африки. 1983. №6. С. 78–87.
91. *Васильева О. В.* Собрание китайских рисунков З. Ф. Леонтьевского // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг ГПБ. Сборник научных трудов. Л., 1988. С. 62–90.
92. *Васькова О. В.* Из истории Российских духовных миссий в Китае // Дипломатический Вестник. 1997. № 1. С. 8–15.
93. *Векишина Н. М.* Религия, политика и наука в истории российской духовной миссии в Пекине // Вестник ВятГУ. 2018. № 1. С. 32–36.

94. *Волкова М. П.* В. П. Васильев как один из первых исследователей маньчжурской литературы // Общество и государство в Китае. 22 ежегодная конференция. Ч. 3. М., 1991. С. 69–88.
95. *Волохова А. А.* Российская Духовная Миссия в Китае в XVIII в.: оценка американского историка // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 24–29.
96. *Г.Л.* Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30–50-е гг. XIX в. // Красный архив. 1932. Т. 4 (53). С. 162–166.
97. *Глебов Н. Д.* Дипломатические функции пекинской православной Духовной Миссии (к 250-летию юбилею) // На Дальнем Востоке, 1935. М., 2005. С. 110–120.
98. *Гурий (Карпов), архим.* Беседа священника с прихожанами (в Пекине) о Молитве // Иркутские Епархиальные Ведомости. 1864. №25. С. 407–421.
99. *Да Ши Мин.* Церемонии дикарей // Дунфан цзачжи. 1963. Вып. 15. С. 12–14.
100. *Даньшин А.В.* Вклад Российской духовной миссии в исследование права Китая // Lex russica (Русский закон). 2016. №8. С. 152–167.
101. *Дацышен В. Г.* Архимандрит Петр (Каменский) и становление русско-китайского взаимодействия в сфере медицины // Сибирской медицинское обозрение. 2012. № 6 (78). С. 92–103.
102. *Дацышен В. Г.* Изучение истории Китая в Российской империи. М., 2016. 192 с.
103. *Дацышен В. Г.* Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг, 2011. 430 с.
104. *Дацышен В. Г.* Русские китаеведы XVIII – начало XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий библиографический справочник) // Архив российской китаистики. Ин-т востоковедения РАН. Т. I / сост. А. И. Кобзев; отв. ред. А. Р. Вяткин. М., 2013. С. 532–550.
105. *Дацышен В. Г.* Христианство в Китае: история и современность. М., 2007. 240 с.

106. *Дацышен В. Г., Чегодаев А. Б.* Архимандрит Петр (Каменский). М., Гонконг, 2013. 260 с.
107. *Дацышен В. Г.* Русско-китайская война 1900 года. Поход на Пекин. СПб., 1999. 160 с.
108. *Денисов П. В.* Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары, 2007. 334 с.
109. Деятельность Православной Духовной Миссии в Китае // Китайский благовестник. 1912. Вып. 3. С. 8–20.
110. *Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л.* Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток. Oriens. 2014. № 1. С. 5–17.
111. *Доронин Б. Г.* История империи Цин в трудах членов Российской духовной миссии (XVIII – середина XIX в.) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 99–105.
112. *Захаренко И. А.* Востоковедческое изучение трансграничных регионов России и Китая: историко-географический и картографический аспект // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 95–103.
113. *Здравомыслов К. Я.* Феодосий (Сморжевский), архимандрит // Русский биографический словарь в 25 томах. М., 1913. Т. 25. С. 341–342.
114. *Иванов П., иерей.* Из истории христианства в Китае. М., 2005. 222 с.
115. *Иванов П., прот.* Православные катехизисы на китайском языке. К проблеме составления православного миссионерского русско-китайского словаря // Китайский Благовестник. 2002. № 2. С. 160–167.
116. *Иванов П., прот.* Православные переводы Нового Завета на китайский язык // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 3. С. 190–210.
117. *Иорши И. И.* Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М.: Наука, 1966. 207 с.
118. *Ипатова А.С.* Дипломатические функции Пекинской миссии (К 280-летию основания) // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. М., 1995. С. 63–74.

119. *Исайя (Поликин), иером.* Поездка в окрестности Пекина по делам распространения христианства // *Духовная беседа.* 1863. №15–16. С. 49–59.
120. История отечественного востоковедения до середины XIX века / Под ред. А. П. Базиянц и др. М., 1990. 439 с.
121. *Калюжная Н.М.* Восстание ихэтуаней (1898–1091). М., 1978. 363 с.
122. *Карезина И. П.* Катехизис на китайском языке о. Франческо Бранкати как источник катехизиса архимандрита Иакинфа (Бичурина) // *Материалы международной научно-практической конференции «Христианство на Дальнем Востоке.* Хабаровск. 19–21 сентября 2006. Хабаровск, 2006. С. 28–37.
123. *Кепинг К. Б.* Храм Всех Святых Мучеников в Бэй-гуане (Пекин) // *Православие на Дальнем Востоке.* СПб., 2001. Вып. 3. С. 113–124.
124. *Кеппинг К.* Последние статьи и документы. СПб., 2003. 358 с.
125. *Ким Г. Ф., Шаститко П.М.* Азиатский департамент Министерства иностранных дел // *История отечественного востоковедения до середины XIX века.* М., 1990. 435 с.
126. *Кнорре Б. К.* Аввакум (Честной), иером. // *Православная энциклопедия.* М., 2007. Т. 1. С. 87.
127. *Ковалева Е. В.* Иннокентий (Фигуровский), митрополит // *Православная энциклопедия.* М., 2015. Т. 23. С. 31–32.
128. Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916. 222 с.
129. *Крюков М.В. Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. М., 1993. 413 с.
130. *Крючкова Т. А., Максимилиан (Клюев), игум., Павлова О. А., Смолина И. В.* Иркутская и Ангарская епархия // *Православная энциклопедия.* М., 2016. Т. 26. С. 493.
131. *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России (XVIII — первая половина XIX вв.) // *Народы Азии и Африки.* 1970. № 4. С. 133–139.

132. *Кычанов Е. И.* Владимир Васильевич Горский (1819—1847). // Православие на Дальн. Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 29–36.
133. *Кюнер Н. В.* Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч. II. Вып. 3. Сношения с Россией. Владивосток, 1910. 90 с.
134. *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. Том IV. Ч. 2. М., 1938. 334 с.
135. *Лапин П. А.* Секретная переписка российской духовной миссии в Пекине с Россией (начало XVIII – вторая половина XIX вв.): методы, принципы, содержание // Общество и государство в Китае. 2014. С. 423–435.
136. *Ломанов А. В.* Христианство и китайская культура. М., 2002. 446 с.
137. *Ломанов. А. В.* Христианство и китайская культура. М., 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://predanie.ru/book/120644-hristianstvo-i-kitayskaya-kultura/#/toc2> (дата обращения: 12.03.2021).
138. *Можаровский А. К.* Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой российско-императорской миссии в Пекине // Русская старина, № 2. 1896. С. 318–342.
139. *Можаровский А. К.* К истории нашей духовной миссии в Китае // Русский архив. 1886. №7. С. 405–437.
140. *Моллер Н. С.* Архимандрит Иакинф Бичурин. Воспоминания его внушки. Русская старина. СПб, 1888. № 8. С. 272–300.
141. *Мороз И. Т.* Девятая российская духовная Миссия (К истории ее отправления в Пекин) // История. Российской духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 214–252.
142. *Мясников В. С.* Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 1. С. 120–121.
143. *Мясников В.С.* Русский маньчжуровед Г.М. Розов // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 1. С. 181–187.
144. *Непомнин О. Е.* История Китая: эпоха Цин, XVII–нач. XX в. М., 2005. 712 с.

145. *Нестерова Е. В.* Российская Духовная Миссия в Пекине и начало русско-китайских контактов в сфере изобразительного искусства // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С. 125–132.
146. *Николай (Адоратский), иером.* Вып. I. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745). Казань, 1887. 165 с.
147. *Николай (Адоратский), иером.* Вып. II. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745–1808). Казань, 1887. 320 с.
148. *Николай (Адоратский), иером.* Издательская деятельность Шестнадцатой Духовной Миссии в Пекине // Православное обозрение. 1884. №1. С. 7–12.
149. *Николай (Адоратский), иером.* История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // История Российской духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 128–133.
150. *Николай (Адоратский), иером.* Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. 200-летнего юбилея ее существования. Пекин, 1916. 226 с.
151. *Николай (Адоратский), иером.* Настоящее положение и современная деятельность православной духовной миссии в Китае // Православный собеседник. Казань, 1884. Ч. 2. С. 376–390.
152. *Николай (Адоратский), иером.* Отец Иакинф (Бичурин) // Православный собеседник. Казань, 1866. Ч.2. С. 68–70.
153. *Николай (Адоратский), иером.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. Казань, 1887. С. 13–59.
154. *Обручев В. А.* От Кяхты до Кульджи. М., 1950. 271 с.
155. *Пайчадзе С. А.* Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (Очерки истории второй половины XIX – нач. XX столетия). Новосибирск, 1995. 225 с.
156. *Палладий (Кафаров), архим.* Китайская литература магометан // Труды Восточного отдела Русского археологического общества. 1887. Т.17. 334 с.

157. *Пан Т. А.* Изучение маньчжурского языка в Пекинской Духовной Миссии // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С.119–126.
158. *Пан Т. А.* Иларион (Лежайский), архимандрит // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 22. С. 181.
159. *Поздняев Д., прот.* Китайские мученики // Православная энциклопедия. М., 2019. Т.35. С. 152–155.
160. *Поздняев Д., прот.* Православие в Китае // Россия и современный мир. 2001. № 1. С. 165–181.
161. *Попова И. Ф.* Становление лексикографии китайского языка в России. // Страны и народы Востока. Коллекции, тексты и их «биографии» / Под ред. И.Ф. Поповой, Т.Д. Скрынниковой. М., 2014. Вып. 35. С. 291–303.
162. *Радовский М.И.* Ларион Россохин и начало изучения китайской пиротехники в России (Неопубликованная рукопись Россохина «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках») // Из истории науки и техники в странах Востока. 1961. № 2. С. 88–99.
163. *Решетов А. М.* Значение трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине для этнографии // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск I: 275-летие Российской Духовной миссии в Китае. С. 105–117.
164. *Решетов А. М.* Произведения русских художников XVIII – начала XX в. как источник для изучения культуры и быта населения Петербурга (к постановке вопроса) // Старый Петербург. Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 171–189.
165. *Самойлов Н. А.* Пекинская духовная миссия во 2-й пол. XIX в. // Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 48–53.
166. *Саркисова Г. И.* Из истории отечественного китаеведения: учреждение школы китайского и маньчжурского языков при коллегии иностранных

- дел (1798–1801) // Православие на Дальнем Востоке. 2001. Вып. 3. С. 35–48.
167. *Силакова С. А.* Деятельность врачей при Русской духовной Миссии в Пекине и изучение традиционной медицины Китая // *Международный научный журнал*. 2019, № 3. С. 64–72.
168. *Скачков П. Е.* Библиография Китая. М., 1960. 691 с.
169. *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. 505 с.
170. *Скачков П. Е.* Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине // *Советское китаеведение*. 1958. №4. С. 136–158.
171. *Сладковский М. И.* Китай и Англия. М., 1980. 352 с.
172. *Смирнов Е., прот.* Очерк исторического развития и современного состояния Русской православной миссии. СПб., 1904. 432 с.
173. *Софроний (Грибовский), архим.* Известие о китайском, ныне маньчжуро-китайском государстве. М., 1861. 97 с.
174. *Строев П. М.* Список иерархов и настоятелей монастырей Российские церкви. СПб., 1877. 68 с.
175. *Суходолов А. П., Василенко В. А., Кузьмин Ю. В. И. К.* Россохин: иркутское начало российского китаеведения и маньчжуроведения // *Российско-китайские исследования*. М. 2019. С. 9–16.
176. *Сытин И. Д.* Боксерское восстание 1900–02 гг. // *Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В. Ф. Новицкого*. СПб., 1912. Т.4. С. 614–623.
177. *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах. Часть 1: Переезд до Пекина. СПб.: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. 388 с.
178. *Тихвинский С. Л.* Движение за реформы в Китае в конце XIX века. – М., 1980. 360 с.
179. *Тихвинский С. Л.* История Русской духовной миссии в Китае. М., 1997. 414 с.

180. *Тихвинский С.Л.* Выдающийся русский китаевед Н.Я. Бичурин: К 200-летию со дня рождения // Тихвинский С.Л. Китай и Всемирная история. М., 1988. С. 163–182.
181. Труды и переводы Пекинской Духовной Миссии // Китайский благовестник. 1931. Вып 5–6. С. 14–21.
182. Успех и препятствия // Китайский благовестник. 1915. Вып. 5–6. С. 1–8
183. *Файнберг Э. Я. И. А. Гошкевич* – первый русский консул в Японии (1858—1865 гг.) // Историко-филологическое исследование. Сб. ст. к 70-летию Н. И. Конрада. М., 1967. С. 505–508.
184. *Фань Веньлань.* Новая история Китая. Т.1, 1840–1901 / Пер. с кит. Вяткина Р.В. и др. М., 1955. 600 с.
185. *Феклова Т. Ю.* К истории ботанических исследований Российской Духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в. // Историко-биологические исследования. 2016. № 8(4). С. 52–68.
186. *Феклова Т. Ю.* Под сенью Церкви: научная деятельность Русской духовной миссии в Китае в XIX в. // Вестник Исторического общества СПДА. 2020. № 2(5). С. 139–149.
187. *Хенниг. Р.* Неведомые земли. Т. 3. М., 1962. 481 с.
188. *Хохлов А. Н.* Амвросий (Юматов), архимандрит // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 2. С. 154. С. 5.
189. *Хохлов А. Н.* Антоний (Платковский), архимандрит // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 2. С. 637.
190. *Хохлов А. Н.* Иларион (Трусов), архимандрит // Православная энциклопедия. М., 2014. Т. 22. С. 188.
191. *Хохлов А. Н.* Российская православная миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг // Китайское языкознание. VIII международная конференция. Материалы. М., 1996. С. 124–161.
192. *Хохлов А. Н.* Стажеры и стипендиаты при Пекинской духовной миссии // Православие на Дальнем Востоке. 1993. С. 62–74.

193. *Хохлов А.Н.* Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение: К 200-летию со дня рождения: Материалы конф. М., 1977. С. 27–45.
194. *Хохлов А.Н.* Н. Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978. №1. С. 55–72.
195. *Хохлов А.Н.* Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978. №1. С. 55–72.
196. *Хохлов А.Н.* Об источниковедческой базе работ Н.Я. Бичурина о цинском Китае // Народы Азии и Африки. 1978. №1. С. 129–137.
197. *Хохлов А.Н.* П.И. Каменский и его труды по истории Китая // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. М., 1970. С. 139–140
198. *Циперович И. Э.* Академики-востоковеды Эдуард Шаванн (1865–1918) и Поль Пеллио (1878–1945) // Петербургское востоковедение. Вып. 9. 1997. С. 448–475.
199. *Ча Шицзе.* Сборник статей по истории христианства в период республики. Тайбэй, 1993. 225 с.
200. *Чжан Бин.* Исторический очерк российского китаеведения // Общество и государство в Китае. Пекин. 2018. С. 195–204.
201. *Чигринский М.Ф.* Иеромонах Алексей (Виноградов) в Оптиной Пустыни // Православие на Дальн. Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993. С. 54–61.
202. *Чэнь Кайкэ.* Палладий и китайско-российские отношения в позднецинский период. Шанхай, 2008. 403 с.
203. *Шаталов О.В.* Архимандрит Петр (Каменский) – начальник 10-й Российской Духовной Миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. Вып.3. СПб., 2001. С. 89–97.
204. *Шубина С.А.* Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII–XIX вв.) // Ярославский педагогический вестник. 2010. №1. С. 189–193.

205. *Шубина С.А.* Пекинская духовная миссия как орган дипломатического представительства России в Китае // *Путь в науку. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.* 1995. Вып. 2. С. 29–44.
206. *Fairbank J. K. and Goldman Merle.* China a New History. – Cambridge: The Belknap press of Harvard University press, 2006, P. 209 // *Statistics of Wars, Oppressions and Atrocities of the Nineteenth Century* <http://necrometrics.com/wars19c.htm> (дата обращения: 26.12.2019).